

ISSN 1993-1824

**ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА**

3/2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 15, № 3

Июль – сентябрь 2022

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова, А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

16+

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 15, No. 3

July – September 2022

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriluk V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova, A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824
16+

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu

PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Беляева Е. А., Валеева М. В., Салганова Е. И. Барьеры, сдерживающие образовательное взаимодействие вузов России (на примере г. Екатеринбурга) и стран Шанхайской организации сотрудничества	9
Готовкина М. С., Солоненко А. А. Высшее образование будущего в цифре: социологический аспект	26
Жулева М. С., Конев Ю. М. Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка	35
Ковальжина Л. С. Изменение отношения российского общества к культуре здоровья в условиях пандемии COVID-19	50
Моложавенко В. Л., Третьякова О. В. Участие молодежи Тюменской области в общественно-политической жизни общества	67
Сорокин Г. Г., Барбаков О. М. Применение сетевого подхода для организации управления геронтообразованием в России	89
Юдашкина В. В., Яцевич О. Е. Социокультурная активность молодежи: особенности саморегуляции (на материале анкетных данных г. Тюмени)	104

CONTENTS

Belyaeva, E. A., Valeeva, M. V., Salganova E. I. Barriers that hinder the educational interaction of Russian universities and the Shanghai Cooperation Organisation countries (a case study of universities in Ekaterinburg)	9
Gotovkina M. S., Solonenko A. A. Higher education of the future in digital: a sociological aspect	26
Zhuleva M. S., Konev Yu. M. The concept of state sovereignty in the context of the transformation of the modern world order	35
Kovalzhina L. S. Changing attitude of Russian society towards health culture during the COVID-19 pandemic	50
Molozhavenko V. L., Tretyakova O. V. Participation of young people of Tyumen region in the social and political life of the society	67
Sorokin G. G., Barbakov O. M. The network approach application for the organization of the elderly education management in Russia	89
Yudashkina V. V., Yatsevich O. E. Sociocultural activity of youth: features of self-regulation (a case study of questionnaire details of Tyumen residents)	104

УДК 378.4

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-9-25

Барьеры, сдерживающие образовательное взаимодействие вузов России (на примере г. Екатеринбурга) и стран Шанхайской организации сотрудничества

**Екатерина Александровна Беляева¹, Марина Владимировна Валеева¹,
Елена Ивановна Салганова²**

¹*Кафедра социальной работы Департамента политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

²*Кафедра социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия*

Аннотация. В статье приводятся данные, полученные в ходе исследования, проведенного в мае–июне 2022 года и связанного с изучением образовательного потенциала вузов г. Екатеринбурга по привлечению студентов из стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В ходе проведенного исследования удалось выявить ключевые барьеры образовательного взаимодействия стран, а также факторы, которые способствуют увеличению количества студентов из стран ШОС в вузы г. Екатеринбурга. Наши данные позволили сформулировать основные барьеры, к ним относятся объективные обстоятельства постоянно меняющихся геополитических реалий, технические сложности осуществления образовательного взаимодействия, недостаточная готовность профессорско-преподавательского состава к обучению иностранных студентов, финансовые риски, языковой барьер, культурный барьер, некомфортность инфраструктуры вузов, специфика образовательных программ и учебных планов. Также в ходе исследования были установлены факторы, которые будут способствовать развитию образовательного взаимодействия и преодолению барьеров. К ним относятся личностные факторы, мотивация на получение образования в российских вузах, исторически сложившаяся культурная традиция общения народов стран ШОС, создание единых образовательных стандартов, организаций (аналогичных университету ШОС). Таким образом, мы делаем вывод о том, что для укрепления образовательного взаимодействия можно порекомендовать расширять образовательную сеть, количество международных партнерств с университетами и другими образовательными организациями стран ШОС, улучшать условия проживания и обучения для иностранных студентов, создавать новые образовательные продукты, в которых будут заинтересованы абитуриенты из стран ШОС.

Ключевые слова: инновационный потенциал вузов, иностранные студенты, барьеры международного взаимодействия, факторы развития образовательного взаимодействия

Для цитирования: Беляева, Е. А. Барьеры, сдерживающие образовательное взаимодействие вузов России (на примере г. Екатеринбурга) и стран Шанхайской организации сотрудничества / Е. А. Беляева, М. В. Валеева, Е. И. Салганова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-9-25 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 9–25.

Barriers that hinder the educational interaction of Russian universities and the Shanghai Cooperation Organisation countries (a case study of universities in Ekaterinburg)

Ekaterina A. Belyaeva¹, Marina V. Valeeva¹, Elena I. Salganova²

¹*Department of Social Work of the Faculty of Political Science and Sociology, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia*

²*Department of Sociology, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia*

Abstract. The article provides data obtained during a study conducted in May-June 2022 and related to the study of the educational potential of universities in Ekaterinburg to attract students from the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) countries. In the course of the study, it was possible to find out the key barriers of educational interaction between countries, as well as factors that contribute to an increase in the number of students from the SCO countries to universities in Ekaterinburg. Our data made it possible to formulate the main barriers, including objective circumstances of constantly changing geopolitical realities, technical difficulties of educational interaction, insufficient readiness of faculty to train foreign students, financial risks, language barrier, cultural barrier, not the comfort of the infrastructure of universities, specifics of educational programs and curricula. In addition, during the study, factors were identified that will contribute to the development of educational interaction and overcoming barriers. They are personal factors, motivation for education in Russian universities, the historically established cultural tradition of communication between the peoples of the SCO countries, the creation of uniform educational standards, organizations (similar to the SCO university). Thus, we conclude that in order to strengthen educational interaction, it is possible to recommend expanding the educational network, the number of international partnerships with universities and other educated organizations of the SCO countries, improving living and learning conditions for foreign students, and creating new educational products in which applicants from the SCO countries will be interested.

Keywords: innovative potential of universities, foreign students, barriers in international interaction, factors of educational interaction development

For citation: Belyaeva, E. A., Valeeva, M. V., & Salganova, E. I. (2022). Barriers that hold hinder the educational interaction of Russian universities and the Shanghai Cooperation Organisation countries (a case study of universities in Ekaterinburg). *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 9-25. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-9-25

Введение

Образовательное взаимодействие России и стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) имеет длительный культурно-исторический опыт, который начинается в период СССР, когда образовательная миграция между республиками, а также странами «союзного лагеря» была принята и поддерживалась руководством стран. Современные реалии недавней ситуации с пандемией, изменением геополитического пространства мира диктуют новые требования к формированию моделей образовательного взаимодействия между странами ШОС. Для понимания и глубинного изучения специфики национальных систем образования стран ШОС, а также сдерживающих позитивных и негативных факторов, оказывающих влияние на них, необходимо обратиться к изучению текущей ситуации, складывающейся в области образовательного взаимодействия стран, исследовать барьеры и перспективы развития такого образовательного взаимодействия.

Исследование инновационного потенциала вузов г. Екатеринбурга является актуальной проблемой для изучения в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030». Цель программы — создать в России широкую группу университетов, которые станут лидерами в создании нового научного

знания, технологий и разработок для внедрения в российскую экономику и социальную сферу. Такие университеты будут вырабатывать и распространять по всей системе высшего образования лучшие практики научно-исследовательской, инновационной и образовательной деятельности, поднимут привлекательность получения образования в регионах России, в том числе в г. Екатеринбурге.

Подтверждением тенденции к развитию международных образовательных партнерств и академических обменов могут служить многие российские правительственные документы и положения, например приоритетный национальный проект «Образование», Закон РФ «Об образовании», который предоставил право ведения внешнеэкономической деятельности образовательным учреждениям. В Таджикистане и Узбекистане действуют национальные «Законы об образовании». В Китае больше всего нормативных документов, способствующих развитию интернационализации высшего образования. Например, «Закон об образовании Китайской Народной Республики», в котором сказано: «Государство поощряет развертывание внешних обменов и сотрудничества в сфере образования»; в свою очередь, «Закон о высшем образовании Китайской Народной Республики» устанавливает: «Государство поощряет и поддерживает международные обмены и сотрудничество в области высшего образования». Кроме того, сюда же относятся следующие документы: «Руководящие положения о посреднических услугах для выезжающих на обучение за рубеж за свой счет» Министерства образования КНР, создание «Организации по контролю за обучением за рубежом», подписание соглашения с ЮНЕСКО, создание «Центра Министерства образования по оказанию услуг выезжающим на учебу за рубежом», учреждение «Государственного стипендиального фонда для лучших студентов, выезжающих на учебу за рубеж за свой счет», создание программы «Фонд стартового капитала для проведения научных исследований по возвращении на родину обучившихся за рубежом» и другие проекты.

В 2006 году в Шанхае было подписано Соглашение правительств государств — членов ШОС «О сотрудничестве в области образования». 17 октября 2018 года в городе Астане (Казахстан) состоялось седьмое Совещание министров образования государств — членов ШОС. «В ходе Совещания главы делегаций уделили первоочередное внимание вопросам обеспечения реализации договоренностей, достигнутых в июне 2018 года в г. Циндао на заседании Совета глав государств — членов ШОС по дальнейшему развитию в двустороннем и многостороннем форматах сотрудничества в области обмена преподавателями и студентами, проведения совместных научных работ, академических визитов, языкового обучения, профессионального образования и молодежных обменов» [1]. Таким образом, можно отметить большой образовательный ресурс, реализующийся в рамках взаимодействия стран — членов ШОС. В рамках встреч Шанхайской организации сотрудничества посол Ли Хуэй подчеркнул, что необходимо «...укрепить культурно-гуманитарные и образовательные контакты. Необходимо формировать сознание большой семьи ШОС, продолжать содействовать обменам и сотрудничеству в гуманитарной области. Китайская сторона выступила с инициативой создать университет ШОС, реализовать программу сотрудничества Китай — ШОС по развитию человеческих ресурсов, создать в ближайшее время союз мозговых центров по экономическим вопросам, создать комиссию ШОС по сотрудничеству СМИ, продолжать такие практи-

ки, как организация молодежных лагерей, летних лагерей школьников и других брендовых мероприятий...» [2].

Литературный обзор

Изучением международного образовательного взаимодействия занимались и занимаются многие исследователи [3–7], однако непосредственно тема инновационного потенциала вузов Свердловской области в привлечении студентов из стран ШОС является малоизученной. Меняющиеся геополитические реалии и внутренняя политика государств во многом определяют векторы межвузовского взаимодействия. По статистическим данным исследования, проведенного Российским университетом дружбы народов (РУДН) в 2012 году, относительно низкая доля России на международном образовательном рынке обуславливается следующими причинами: высокий уровень преступности на расовой и межэтнической почве, низкое качество социальной инфраструктуры вузов, трудность освоения русского языка как иностранного, суровый климат, требующий дополнительных затрат на приобретение теплой одежды и обуви. Также необходимо отметить общее снижение качества российских образовательных услуг и значительные отличия российской системы образования от мировых моделей и тенденций [8]. Процесс интернационализации образования, который был воспринят в свое время как шаг вперед в плане всеобщего повышения интеллектуализации мирового сообщества, многих руководителей российских вузов заставил ориентироваться не на качество обучения иностранных студентов, а на количество — «чем больше партнерских соглашений, тем успешнее международная интеграция, тем более престижным и привлекательным вуз является для других университетов и студентов» [9]. Как продолжение вышеизложенной концепции «мягкой силы» образования или же ее составляющей особое развитие в рамках образовательного партнерства стран ШОС получает культурная дипломатия. Эта тема стала основной в научной работе Цинь Мина 2014 года. Основываясь на мнениях иностранных ученых, Цинь Мин в своей диссертации дал определение понятию «культурная дипломатия» — это решение любых межгосударственных вопросов мирным путем с целью реализации национальных интересов и проведения в жизнь выверенной дипломатической стратегии государства. Цинь Мин формулирует некоторые особенности социокультурного обмена. Во-первых, неправительственные социокультурные обмены и образовательное сотрудничество под эгидой государства служат основной моделью. Во-вторых, сфера обмена постоянно расширяется, и проекты становятся все более разнообразными. В-третьих, число участников увеличивается с каждым годом с тенденцией к социализации и омоложению [10]. В этой связи мы считаем, что для того, чтобы понять перспективы образовательного взаимодействия России и стран ШОС, надо глубоко и объективно проанализировать национально-культурные факторы их развития, это создаст фундамент для плодотворного сотрудничества вузов-партнеров.

На образовательное взаимодействие Российской Федерации и стран ШОС влияет целый ряд факторов. К числу объективных относятся следующие: этнические стереотипы [11], культурные традиции [12], геополитическая обстановка [13; 14], научно-техническое сотрудничество [15] и развитие системы образования [16].

Существует ряд исследований, которые посвящены изучению сложностей в социокультурном диалоге между принимающим российским вузом и иностранными студентами. Одной из ведущих причин, порождающих проблемы в образовательном взаимодействии иностранных (особенно из дальнего зарубежья) и российских студентов, является несоответствие родной и принимающей культур. Отечественные китаеведы В. В. Малявин и А. А. Маслов [17] рассматривают различные аспекты взаимодействия России и Китая, выделяя мировоззренческий, религиозный и политический компоненты. Проблемам инкультурации и мировоззренческих противоречий китайских студентов в российском вузе посвящены работы В. В. Калиты, Н. В. Виничука [18], Е. Б. Попковой [19], С. Ю. Распертовой [20]. Адаптация и социализация в российском вузе рассматривается как основное проблемное поле взаимодействия русских и китайцев в работах И. А. Гребенниковой [21], О. И. Даниленко, Ц. Ли, И. Сюй [22], С. В. Дементьевой [23] и др.

Статья У. Юйяо посвящена анализу роли Сетевого Университета ШОС в гуманитарном сотрудничестве. Особая роль уделяется современному гуманитарному сотрудничеству, которое включает в себя не только такие традиционные сферы взаимодействия, как культура и образование, но и здравоохранение, спорт, туризм и которое отвечает потребностям двух государств по структуризации региональной подсистемы международных отношений. «В этом ключе автор рассматривает образовательное сотрудничество стран ШОС и России в формате Шанхайской организации сотрудничества и роль Университета ШОС, позволяющие успешно преодолевать различные барьеры на пути региональной интеграции в различных аспектах на пространстве ШОС» [24].

Значимым для построения методологии нашего исследования является исследование, проведенное Ван Ли и И. И. Барановой, по данным которого, в настоящее время реализуется 116 проектов по программам бакалавриата, 2 проекта по программам магистратуры, 5 проектов по программам спецкурсов между Россией и Китаем. В приведенной статистике показано, что большинство партнерских проектов реализуется с университетами провинции Хэйлунцзян (84 проекта) и Цзилинь (11 проектов). Соответственно, программы, реализуемые с китайскими партнерами, наиболее представлены в западной части Российской Федерации (28 программ). В центральной части — 3 программы, в южной ее части открылось 9 программ, в районе Сибири реализовано 16 программ, а на Дальнем Востоке — 60 [24]. Таким образом, по нашему мнению, необходимо расширить географию реализации инновационных образовательных проектов, учесть экономический и социальный потенциал вузов и производственных компаний Урала. Перспективными планами сотрудничества в рамках совместных образовательных программ мы считаем увеличение числа магистерских образовательных программ по компьютерным и инженерным направлениям подготовки.

Таким образом, существует большое количество исследований, посвященных изучению образовательного взаимодействия России и стран ШОС, тем не менее проблема изучения потенциальной привлекательности региональных вузов (в нашем случае вузов г. Екатеринбурга) для студентов и партнеров из стран ШОС актуальна, а комплексная оценка барьеров и факторов, оказывающих влияние на выбор вуза, с последующей разработкой рекомендаций и предложений не производилась.

Методы исследования

Исследование проведено в мае–июне 2022 года в г. Екатеринбурге с использованием количественной (метод анкетного опроса (онлайн) ($n = 360$)) и качественной (метод экспертного интервью ($n = 8$)) стратегий. В качестве экспертов в исследовании выступили сотрудники вузов, в разной степени и в разных аспектах включенных во взаимодействие вузов России (в частности г. Екатеринбурга) и стран ШОС. В количественном исследовании приняли участие студенты из стран ШОС, обучающиеся в вузах г. Екатеринбурга (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ), Уральский государственный горный университет (УГГУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), Уральский государственный экономический университет (УГЭУ), Уральский государственный педагогический университет (УГПУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)). Выборка носила квотный характер, квоты закладывались по полу, вузу, стране пребывания.

Обработка статистической информации происходила в статистической программе Vortex (версия 10) с использованием коэффициентов корреляции.

Результаты и дискуссия

По данным нашего исследования, основными причинами выбора вузов города Екатеринбурга студентами из стран ШОС являются следующие: наличие бюджетных мест в университете (поступление на бесплатной основе) (46 %); наличие друзей/родственников/знакомых, которые также обучаются в данном вузе (38 %); наличие места в общежитии для проживания во время обучения в вузе (37 %); наличие определенной специальности (программы обучения) только в выбранном вузе (35 %), а также стоимость обучения (в случае обучения на контрактной основе) (32 %).

При этом следует отметить, что не последние позиции занимают причины, связанные с положением вузов в рейтинге, и известность университетов, что может говорить о том, что образовательный статус, ключевым компонентом которого является инновационная составляющая, является существенно значимым для респондентов. При этом эксперты подтверждают значимость инновационного капитала вузов: *«Безусловно, одним из наиболее важных моментов, связанных с образованием, оказывающим влияние на взаимодействие стран ШОС, выступает инновационное развитие вуза»* (цитата из интервью).

Рассмотрим ряд ключевых факторов, положительно влияющих на расширение взаимодействия стран ШОС и России в образовательной сфере.

Одним из поддерживающих факторов существующего процесса, который частично облегчает реализацию программ студенческого обмена, являются особенности и достоинства культуры студентов из стран Востока: их дисциплинированность, системность мышления и поведения, усидчивость, ответственность, организованность, целеустремленность и мотивированность в аспектах посещения занятий, уважительного от-

ношения к преподавателям и др. Данные качества выгодно отличают студентов из стран ШОС от студентов России, Африки, Латинской Америки и способствуют повышению заинтересованности российских преподавателей в принятии их на обучение.

Также одним из факторов, стимулирующих реализацию возможностей сотрудничества, является специфическая культура межчеловеческих и межстрановых отношений — открытое «добрососедское» отношение. Эксперты отмечают, что традиционно Россия рассматривается странами ШОС как друг и товарищ. В связи с этим наша страна в целом имеет некий кредит доверия и одобрения, защищающий от напряжения, которое могло бы возникнуть на почве актуальных геополитических конфликтов между Россией и странами Запада. Вместо напряжения наблюдается солидарность и поддержка.

Геополитические реалии требуют коренной перестройки образовательных, трудовых и торговых международных связей, утерянные контакты с Западом необходимо компенсировать дополнительными контактами с другими странами мира. В действительности не так много стран готовы предоставить России такие контакты в настоящее время. Эксперты отмечают рост интереса к «восточной» культуре среди россиян, особенно среди молодежи, благодаря общим культурным трендам, например, таким как увлечение аниме (японская мультипликация), появление чайна-таунов (Chinatown — населенные китайцами кварталы в некитайских городах) и другое. Таким образом, по мнению экспертов, расширяющееся взаимодействие между Россией и странами ШОС обусловлено не только экономическими интересами, но и культурными, а также другими.

Интернационализация и унификация образовательных систем и стандартов во многом способствуют расширению партнерства стран ШОС в сфере образования. По мнению экспертов, относительно возможностей России для сотрудничества со странами ШОС в образовательной сфере УрФУ, например, имеет необходимые площадки для взаимодействия, организованные встречи, курсы разговорного языка, образовательные программы достаточно высокого уровня, возможности по предоставлению рабочих мест: *«...Все это складывается воедино и мотивирует людей заниматься в этом направлении»* (цитата из интервью).

Дополнительно следует отметить, что одним из перспективных направлений для УрФУ является «Программа двойного диплома», в рамках которой российские студенты бакалавриата могут обучаться по системе 3+1 (3 года изучения Китая и Востоковедения в УрФУ и 1 год изучения китайского языка непосредственно в Китае), китайские студенты могут обучаться аналогично (3 года изучать Россию в китайском вузе, затем один год изучать русский язык в УрФУ). Такая перспектива без академического и практического ущерба сократит сроки обучения на 1 год, так как в настоящее время срок обучения составляет 5 лет, подразумевая 4 года бакалавриата в своей стране и 1 год стажировки за рубежом. Аналогичная программа двойного диплома практикуется в настоящее время в партнерстве УрФУ с вузами Казахстана (пока только для магистрантов по системе 1+1: 1 год в России, 1 год в Казахстане).

Отметим, что студенты из стран ШОС при выборе российских вузов для поступления ориентируются в том числе и на их рейтинговые показатели и позиции по различным критериям (число научных публикаций в иностранных журналах, число иностранных студентов по обмену и др.), которые могут существенно различаться в зави-

симости от географической категории (европейские рейтинги, российские рейтинги, азиатские рейтинги). Как показали результаты проведенного нами опроса среди студентов, 17 % опрошенных при выборе вуза для обучения обращали внимание на его положение в рейтинге, в свою очередь, для 24 % респондентов важным была известность вуза в стране. Эксперты считают, что российским вузам в настоящее время важно и нужно активнее включаться в азиатские рейтинги, доказывая свою жизнеспособность вне зависимости от принятия их в европейском образовательном «поле», так как научная и образовательная сферы менее зависимы от политики и являются скорее нейтральными: *«Поле науки и образования менее “заминировано”, на нем меньше неожиданностей»* (цитата из интервью).

Экспертам также задавался вопрос о возможности создать некую коалиционную образовательную систему, альтернативную общемировой. Большинство экспертов сходится во мнении, что такая возможность маловероятна для реализации в ближайшем будущем. Во-первых, в силу идеологических и политических различий стран. Во-вторых, в силу недостаточно четкой определенности ролей всех стран в партнерском пространстве. При этом «общие точки», безусловно, имеются и будут находиться и дальше, однако по выработке общих единых стандартов для данного партнерства пока нет инициатив, и не ведутся разработки. Большинство вопросов решаются на уровне отдельных вузов, вступивших во взаимодействие (и не выносятся во вне сферы образования).

При этом, в частности в УрФУ, в настоящее время ведется дискуссия о целесообразности возвращения такой ступени образования, как специалитет, продолжавшей свое существование в ряде стран ШОС в постсоветский период.

По мнению экспертов, рисков и трудностей в процессе налаживания и реализации взаимодействия в области высшего образования стран ШОС и России достаточно много, однако они чаще всего имеют преодолеваемый характер. При этом основная сложность заключается в том, что многие из трудностей обнаруживаются не сразу, а «вскрываются» только впоследствии, на разных этапах процесса взаимодействия. Например, достаточно часто студенты из дальнего зарубежья экономят на медицинской страховке и приобретают ее наиболее дешевый вариант (тип), не покрывающий необходимые услуги. В связи с этим возникает проблема — медицинская помощь студенту требуется, но он не платежеспособен и не имеет соответствующего вида страхового полиса. Иногда представителям принимающей стороны (вуза) приходится вести экстренные переговоры с руководством медицинского учреждения с просьбой взять на себя часть расходов. Иногда проблема решается иным образом.

Среди первоочередных факторов взаимодействия вузов России и стран ШОС в сфере образования эксперты выделяют такой фактор, как непредсказуемые события глобального порядка со значительными последствиями: *«“Черные лебеди” прилетают все чаще»* (цитата из интервью). Неожиданные события масштабного характера в последние годы случаются интенсивно, вынуждая все службы, в том числе службы вузов, занимающиеся международным взаимодействием, оперативно подстраиваться к новой, постоянно меняющейся ситуации, менять тактику, проявлять креативность и разрабатывать новые программы и способы взаимодействия: *«Никто не знает, что будет завтра. Горизонт планирования сократился»* (цитата из интервью).

Эксперты на первое место среди факторов риска и сдерживающих барьеров ставят ситуацию пандемии, которая переформатировала систему взаимодействия стран во многих сферах, в том числе и в сфере образования. Обмен студентов был полноценным до пандемии. В настоящее время обмен осуществляется в ограниченном практически порядке: студенты не приезжают в принимающую страну, а остаются в родной стране, обучаясь дистанционно.

До пандемии, вызванной вирусом COVID-19 (до 2020 года), студенты очного отделения находились лично во взаимодействии с представителями российского вуза (сотрудниками деканата, преподавателями и др.), после пандемии они разъехались по своим домам, вернулись в родную страну. Это повлекло за собой ряд существенных трудностей. Например, внимание преподавателей расфокусировалось на несколько разных подгрупп студентов, обучающихся одновременно в одной «гибридной» группе (непосредственно студенты в аудитории, российские студенты онлайн (обучающиеся дистанционно) и иностранные студенты (также обучающиеся дистанционно)). Наименьший фокус внимания преподавателей стал концентрироваться на третьей подгруппе, что могло бы негативно отразиться на качестве обучения, репутации российского дера и других задачах.

Помимо ограничений, связанных с физическим перемещением иностранных студентов и россиян, существуют также и технические ограничения, препятствующие процессу обучения. Эти ограничения резко актуализировались в связи с масштабной переориентацией на дистанционное обучение студентов. То есть компенсировать очное обучение обучением на онлайн-платформах оказалось непростым решением с технической стороны. Например, китайские студенты (находящиеся в Китае) не имеют доступа к Zoom-платформе, к системе Microsoft и другим платформам/сервисам (они запрещены в Китае), которые активно используются российскими преподавателями. Таким образом, интернет-коммуникация между россиянами и китайцами значительно ограничена и затруднена, что порождает различного рода недопонимание в процессе взаимодействия и осложняет доступ к нужной информации.

Одной из существенных трудностей процесса выстраивания взаимодействия вузов России и стран ШОС является то, что преподаватели российских вузов далеко не всегда готовы включаться в сложные для них крупные проекты, даже несмотря на недостаток академической нагрузки. Сложности для них заключаются в новизне и специфичности задачи, в отсутствии соответствующего опыта, в выполнении иных (отличающихся от привычных) требований, в языковом барьере при общении со студентами, в преодолении инерционности мышления, в недостаточной или неясной мотивации.

В большей степени обозначенные задачи сложны для реализации конкретным педагогом в режиме очного (офлайн) обучения, требующего непосредственного и гибкого взаимодействия. Значительно более простой задачей является перевод онлайн-курса на иностранный язык и дальнейшая его демонстрация. Однако и здесь преподавателю предстоит большой объем работы по частичному упрощению материала, адаптации формы подачи, переводу и т. п.

Кроме недостаточной готовности преподавателей, под сомнения некоторыми экспертами ставится готовность и заинтересованность со стороны руководителей обра-

зовательных направлений и кафедр. Для многих принять вызов работать с другим рынком — это непростое решение, связанное с желанием преодолевать различные барьеры (языковые, культурные и др.).

По мнению экспертов, некоторые вузы и факультеты отличаются более высокой готовностью к приему иностранных студентов и их полноценному обучению (такие как факультет международных отношений, филологии и лингвистики в УрФУ). Другие же факультеты пока еще находятся в процессе трансформации в данном вопросе и имеют недостаточный уровень готовности. Эксперты считают, что этот переход необходимо ускорить — преподаватели должны быть готовы «неожиданно» принять на обучение иностранных студентов. Подготовка должна осуществляться заранее: *«У нас обычно все двигается (начинается подготовка) в тот момент, когда все уже случилось»* (цитата из интервью).

Организация и контроль решения финансовых вопросов взаимодействия России и стран ШОС представляет собой непростой процесс, особенно в настоящее время (сложности с переводом денег из-за границы, отсутствие отработанной системы платежей). На разных этапах данного процесса возникают различные трудности и риски. Партнерам прежде всего нужно договориться о системе расчетов: оплата от государства, взаимозачет, комбинированная система или что-то иное: *«...нужно договориться, кто кому платит и на каком этапе»* (цитата из интервью). Во вторую очередь важно преодолеть все трудности и учесть все особенности современной транзитной системы, связанной со спецификой национальных банковских и платежных систем.

Приехавшим студентам чаще всего приходится самостоятельно решать вопросы конвертации своей валюты в российские рубли. Часто студенты делают это силами друзей и знакомых, посредников, то есть минуя непосредственно банковские офисы для минимизации издержек. Сложившиеся национальные диаспоры в Екатеринбурге — одна из самых сплоченных и самодостаточных национальных систем, диаспоры, как правило, эффективно помогают всем вновь прибывшим студентам в проведении валютных операций.

Помимо исторической, национальной и языковой специфик стран ШОС, отличающихся от российской, важным фактором различий являются также политические режимы. Например, во главе Китая в настоящее время стоит Коммунистическая партия, и это во многом определяет существующие значительные отличия культурного кода жителей этой страны от жителей России (наличие особой партийной линии задач, высокий уровень патриотизма и превозношение Китая, особый слог языка в речи): *«Ни один китаец не задумывается, что ему делать завтра, он уже знает это, перед ним поставлены определенные задачи, которые он обязан решить и решить успешно»* (цитата из интервью). Также особенности культурного кода китайских студентов во многом определяются основной исповедуемой религией — конфуцианством: *«Это определенный формат мироощущения, они иначе смотрят на мир. Например, мы в России видим мир многополярным и рассматриваем нашу страну в качестве одного из мировых центров. Тогда как для китайцев главным мировым центром и центром развития является Китай, а остальные страны — условно дикие варварские племена, окружающие Китай»* (цитата из интервью). Наши данные подтверждаются исследованиями других авторов [18–20].

Вышеописанные особенности напрямую (и часто негативно) влияют на восприятие студентами из восточных и азиатских стран знаний, получаемых в российском вузе. Наиболее часто противоречия между образовательным материалом в России и мировоззрением иностранных студентов возникают в сфере гуманитарных направлений. Например, студенты-филологи, приехавшие из Китая, удивляются и разочаровываются, что представители российской стороны не читали современных китайских авторов, широко известных, по их мнению, или не владеют какими-то базовыми знаниями о Китае и китайской литературе.

К рискам, связанным с культурной спецификой, следует отнести также риск межнациональных конфликтов. В частности, такие конфликты могут возникать между студентами из разных стран, проживающими в одном общежитии/в одной комнате. Так, например, в одном из вузов в 2021 году две девушки-студентки (из Азии и из России) конфликтовали между собой и писали официальные заявления с взаимными претензиями. Поводом для конфликта может выступать любая обыденная тема, например различия в отношении к гигиене, к процессу приготовления пищи и т. п. Несмотря на то, что такие аспекты не являются напрямую национальными или идеологическими темами, однако во многом зависят от культурных особенностей и привычек, сформированных и впитанных под влиянием этнического менталитета. В то же время по результатам проведенного нами опроса, оценивая удовлетворенность конкретными аспектами, касающимися обучения студентов стран ШОС в выбранном университете, отметим, что большая часть опрошенных удовлетворена общением с сокурсниками и одногруппниками (37 % полностью удовлетворены данным аспектом) и условиями проживания в общежитии (27 %), что также свидетельствует о комфортной обстановке для адаптации иностранных студентов.

Положительной для России тенденцией в данном вопросе эксперты считают то, что подобные конфликты нечасто возникают между студентами из стран ШОС и России и не представляют серьезной проблемы для наработанных программ. Отметим также, что национальные особенности должны являться одним из ключевых объектов для изучения сотрудниками российских вузов, так как именно взаимодействие, построенное на культурной интеграции, будет наиболее правильным и эффективным. В настоящее время лишь малое число сотрудников в действительности понимает и принимает эту специфику, чаще ориентируясь на европейское мышление и приоритеты. Недостаточность инфраструктуры, ресурсов вуза и недостаточная скоординированность работы разных подразделений вуза также являются барьером. К инфраструктуре следует отнести, например, фактор наличия мест в общежитии для иностранных студентов. Не все вузы России легко решают данную задачу. Как уже говорилось ранее, в результате проведенного нами опроса выяснилось, что наличие места в общежитии для проживания во время обучения в вузе является одной из основных причин выбора вуза города Екатеринбурга студентами из стран ШОС.

Ограниченность ресурсов и возможностей самих российских вузов является одним из факторов, сдерживающих расширение взаимодействия с вузами ШОС. Для реализации и поддержания программ требуются специально организованные значительные кадровые усилия, подготовка или переработка образовательных программ. Также еще

раз обозначим, что наличие определенной специальности (программы обучения) только в выбранном вузе является важным фактором для 35 % студентов, принявших участие в нашем опросе.

Второстепенный фактор, вызывающий иногда сложности в процессе реализации программ студенческого обмена и других программ, — это недостаточная скоординированность работы разных подразделений вуза. В частности, например, международный отдел вуза отвечает за набор иностранных студентов, но подготовкой кадровых ресурсов для обучения этих студентов он не занимается. Впоследствии иногда возникает противоречие — набор студентов возможен, а кадровый ресурс (преподаватели российского вуза) не обеспечен должным образом: *«Тут на помощь должен прийти Институт Конфуция с ускоренными курсами китайского языка для российских преподавателей»* (цитата из интервью).

Еще один пример недостаточной скоординированности процесса: иностранные студенты, обучающиеся на магистерских программах в УрФУ, не прикреплены к соответствующим кафедрам в отличие от студентов бакалавриата, поэтому по любым возникающим вопросам чаще всего им приходится обращаться в Отдел по общим вопросам вуза, что не всегда удобно и создает некоторую путаницу: *«Иностранные студенты-магистранты являются немного потерянными»* (цитата из интервью). Наши данные подтверждаются данными исследования, проведенного Ли Ван и И. И. Барановой [25], в котором рассматриваются различные трудности, связанные с координацией образовательной деятельности в разных подразделениях как отдельно взятых вузов, так и международных организаций, занимающихся развитием партнерских связей между Россией и Китаем в области высшего образования.

Еще одной особенностью, влияющей на взаимодействие российских вузов и вузов стран ШОС, является то, что не все кафедры и факультеты вуза в равной степени заинтересованы в привлечении иностранных студентов.

К примеру, как отмечают эксперты, студенты из Китая, приезжающие учиться в вуз России, радуются возможности оказаться в интернациональной среде и достаточно успешно справляются с изучением русского языка. Однако в случае наличия специализированного учебного плана (помимо изучения русского языка), например «Международные отношения» или «Лингвистика», есть требования изучать и аттестоваться по дополнительным специализированным темам. Повышенная учебная нагрузка требует повышенной усидчивости от студентов и является дополнительным риском для успешной реализации запланированного обучения.

Выводы

Таким образом, взаимодействие российских и вузов стран ШОС — одно из приоритетных направлений в сфере образования нашей страны в настоящее время. Кажущееся снижение активности, объема и качества данного взаимодействия обусловлено в основном лишь временными и преодолимыми трудностями и барьерами. К ним относятся объективные обстоятельства постоянно меняющихся геополитических реалий, технические сложности осуществления образовательного взаимодействия, недостаточная го-

товность профессорско-преподавательского состава к обучению иностранных студентов, финансовые риски, языковой барьер, культурный барьер, некомфортность инфраструктуры вузов, специфика образовательных программ и учебных планов. Также в ходе исследования были установлены факторы, которые будут способствовать развитию образовательного взаимодействия и преодолению барьеров. К ним мы относим следующие: личностные факторы, мотивацию на получение образования в российских вузах, исторически сложившуюся культурную традицию общения народов стран ШОС, создание единых образовательных стандартов, организаций (аналогичных университету ШОС). Имея достаточно развитую нормативно-правовую базу для развития сотрудничества, развивая различные компоненты инновационного капитала, вузы г. Екатеринбурга и России в целом могут стать эффективной площадкой для развития образовательного взаимодействия.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет — 2030».

Список источников

- [1] В Астане состоялось Совещание министров образования государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. — Текст : электронный // Шанхайская организация сотрудничества : сайт. — 2018. — 17 окт. — URL: <http://rus.sectesco.org/news/20181017/473054.html> (дата обращения: 20.06.2022).
- [2] Пятаков, С. Ли Хуэй : Китай взял курс на углубление отношений с Россией / С. Пятаков. — Текст : электронный // РИА Новости : сайт. — 2017. — 25 дек. — URL: <https://ria.ru/20171225/1511528231.html> (дата обращения: 21.06.2022).
- [3] Куприянова-Ашина, В. Э. Интернационализация высшего образования. Российские подходы / В. Э. Куприянова-Ашина, Жу Чанг. — Текст : непосредственный // Международные процессы. — 2013. — Т. 11, № 2 (33). — С. 85–94.
- [4] Торкунов, А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А. В. Торкунов. — Текст : непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 4 (25). — С. 85–93.
- [5] Международное высшее образование : русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — 2014. — Москва, 2015. — № 78. — 36 с. — Ежекв. — Текст : непосредственный.

- [6] Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР : обзоры систем высшего образования : США, Канада, Италия, Финляндия, Норвегия, обучение в течение жизни, доступность образования, качество образования, интернационализация образования, наука и образование : монография / А. В. Борисенкова, В. С. Вахштайн, Е. М. Горбунова [и др.] ; ответственный редактор М. В. Ларионова / Государственный университет Высшей школы экономики. – Москва : ГУ ВШЭ, 2005. – 152 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Елкина, А. С. Интернационализация деятельности вузов как тенденция развития систем высшего образования : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Елкина Анна Сергеевна. – Волгоград, 2010. – 27 с. – Место защиты : Волгоградский государственный университет. – Текст : непосредственный.
- [8] Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях РФЖ : статистический сборник / Министерство образования и науки Российской Федерации, Управление международного образования и сотрудничества, Центр социологических исследований ; авт.-сост. А. Л. Арефьев, Ф. Э. Шереги. – Выпуск 9. – Москва : Центр социального прогнозирования, 2012. – 168 с. – Текст : непосредственный.
- [9] De Wit, H. Internationalization of Higher Education : Nine Misconceptions / H. De Wit. – Text : electronic // International Higher Education : electronic journal. – 2011. – Issue 64. – URL: <https://doi.org/10.6017/ihe.2011.64.8556>. – Published: 25.03.2011.
- [10] Цинь Мин. Исследования по вопросам китайско-российской культурной дипломатии в рамках стратегического партнерства : диссертация / Цинь Мин ; Институт северо-восточной Азии. – 2014. – С. 4–21. – Текст : непосредственный.
- [11] Тен, Н. В. Образ России в современном Китае : 1991–2010 : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Тен Наталья Викторовна. – Москва, 2012. – 29 с. – Место защиты : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Текст : непосредственный.
- [12] Hofstede, G. Allemaal andersdenkenden : omgaan met cultuurverschillen / G. Hofstede, G. J. Hofstede, M. Minkov. – Amsterdam/Antwerpen : Uitgeverij Contact, 2011. – 572 p. – Direct text.
- [13] China turns to Multilateralism : Foreign policy and regional security / Edited by G. Wu. – DOI 10.4324/9780203946329. – London : Routledge, 2007. – 320 p. – Direct text.
- [14] Цзян Вэйсин. Внешняя политика при президенте Д. Медведеве и ее влияние на китайско-российские отношения : диссертация / Цзян Вэйсин ; Хэйбэйский Педагогический университет. – 2014. – С. 19–20. – Текст : непосредственный.
- [15] Umarov, K. Sino-Russian Relations within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization Framework / K. Umarov, K. Millie. – DOI 10.15549/jeecar.v1i1.56. – Direct text // Journal of Eastern European and Central Asian research. – 2014. – Vol. 1, Issue 1. – P. [1–4].
- [16] Тенденции развития высшего образования : монография / М. В. Ведяшкин, С. М. Зильберман, Ю. С. Перфильев, О. А. Суржикова. – Томск : Томский политехнический университет, 2017. – 404 с. – Текст : непосредственный.

- [17] Малявин, В. В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент : монография / В. В. Малявин. – Москва : Европа, 2005. – 304 с. – Текст : непосредственный.
- [18] Калита, В. В. Образ «Типичного русского» в представлении китайских и российских студентов / В. В. Калита, Н. В. Виничук. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1 (27). – С. 37–41.
- [19] Попкова, Е. Б. Инкультурация иностранных студентов в российском вузе : институциональные условия и основные этапы (на примере ЮРГТУ (НПИ)) : специальность 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни (социологические науки)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Попкова Евгения Борисовна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2013. – 190 с. – Текст : непосредственный.
- [20] Распертова, С. Ю. Современные культурные стратегии Китайской Народной Республики в практике международного взаимодействия : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Распертова Светлана Юрьевна. – Москва, 2011. – 201 с. – Текст : непосредственный.
- [21] Гребенникова, И. А. Педагогическое сопровождение адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере китайских студентов) : специальность 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Гребенникова Ирина Анатольевна ; Дальневосточная государственная социально-гуманитарная академия. – Биробиджан, 2010. – 193 с. – Текст : непосредственный.
- [22] Danilenko, O. I. Adaptation of Chinese students at different stages of study at universities in Russia and China / O. I. Danilenko, Ts. Li, I. Xu. – Direct text // Psychological Aspects of Intercultural Adaptation. – Vladivostok : Dal'nauka, 2015. – P. 90–110.
- [23] Dementieva, S. V. Russian universities as a mechanism for the adaptation of migrants (in the context of sociological and philosophical analysis) / S. V. Dementieva. – Direct text // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. – 2008. – Vol. 6, Issue 313. – P. 158–164.
- [24] Юйяо, У. Роль университета ШОС в гуманитарном сотрудничестве Китая и России / У. Юйяо. – DOI 10.25136/2409-868X.2020.5.32832. – Текст : непосредственный // Genesis : исторические исследования. – 2020. – № 5. – С. 28–40.
- [25] Ван, Л. Совместные образовательные программы китайских университетов с российскими вузами : состояние, тенденции и перспективы / Л. Ван, И. И. Баранова. – DOI 10.18721/JHSS.8116. – Текст : непосредственный // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 134–141.

References

- [1] V Astane sostoyalos' Soveshchanie ministrov obrazovaniya gosudarstv - chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva (2018). (In Russian). Available at: <http://rus.sectesco.org/news/20181017/473054.html>

- [2] Pyatakov, S. (2017). Li Khuey: Kitay vzyal kurs na uglublenie otnosheniy s Rossiey. (In Russian). Available at: <https://ria.ru/20171225/1511528231.html>
- [3] Kupriyanova-Ashina, V. E., & Chang, Zhu. (2013). The internationalization of higher education. The Russian approach. *International trends*, 11(2(33)), pp. 85-94. (In Russian).
- [4] Torkunov, A. V. (2012). Education as a soft power tool in Russian foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*, 4(25)), pp. 85-93. (In Russian).
- [5] International Higher Education. (2015). Issue 83. Boston, Boston College Center for International Higher Education, 32 p. (In English).
- [6] Borisenkova, A. V., Vakhshayn, V. S., Gorbunova, E. M., Zhelezov, B. V., Larionova, M. V., Meshkova, T. A., & Perfil'eva, O. V. (2005). Aktual'nye voprosy razvitiya obrazovaniya v stranakh OESR: obzory sistem vysshego obrazovaniya: SShA, Kanada, Italiya, Finlyandiya, Norvegiya, obuchenie v techenie zhizni, dostupnost' obrazovaniya, kachestvo obrazovaniya, internatsionalizatsiya obrazovaniya, nauka i obrazovanie. Moscow, Higher School of Economics Publ., 152 p. (In Russian).
- [7] Elkina, A. S. (2010). Internatsionalizatsiya deyatel'nosti vuzov kak tendentsiya razvitiya sistem vysshego obrazovaniya. Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk. Volgograd, 27 p. (In Russian).
- [8] Aref'ev, A. L., & Sheregi, F. E. (2012). Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh RFZh: statisticheskiy sbornik. Vypusk 9. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya Publ., 168 p. (In Russian).
- [9] De Wit, H. (2011). Internationalization of Higher Education: Nine Misconceptions. *International Higher Education*, (64). (In English). Available at: <https://doi.org/10.6017/ihe.2011.64.8556>
- [10] Qin Ming. (2014). Research on Sino-Russian Cultural Diplomacy in the Framework of Strategic Partnership: dissertation. Institute of Northeast Asia, pp. 4-21. (In Russian).
- [11] Ten, N. V. (2012). Obraz Rossii v sovremennom Kitae: 1991-2010. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 29 p. (In Russian).
- [12] Hofstede, G., Hofstede, G. J., & Minkov, M. (2011). Allemaal andersdenkenden: omgaan met cultuurverschillen. Amsterdam/Antwerpen, Uitgeverij Contact, 572 p. (In German).
- [13] Wu, G. (Ed). (2007) China turns to Multilateralism: Foreign policy and regional security. London, Routledge Publ., 320 p. (In English). DOI: 10.4324/9780203946329
- [14] Jiang Weixing. (2014). Foreign policy under President D. Medvedev and its influence on Chinese-Russian relations: dissertation. Heibei Normal University, pp. 19-20. (In Russian).
- [15] Umarov, K., & Millie, K. (2014). Sino-Russian Relations within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization Framework. *Journal of Eastern European and Central Asian research*, 1(1), pp. [1-4]. (In English). DOI: 10.15549/jeecar.v1i1.56
- [16] Vedyashkin, M. V., Zil'berman, S. M., Perfil'ev, Yu. S., & Surzhikova, O. A. (2017). Tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 404 p. (In Russian).
- [17] Malyavin, V. V. (2005). Kitay upravlyaemyy. Staryy dobryy menedzhment. Moscow, Evropa Publ., 304 p. (In Russian).

- [18] Kalita, V. V., & Vinichuk, N. V. (2014). The image of a "Typical Russian" among the Chinese and Russian Students: comparative analysis. *Humanities Research in the Russian Far East*, (1(27)), pp. 37-41. (In Russian).
- [19] Popkova, E. B. (2013). Inculturation of foreign students in the Russian high school: institutional conditions and the main stages: on an example of SRSTU (NPI): Thesis for PhD in Sociology. Rostov-on-Don, 190 p. (In Russian).
- [20] Raspertova, S. Yu. (2011). *Sovremennye kul'turnye strategii Kitayskoy Narodnoy Respubliki v praktike mezhdunarodnogo vzaimodeystviya*. Diss. ... kand. filos. nauk. Moscow, 201 p. (In Russian).
- [21] Grebennikova, I. A. (2010). Pedagogical support of adaptation of foreign students in a Russian university: on the example of Chinese students: Thesis (PhD in Pedagogical Science). Birobidzhan, 193 p. (In Russian).
- [22] Danilenko, O. I., Li, Ts., & Xu, I. (2015). Adaptation of Chinese students at different stages of study at universities in Russia and China. *Psychological Aspects of Intercultural Adaptation*. Vladivostok, Dal'nauka Publ., pp. 90-110. (In English).
- [23] Dementieva, S. V. (2008). Russian universities as a mechanism for the adaptation of migrants (in the context of sociological and philosophical analysis). *Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 6(313), pp. 158-164. (In Russian).
- [24] Yuyao, Wu (2020). The role of university of shanghai cooperation organization in humanitarian cooperation between Russia and China. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, (5), pp. 28-40. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-868X.2020.5.32832
- [25] Van, L., & Baranova, I. I. (2017). The state, tendency and prospect of the joint educational programs of Chinese universities with Russian universities. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 8(1), pp. 134-141. (In Russian). DOI: 10.18721/JHSS.8116

Статья поступила в редакцию 16.07.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 16.07.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

УДК 378.013.78

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-26-34

Высшее образование будущего в цифре: социологический аспект

Маргарита Сергеевна Готовкина, Анна Александровна Солоненко

Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Дмитровский рыбохозяйственный технологический институт (филиал Астраханского государственного технического университета), Рыбное, Россия

Аннотация. В современном быстро меняющемся мире высшее образование имеет особое значение. Основная задача современного высшего российского образования — адаптировать обучающихся к профессиональным стандартам будущего. Значимую роль в этом процессе играют сами студенты, потому что именно они являются главными акторами образовательного процесса. В данной статье на основе социологического опроса студентов предпринята попытка спрогнозировать особенности развития системы высшего образования в будущем, а также определить наиболее востребованные сферы профессиональной занятости на рынке труда будущего. Особое внимание уделено вопросу о качестве образовательного процесса при переходе на цифровой формат обучения. Как показывают результаты проведенного исследования, современные студенты в большинстве своем не готовы к полному переходу на дистанционный формат обучения.

Ключевые слова: высшее образование, рынок труда, устойчивое развитие, гибридная форма

Для цитирования: Готовкина, М. С. Высшее образование будущего в цифре: социологический аспект / М. С. Готовкина, А. А. Солоненко. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-26-34 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 26–34.

Higher education of the future in digital: a sociological aspect

Margarita S. Gotovkina, Anna A. Solonenko

Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Dmitrov Fisheries Technological Institute (a branch of Astrakhan State Technical University), Rybnoye, Russia

Abstract. Today having higher education is especially important in society lifestyle. The main task of modern higher education in Russia is to adapt students to the professional standards of the future, because they are the main actors in the educational process. The article presents the results of a study of students that we have conducted. In the article, we tried to predict the development features of the higher education system in the future, and to identify the most demanded sector of employment in the labor market of the future. We paid special attention to the issue of the educational quality in the event of a transition to a digital learning format. An analysis of the obtained results showed that today many students are not ready for a complete transition to distance learning.

Keywords: higher education, labor market, sustainable development, hybrid learning process

For citation: Gotovkina, M. S., & Solonenko, A. A. (2022). Higher education of the future in digital: a sociological aspect. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 26-34. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-26-34

Введение

Современное общество существует в условиях постоянных перемен и нестабильности. В социологической науке существует специальное понятие, обозначающее это состояние как «социальная турбулентность» [1]. В современных реалиях происходит трансформация всех сфер жизни общества, в том числе и сферы высшего образования. Очевидно, что в условиях социальной турбулентности образование требует наиболее пристального внимания со стороны общества, потому что оно направлено на подготовку кадров для будущей жизни, специалистов будущего. Споры о том, каким должно быть высшее образование для будущего, не прекращаются. Ясно одно: оно должно учитывать реалии быстро меняющегося мира и передовые информационные технологии. Кроме того, современное образование должно быть максимально адаптировано для самих акторов образовательного процесса, то есть для студентов.

Материалы и методы

Каким видят будущее высшее образование современные студенты? Для ответа на данный вопрос нами было проведено социологическое исследование, цель которого была выяснить отношение современных студентов к трендам цифровой образовательной среды и их видение высшего образования в будущем. Исследование было проведено на базе Дмитровского рыбохозяйственного технологического института (филиала Астраханского государственного технического университета) в феврале 2022 года. Объект выборки был выбран случайно, потому что именно сегодняшние студенты — это специалисты будущего рынка труда. В опросе приняли участие студенты 1 и 2 курса (очной и очно-заочной формы обучения) специальностей «Экономика и управление на предприятии», «Водные биоресурсы и аквакультура», «Технология продуктов питания и холодильная техника», «Продукты питания животного происхождения». Безусловно, несоответствие предложения и спроса на рынке труда — проблема, с которой общество сталкивается уже сегодня и в гораздо большей степени столкнется завтра. В этой связи важна адаптация всех сфер образования под стандарты будущих профессий. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью прогнозирования рынка труда в будущем для своевременной адаптации к нему образовательных услуг в сфере высшего образования. Выборка составила $N = 110$. Инструментарий исследования был представлен как открытыми, так и закрытыми вопросами.

В первом открытом вопросе студентам предлагалось высказать свое мнение о будущем высшего образования в 2035 году (дата была выбрана произвольно). Стоит отметить, что 25 % студентов затруднились с ответом на заданный вопрос. В остальном среди опрошенных респондентов достаточно часто встречается мнение о том, что высшее образование будет качественнее, чем сегодня. В большинстве своем оно перейдет на дистанционные образовательные платформы и станет общедоступным, при этом будет выделяться много времени на самостоятельное изучение предметов. Студенты будут сами выбирать те курсы, которые они захотят изучать. Также значительное число студентов (35 %) полагает, что в будущем образовательный процесс будет более практико-ориентированным, чем сейчас.

Вместе с тем в полученных ответах респондентов имеется противоречие: половина опрошенных респондентов полагает, что наиболее качественный образовательный процесс можно получить посредством так называемой гибридной формы (сочетание онлайн- и офлайн-обучения). Как это ни парадоксально, на втором месте была отмечена офлайновая, то есть классическая система обучения (35 % опрошенных). Сравнительно малое количество респондентов (5 %) заявило, что качественное образование можно получить в формате онлайн. При этом 55 % опрошенных, при наличии выбора, предпочли бы гибридную систему, а 35% — выбрали бы традиционное офлайновое обучение. Формат «только онлайн» не подошел ни одному студенту. Таким образом, современные студенты, уже столкнувшиеся с переходом системы образования на «дистанционку», все-таки более склонны выбирать формат классического обучения или гибридную систему.

При выборе формата дистанционного взаимодействия с преподавателем мнения респондентов разделились пополам, то есть половина опрошенных полагает, что лучше смотреть лекцию в записи, другая половина — что более подходящая для них форма — это видеоконференция.

В период пандемии коронавируса, столкнувшись с локдауном и самоизоляцией, многие утратили возможность прямой межличностной коммуникации со своим социальным окружением. Так как человеку необходимо общение с другими людьми, это приводило к повышенному уровню стресса у большинства населения [2]. Учеба в вузе предполагает еще и неформальное общение между студентами, поэтому нами был задан вопрос, ответ на который позволил определить следующее: насколько отсутствие межличностной коммуникации было тягостным для молодых людей. И тут мнения разделились следующим образом. Условия полного дистанта и отсутствие личностного взаимодействия тяготили 75 % опрошенных, 15 % отметили, что не испытывали дискомфорта от невозможности межличностной коммуникации со своими коллегами-студентами, 10 % затруднились дать ответ на этот вопрос. Таким образом, хотя дистанционная форма обучения дает относительную свободу, тем не менее имеет и существенные минусы, например отсутствие непосредственного взаимодействия между студентами.

На открытый вопрос о компетенциях специалиста будущего были получены разнообразные ответы. Среди них «упорство»; «стрессоустойчивость»; «желание работать и приносить пользу»; «быстрая адаптация»; «инициативность»; «способность справиться с многозадачностью»; «предприимчивость»; «креативность»; «критическое мышление»; «целеустремленность»; «быстрая обучаемость»; «любопытность»; «коммуникабельность»; «уверенность в себе». Специалист с высшим образованием, по мнению ряда студентов, должен «владеть искусством поиска информации в различных источниках» и даже «сочувствием и состраданием».

Студентам также был задан вопрос о наиболее востребованных на российском рынке труда профессиях в 2035 году. Вопрос был открытым, то есть студенты могли сами предложить те профессии, которые они считают профессиями будущего. Лидерами опроса стали робототехник (90 %) и, конечно, IT-специалист (85 %). После этих профессий самой востребованной профессией будущего, по мнению респондентов, бу-

дет врач (75 %). Также, возможно, в силу специфики вуза респонденты отметили, что будущему рынку труда потребуются инженеры-биотехники, зоотехники, агроинженеры. Отдельной строкой стоит профессия психолога — многие уверены, что спрос на нее будет устойчиво расти (об этом заявили 37 %). Интересно, что 15 % опрошенных отметили в качестве профессии будущего — судью. Таким образом, можно говорить о том, что прогноз опрошенных студентов относительно рынка труда будущего — достаточно оптимистичный. Большинство из них так или иначе полагает, что наравне с новыми профессиями могут сохраняться и традиционные.

Одним из векторов развития будущего образования сегодня является внедрение концепции Life Long Learning. Как справедливо замечает Э. А. Агабабян, в современных условиях учеба — не дискретный процесс, а непрерывный [3]. Времена, когда человек посвящал некоторую часть собственной жизни образованию, а некоторую — работе, реализации в профессии на практике, давно прошли [4]. К сожалению, еще не все студенты и образовательные системы адаптировались к такому изменению. Так, в ходе опроса большинство студентов (60 %) сказали, что для успешной работы им хватит полученного высшего образования и они не планируют продолжать учиться. И лишь 40 % намерены в дальнейшем повышать свою квалификацию.

Результаты и обсуждение

Не так давно известная международная ассоциация Education представила свой ежегодный доклад Horizon Report, посвященный будущему высшего образования в условиях трансформирующейся реальности [2]. В подготовке к докладу был использован метод экспертной панели. Так, представители флагманских вузов и развитых технологических компаний из стран Азии и Европы определили главные тренды развития университетов и наиболее значимые образовательные технологии. На основании полученных экспертных мнений были сформированы списки сотен вариантов, из которых были выбраны 6 технологий и 15 трендов. Одним из трендов, определенных экспертами, является ориентация на устойчивое развитие, которое в условиях быстро и постоянно трансформирующейся социальной реальности имеет первостепенное значение. Ориентацию на устойчивое развитие эксперты отнесли к социальным трендам, так же как и переход на «удаленку». Развитие этого процесса приводит к цифровому разрыву, то есть неравенству доступа к информационным технологиям. Эксперты считают, что стоимость внедрения информационных технологий, обеспечивающих равный доступ к образовательным услугам, достаточно высокая, но плюсы для роста образовательных результатов, безусловно, неоспоримы. В докладе также говорится о том, что в новых условиях университеты для устойчивого развития обязаны обеспечить поддержку тем, кто в них учится и работает [2].

Таким образом, цифровизация — важнейшее звено при ориентации на устойчивое развитие в будущем высшем образовании [5]. Ключом к ней при обеспечении учебного процесса является создание и внедрение гибридных образовательных курсов. Под гибридными моделями в докладе понимается серия моделей обучения, большинство из которых еще не формализованы, имеется в виду, что в них сочетаются онлайн- и

офлайн-форматы. Однако ценность гибридных и смешанных форматов неоспорима, потому что с их помощью образование защищает себя от новых кризисов. Курсы, в которых уже на старте проектирования заложены гибкие переходы от очного формата к удаленному и обратно, можно провести в самых сложных условиях [6].

Так, известный журнал *The Economist* ежегодно публикует отчеты по глобальному индексу образования для будущего, в которых постоянно подчеркивается необходимость пересмотра традиционных подходов к образованию [7]. Об этом говорилось и на Всемирной конференции по образованию в интересах устойчивого развития в Берлине (ЮНЕСКО). Здесь отмечалось, что устойчивое развитие не может быть достигнуто только с помощью информационных технологий или финансовых механизмов, нужно изменить образ поведения и мышления [8]. Для этого необходимо обеспечить качественное обучение и образование в интересах устойчивого развития на всех уровнях и независимо от социальных условий. Образование в интересах устойчивого развития должно помочь человечеству найти конструктивные решения для будущих и настоящих глобальных проблем и тем самым повысить устойчивость и жизнеспособность общества [4].

Безусловно, образовательный процесс при устойчивом развитии должен быть непрерывным. Именно таким он будет в будущем. При этом стоит отметить, что основной задачей непрерывного образования является формирование социальной мобильности как вектора развития личности на протяжении всей жизни. Известно, что основы концепции социальной мобильности были заложены русско-американским социологом Питиримом Сорокиным еще в первой трети XX века. Известный ученый говорил о социальной мобильности как о переходе из одной социальной позиции в другую. В первой половине XXI века, с началом так называемого Болонского процесса, понятие социальной мобильности стало широко использоваться в педагогической науке в рамках концепции «профессиональной мобильности» или «академической мобильности». Так, согласно Болонской декларации (1999 г.), обучение параллельно в нескольких высших учебных заведениях в разных странах является неотъемлемой частью образовательного процесса и показателем «академической мобильности» [9]. На наш взгляд, такая академическая социальная мобильность будет неотъемлемым признаком высшего образования будущего.

Интересным является исследование перспектив развития высшего образования Е. С. Ефимова и А. В. Лаптева. Учеными был проведен экспертный опрос в 12 крупных городах России, на основе которого были сопоставлены варианты развития высшего образования в стране до 2030 года. Так, одним из главных тезисов проведенного исследования является то, что высшие учебные заведения расширят свои функции в обществе и станут «школой для взрослых». Стоит оговориться, что в контексте исследования под «взрослыми» понимаются студенты не после школы, а уже получившие определенный профессиональный опыт. Такое положение перекликается с концепцией о непрерывном образовании. При этом исследователи отмечают, что «для развертывания образования взрослых необходимы: гибкие, модульно выстроенные образовательные программы; программы повышения квалификации, ориентированные на высший уровень профессионализма...» [10].

Если говорить о получении базового высшего образования, то мнения экспертов Education о востребованности тех или иных профессий на рынке труда будущего разделились. По некоторым прогнозам, в ближайшие годы примерно половина существующих на сегодняшний день профессий перестанет существовать, а около 60 % нынешних школьников будут работать уже на должностях, которых пока не существует [11]. По другим прогнозам, к 2030 году рынок труда вытеснит более 800 миллионов профессий, так как рабочие места будут заняты роботами [12]. В опросе технологических экспертов и бизнес-менеджеров, проведенном A Revolutionary Partnership PwC, были отмечены профессии, в которых людей сможет заменить искусственный интеллект в скором будущем. На одном из первых мест оказался журналист [3]. Уже сегодня специально обученные боты пишут о спорте и бизнесе для Forbes и Associated Press. Также по прогнозам будет снижаться востребованность актеров благодаря развитию 3D-моделирования и компьютерной графики [7].

В этой связи очень остро стоит вопрос о конкуренции на рынке труда будущего. Уже сейчас становится очевидно, что работодатель будет выбирать не между сотрудниками, а между искусственным интеллектом и человеком, между роботом и человеком [11]. Очевидно, что в конкуренции с роботами рынку труда будут необходимы такие специалисты, которые обладают достаточно высокими математическими и социальными навыками, сочетают в себе личностные и технические знания [13]. Особенно важным станет эмоциональный интеллект, то есть способность к коммуникации, личная интуиция, искусство ведения переговоров и обмена мнениями, а также способность к быстрому решению проблем и умение работать в слаженной команде, креативность и творчество.

Выводы

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) Вопрос о высшем образовании будущего как никогда актуален в современных условиях развития российского общества. Трансформация всех сфер жизни социума неминуемо ведет к изменениям в сфере высшего образования. То, каким будет высшее образование будущего, закладывается сейчас.
- 2) Известно, что основным субъектом образовательного процесса являются студенты. В этой связи при формировании концепции будущего образования необходимо учитывать их видение процесса обучения в вузе.
- 3) На основании проведенного социологического исследования стало очевидно, что опрошенные студенты не готовы к полному переходу на онлайн-обучение, однако полагают, что в будущем такая форма обучения будет превалировать в учебном процессе.
- 4) Наиболее приемлемой для себя опрошенные респонденты считают гибридную форму обучения, то есть совмещение классической формы с обучением в удаленном формате посредством интернет-технологий. При этом половина студентов предпочитает формат изучения материала в онлайн, а другая половина выбирает формат просмотра записи учебного материала.

5) В результате исследования подтвердилась гипотеза о том, что для студентов важна межличностная коммуникация внутри своей социальной группы, то есть общение посредством дистанционных технологий друг с другом не вполне устраивает опрошенных студентов.

6) Важным вопросом будущего высшего образования является вопрос о востребованности профессий. Актуальные профессии будущего студенты связывают с робототехникой и информационными технологиями, но в то же время говорят и о важности для будущего общества таких профессий из сферы «человек — человек», как профессии психолога или врача.

7) Опрошенные респонденты выделили ряд компетенций, необходимых будущим специалистам с высшим образованием. Среди них были особенно выделены «креативность», «умение работать в условиях многозадачности» и т. д. Стоит отметить, что ряд студентов назвали среди важных компетенций и проявление эмпатии.

8) Для устойчивого развития образовательной системы высшего образования в будущем необходимыми критериями являются непрерывное образование, социальная мобильность, равный доступ к образовательным технологиям всех акторов этого процесса. Однако значительная часть студентов, к сожалению, считает, что им достаточно получить образование «один раз» на всю жизнь.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что вопрос будущего высшего образования является достаточно неоднозначным и то, каким оно будет, закладывается уже сегодня. При планировании концепции развития высшего образования необходимо учитывать современные тренды развития образования, а также мнения самих акторов образования — студентов высшего учебного заведения.

Список источников

- [1] Трофимов, Р. В. Социальная турбулентность в современном мире / Р. В. Трофимов. — Текст : электронный // Справочник студенческий : сайт. — 2022. — 3 апр. — URL: https://spravochnik.ru/sociologiya/socialnaya_turbulentnost_v_sovremennom_mire/ (дата обращения: 26.04.2022).
- [2] Изменения уровня тревожности у населения в период пандемии COVID-19 : факторы, влияющие на динамику тревожности / Т. Ю. Гречко, Д. А. Пономарева, Е. О. Номоконова, А. М. Протопопова. — Текст : электронный // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья : электронный журнал. — 2021. — № 84. — С. 13–20. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45688608>.
- [3] Агабабян, Э. А. Будущее образования или образование будущего / Э. А. Агабабян, Р. А. Коджоян. — Текст : электронный // Бизнес-образование в экономике знаний : международный научный электронный журнал. — 2019. — № 3. — С. 5–10. — URL: https://bibs-science.ru/in.php?page=lib_publ.
- [4] Колосницына, М. Государственная политика активного долголетия : о чем свидетельствует мировой опыт / М. Колосницына, Н. Хоркина. — Текст : электронный // Демографическое обозрение : электронный научный журнал. — 2017. — № 3 (4). — С. 27–46. — URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3204>. — Дата публикации: 22.02.2017.

- [5] The worldwide educating for the future index. – URL: <https://educatingforthefuture.economist.com/>. – Text : electronic.
- [6] Mahesh, J. Everything we teach should be different from machines / J. Mahesh. – Text : electronic // Medium.com : [website]. – URL: https://medium.com/@mahesh_joshi/everything-we-teach-should-be-different-from-machines-46db882030e2. – Published: 25.01.2018.
- [7] Harari, Y. N. 21 Lessons for the 21st Century / Y. N. Harari. – London : Random House, 2018. – 432 p. – Direct text.
- [8] Ерохина, Е. Между ростом и коллапсом. Какое будущее эксперты предсказывают высшему образованию / Е. Ерохина. – Текст : электронный // Skillbox Media : сайт. – 2021. – 3 июн. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/mezhdu-rostom-i-kollapsom-kakoe-budushchee-eksperty-predskazyvayut-vysshemu-obrazovaniyu/> (дата обращения: 21.02.2022).
- [9] Соколова, Т. А. Профессия в будущем — профессия будущего / Т. А. Соколова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2019. – С. 59–62.
- [10] Ефимов, В. С. Будущее высшего образования в России : экспертное видение / В. С. Ефимов, А. В. Лаптева. – Текст : непосредственный // Университетское управление : практика и анализ. – 2011. – № 4. – С. 52–64.
- [11] Krotenko, T. Yu. Personal mobility as a unique element of the conceptual sphere of continuing education / T. Yu. Krotenko, M. I. Kanunikova, O. V. Lesnikova. – DOI 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.21. – Текст : непосредственный // Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 7 (57). – С. 127–131.
- [12] ЮНЕСКО : официальный сайт. – URL: <https://ru.unesco.org/> (дата обращения: 21.02.2022). – Текст : электронный.
- [13] Executive Summary World Robotics 2018 Industrial Robots. – URL: <https://clckr.top/Joy>. – Text : electronic.

References

- [1] Trofimov, R. V. (2022). Sotsial'naya turbulentnost' v sovremennom mire. (In Russian). Available at: https://spravochnick.ru/sociologiya/socialnaya_turbulentnost_v_sovremennom_mire/
- [2] Grechko, T. Yu., Ponomareva, D. A., Nomokonova, E. O., & Protopopova, A. M. (2021). Changes in the level of anxiety in the population during the COVID-19 pandemic. Factors affecting the dynamics of the anxiety. Nauchno-meditsinskiy vestnik Tsentral'nogo Chernozem'ya, (84), pp. 13-20. (In Russian). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45688608>
- [3] Aghababayan, E., & Kojoyan, H. (2019). The Future of Education or Education of the Future. Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy, (3), pp. 5-10. (In Russian). Available at: https://bibs-science.ru/in.php?page=lib_publ
- [4] Kolosnitsyna, M., & Khorkina, N. (2017). Public policies of active ageing: evidence from the world experience. Demographic Review, (3(4)), pp. 27-46. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3204>

- [5] The worldwide educating for the future index. (In English). Available at: <https://educatingforthefuture.economist.com/>
- [6] Mahesh, J. (2018). Everything we teach should be different from machines. (In English). Available at: https://medium.com/@mahesh_joshi/everything-we-teach-should-be-different-from-machines-46db882030e2
- [7] Harari, Y. N. (2018). 21 Lessons for the 21st Century. London, Random House, 432 p. (In English).
- [8] Erokhina, E. (2021). Mezhdunarodnoye i kollapse. Kakoe budushchee eksperty predskazyvayut vysshemu obrazovaniyu. (In Russian). Available at: <https://skillbox.ru/media/education/mezhdunarodnoye-i-kollapse-kakoe-budushchee-eksperty-predskazyvayut-vysshemu-obrazovaniyu/>
- [9] Sokolova, T. A. (2019). Professiya v budushchem - professiya budushchego. Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya: sbornik statey II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Petrozavodsk, pp. 59-62. (In Russian).
- [10] Efimov, V. S., & Lapteva, A. V. (2011). The future of high education in Russia: expert vision. University Management: Practice and Analysis, (4), pp. 52-64. (In Russian).
- [11] Krotenko, T. Yu., Kanunikova, M. I., & Lesnikova, O. V. (2021). Personal mobility as a unique element of the conceptual sphere of continuing education. Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya, (7(57)), pp. 127-131. (In English). DOI: 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.21
- [12] YUNESKO. (In Russian). Available at: <https://ru.unesco.org/>
- [13] Executive Summary World Robotics 2018 Industrial Robots. (In English). Available at: <https://clckr.top/Joy>

Статья поступила в редакцию 18.05.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 18.05.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

УДК 321.011:327

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49

Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка

Мария Сергеевна Жулева¹, Юрий Михайлович Конев²

¹Кафедра гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

²Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В центре внимания статьи находится проблема изменения статуса современного национального государства в условиях глобальной трансформации социально-экономических и политических отношений. Акцент сделан на изучении процесса эволюции концепции государственного суверенитета, в основе которой лежит право государства как главного актора международных отношений на самостоятельное проведение собственной внутренней и внешней политики. Особое внимание уделяется причинам корректировки принципов теории государственного суверенитета на современном этапе развития общества. Сформулирован вывод о диалектичности суверенитета как совокупности центробежных тенденций, когда происходит укрепление региональных и местных органов власти, расширение их компетенций, и центростремительных тенденций, выражающихся в добровольном ограничении некоторыми государствами своих суверенных прав в пользу международных организаций. Утверждается, что противостояние двух тенденций — к ограничению суверенитета с одной стороны и к его укреплению с другой — будет определять мировой порядок в обозримом будущем, являясь время от времени источником международной напряженности.

Ключевые слова: национальное государство, национальные интересы, глобализация, безопасность

Для цитирования: Жулева, М. С. Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка / М. С. Жулева, Ю. М. Конев. — DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2022. — № 3. — С. 35–49.

The concept of state sovereignty in the context of the transformation of the modern world order

Maria S. Zhuleva¹, Yuriy M. Konev²

¹Department of Humanities and Technologies, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

²Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article focuses on the issue of changing the status of a modern national state in the context of a global transformation of socio-economic and political relations. Much attention is given to studying the process of evolution of the concept of state sovereignty, which is based on the right of the state to independently conduct its own domestic and foreign policy. Particular attention is paid to the reasons for adjusting the principles of the theory of state sovereignty at the modern stage of the development of society. It is concluded that sovereignty is dialectical as a combination of centrifugal trends, when regional and local authorities are strengthened, their competencies and centripetal trends are expanded. They are expressed in the voluntary restriction by some states of their sovereign rights in favor of international organizations. It is argued that the con-

frontation of two tendencies is to limit sovereignty on the one hand and to strengthen it on the other hand. It will determine the world order in the foreseeable future, being a source of international tension from time to time.

Keywords: national state, national interests, globalization, security

For citation: Zhuleva, M. S., & Konev, Yu. M. (2022). The concept of state sovereignty in the context of the transformation of the modern world order. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 35-49. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-35-49

Введение

В настоящее время мы являемся свидетелями трансформации образа современности: идут глобальные изменения в политической, социально-экономической, информационной сферах. На наших глазах меняется статус национального государства, появляется все больше сторонников идеи «ограниченного суверенитета», а некоторые и вовсе говорят о ликвидации данного политического феномена в ближайшем будущем. Однако в конституциях США и ряда европейских и неевропейских стран принцип государственного суверенитета прописан как незыблемая норма. И Россия на современном этапе в целях сохранения территориальной целостности и самостоятельности в решении внутренних проблем включила пункт о защите своего суверенитета в действующую Конституцию РФ [1].

В настоящее время наблюдается новый виток дискуссии относительно идеи государственного суверенитета не только как ключевого понятия теории международных отношений, эта проблема актуальна и для всей политической теории в целом, и для теории международного права в частности, осталось еще много неразрешенных вопросов. Академик В. А. Михеев отмечает, что «острыми современными проблемами развития государственного суверенитета являются слабость его научно-теоретической разработки; истощенность обоснования суверенности с учетом нового мировидения...» [2], что подчеркивает важность выбранной темы статьи.

Материалом для исследования послужили научные статьи, монографии, публикации отечественных и зарубежных ученых (философов, юристов, политологов, социологов, историков), а также нормативно-правовые акты в исследуемой сфере.

Проблема суверенитета являлась и является предметом научного интереса многих ученых, таких как Н. Д. Грачев [3], Э. Г. Соловьев [4], М. Б. Филонова [5], Н. В. Асонов [6], Г. К. Ахвердян [7], А. А. Кокошин [8], В. А. Михеев [2], А. С. Панарин [9], А. А. Сергунин [10], С. И. Коренюшкина и К. А. Соловьев [11] и др.

В 2000-е гг. появляется немало кандидатских и докторских диссертаций, посвященных исследованию происхождения понятия «государственный суверенитет», его эволюции, например, работы Е. С. Кузнецовой [12], Н. И. Грачева [13], А. Р. Халатова [14] и других авторов.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в попытке исследования проблемы изменения статуса национального государства на международной арене сквозь призму анализа эволюции концепции государственного суверенитета, вы-

явления особенностей укрепления государственного суверенитета в современных условиях мирового развития.

Материалы и методы

В работе были использованы общенаучные методы: структурно-функциональный (национальное государство рассматривается как сложное структурное образование, выполняющее важные функции по управлению и регулированию процессов, протекающих на его территории, и оказывающее воздействие на развитие мировой политики в целом), системный (концепция государственного суверенитета видится как система, включающая в себя различные принципы и нормы), компаративный (сравниваются различные точки зрения современных отечественных и зарубежных исследователей по ключевым вопросам рассматриваемой проблемы), исторический (проблема эволюции концепции государственного суверенитета исследуется во временном развитии с выявлением связей прошлого и настоящего). Кроме того, получили применение общелогические методы (анализ и синтез, индукция и дедукция) и методы эмпирических исследований (анализ нормативно-правовых актов).

Результаты и обсуждение

Концепция государственного суверенитета появилась сравнительно недавно, и развивалась она вместе с идеей становления национальных государств, пришедших на смену анархии феодальной раздробленности. Нужно было упорядочить отношения между отдельными государствами, законодательно закрепить возможность самостоятельно осуществлять юрисдикцию над принадлежащей им территорией и населением, что и было сделано после окончания Тридцатилетней войны в Европе в результате подписания в 1648 году Вестфальского мира. Таким образом, суверенное государство рассматривалось как важное явление, возникшее для решения конкретных политических задач своего времени [3]. В дальнейшем суверенитет выступил мощным фактором, организующим международные отношения в целом. Причем представления о суверенитете со временем стали включать в себя следующий набор основополагающих принципов международного права: о территориальной целостности, нерушимости границ, невмешательстве во внутренние дела государств [4].

Так называемая «Вестфальская система международных отношений», провозгласившая доктрину государственного суверенитета — правового порядка, запрещающего любым внешним акторам воздействовать на внутрисполитические дела национальных государств, просуществовала долгие годы. «Коррекция» традиционного толкования суверенитета началась после окончания Первой мировой войны, и наиболее активно она продолжилась после завершения Второй мировой войны, когда была установлена биполярная структура мира, доминирование двух держав (СССР и США) стало «...альтернативой идее государственного суверенитета, поскольку иные государства в данных условиях не могут в полной мере рассматриваться с позиции равенства их прав в международных делах», две державы стали гарантами существования суверенитета ряда стран [5].

Создание Организации Объединенных Наций в 1945 году, в Уставе которой принцип суверенного государства был обозначен как важнейший постулат международного права: «...Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов» (п. 1 ст. 2) [15], на практике не привело к защите стран-участниц от незаконных посягательств на их суверенитет со стороны более сильных игроков мировой политики. Исследователи отмечают, что с появлением ООН суверенитет, с одной стороны, по-прежнему рассматривался в качестве основы международных отношений, но, с другой стороны, появились обстоятельства, которые вступали в некоторое противоречие с классической, ранее существовавшей моделью («вестфальской») суверенитета. Это, например, провозглашение права народов на самоопределение, возникновение международных организаций под эгидой ООН, которые стали регулировать разные сферы межгосударственного сотрудничества, по сути, забирая у национальных государств некоторый объем полномочий [7].

Одной из причин нового наступления на государственный суверенитет стал распад СССР. В результате этого события вся система международных отношений претерпела серьезные изменения. Сформировался однополярный мир во главе с США. И вот уже почти три десятилетия лидерство этой страны никем не оспаривалось. Суммарная мощь США действительно производила впечатление: на эту страну приходилось более 20 % мирового валового внутреннего продукта, а также половина мировых военных расходов. США считались мировым инновационным центром и глобальным технологическим лидером. Потому попытки закрепить американское доминирование в мировых процессах и в принятии ключевых решений глобального масштаба по различным политическим и экономическим вопросам считались обоснованными. Американское политическое лидерство расценивалось многими как вполне легитимное [4]. Создание норм «...единоличным мировым лидером устраивало до последнего времени целый ряд средних и даже малых стран, которые в этих условиях получали возможность выбора... коалиций в целях укрепления своих... позиций», — указывает в своем исследовании Э. Г. Соловьев [4].

С уходом с мировой арены крупного соперника в лице СССР у США появилась возможность беспрепятственно транслировать идеи либеральной идеологии, утверждая, что либерализация нужна для обеспечения мира и безопасности и что она может быть достигнута в самых разных странах мира. Говорилось, что нелиберальные по своей сути государства имеют склонность проявлять агрессию, они будут стремиться наращивать свою военную мощь, либеральные режимы, наоборот, являются системами миролюбивыми. Транслировалась идея о том, что именно от соотношения количества либеральных и нелиберальных режимов в мире зависит уровень угрозы в международных отношениях. Именно так получала оправдание идея о вмешательстве в дела независимых государств, и эта мысль не воспринималась как нарушение норм международного права, а понималась как наиболее предпочтительная, лучшая на текущий момент времени стратегия обеспечения глобальной безопасности и стабильности [4]. Правда, никто не спрашивал суверенные государства об их предпочтениях и желании включаться в либеральный мир. По сути, речь идет именно о замене принципов международного права принципами силы и безусловного влияния, которыми активно пользо-

вались США и их союзники, транслируя свои интересы и ценности на новые территории. Сегодня мы можем наблюдать продолжение этой тенденции. Все более распространенной становится политика «двойных стандартов»: что можно одним странам, запрещается другим [16].

Кризис концепции государственного суверенитета обнаружился в слабости обретших реальную государственность республик, входящих ранее в СССР, и ряда стран Восточного блока. Академик РАН А. А. Кокошин замечает относительно таких новых участников международных отношений: «Многие из этих государств, обладая полным набором признаков формального суверенитета, входят в категорию несостоявшихся государств, неспособных на своей территории, над которой они призваны осуществлять суверенитет, обеспечить экономический рост, политическую стабильность, соблюдение норм права, решение острейших социальных проблем, политическое управление со стороны центральной власти» [8]. Такое «несоответствие между неограниченным де-юре и ограниченным де-факто суверенитетом негативно влияет на национальную психологию многих народов и их политических элит, нередко вызывает весьма сложные социальные и политические коллизии, чреватые острыми конфликтными и кризисными ситуациями как внутри государств, так и в определенном сегменте системы мировой политики» [8]. Примером может служить нынешняя ситуация на Украине.

В современном мире стало все труднее и труднее поддерживать безопасность, соблюдать установленные нормы. Все чаще сегодня раздаются голоса западных экспертов о пересмотре понятия «международного права». Например, Д. Армстронг, британский юрист, писал еще в 1999 году в журнале Лондонского королевского института международных отношений, что «международное право регулирует отношения между государствами, но не между людьми, чему мешает акцент на суверенитете» [17]. Этот юрист является сторонником идеи создания новой формы права, замены «международного права», которое регулирует отношения между народами, на «мировое гражданское право». Как считают некоторые ученые, последнее более соответствует мировому сообществу людей (отдельных граждан, не народов).

Американские исследователи говорят сегодня о так называемой концепции «личной безопасности». Данная теория претендует вытеснить понятие «национальная безопасность». Сторонники новой концепции считают, что нужно постепенно уходить от государственно-центричного восприятия природы политики. Не так давно в научном дискурсе начали обсуждать понятие «суверенитет личности», которое также противопоставляется понятию «государственный суверенитет». Доктор политических наук Н. В. Асонов, рассматривая эту дефиницию, приводит тезис о том, что «поставив суверенитет личности как главной ценности над суверенитетом государства, человек обретет социально-политический простор, начав жить по принципу *ubi bene ibi patria* («где хорошо, там и родина») [6].

То есть мы видим попытку пересмотреть нормы международного права, переопределить понятие суверенитета, приспособить его к новым реалиям со своими целями и задачами.

Одной из таких новых реальностей явилась глобализация, основание которой коренится в концепции свободного рынка — финансового капитализма, для которого

не важны национальная идеология, государственные границы, а все определяет прибыль. Можно констатировать, что основными противниками национального государства, заинтересованными в размывании его суверенитета, являются сегодня транснациональные корпорации (ТНК) и глобальные компании, обладающие гигантскими ресурсами (финансово-экономическими и политическими), задающие общие правила и формулирующие новые ценности жизни (в первую очередь потребления) [18].

Говоря в целом о феномене глобализации, эксперты отмечают, что, с одной стороны, она сегодня необходима государству, так как обеспечивает технический прогресс и экономическое развитие, но, с другой стороны, становится уязвимым национальное хозяйство, разрушается индустрия, создававшаяся столетиями, повсеместно распространяется безработица. Люди утрачивают веру в себя и в свою страну, создается базис для политической нестабильности на уровне как отдельного государства в частности, так и мирового сообщества в целом [19].

Несправедливым видится присвоение некоторыми субъектами (странами Запада в основном) права в одиночку «переделять» политическую и экономическую карту мира от имени всего мирового сообщества [18].

«Запад выстроил дискриминационную модель глобального рынка. Развивающимся странам предложили отказаться от протекционизма (национального приоритета), объявив его причиной их отсталости. В обмен на отказ был обещан рост за счет притока прямых иностранных инвестиций, но распоряжаться эффектами роста в свою пользу им запретили», — утверждалось в докладе под названием «О торговле и развитии», подготовленном секретариатом конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) в 2014 году [20].

«Глобализм привел мировую финансовую сферу к такому положению, когда большинство государств живут за счет кредитов, имея при этом значительные долговые обязательства», — отмечается в статье ученых Санкт-Петербургского государственного университета [21].

Если говорить сегодня о правах и свободах человека и гражданина как основополагающих ценностях, на которых должен строиться современный мир, то надо отметить, что процесс глобализации не только не способствует реализации данного принципа, особенно в сфере социально-культурных прав, но даже вредит ему. Социальные вопросы, интересующие миллионы людей, уходят на второй план, во главу угла поставлены экономические интересы, так как цели общественного развития попросту не согласуются с интересами финансовых кругов [21]. «Миллионы людей сгоняются с насиженных мест, отрываются от корневой системы, перемешиваются между собой, лишаются по собственной или чужой воле своего отечества, и на чужих берегах не имеющие возможности обрести все положенные им полноценные гражданские права» [22], вынуждены влачить свое существование. Как отмечают исследователи, важная проблема состоит в том, что «крупные ТНК обладают сегодня глобальной сферой влияния, но не глобальной ответственностью» [23].

В целом, основываясь на полученных результатах исследования, можно утверждать, что трансформация государственного суверенитета в нынешних условиях неизбежна. По словам А. С. Панарина, «современная развитая постиндустриальная мировая

капитализация... не может осуществляться исключительно в границах одного государства, безудержно диктует новые рыночные условия для разных государств» [9]. «Классический суверенитет» должен приспособиться к новым реалиям. В самом факте эволюции этого явления, как отмечает Э. Г. Соловьев, абсолютно нет ничего сверхъестественного, проблемность вопроса заключается в том, что «роль интерпретатора и законодателя принципов и институтов пытается взять на себя ограниченная группа стран» [4]. С. Краснер, являющийся специалистом в области международных отношений, предложил свой вариант рассмотрения понятия «суверенитет», он выделил несколько его видов [24]. Анализируя современную реальность, ученые делают вывод, что сегодня происходит «инструментализация суверенитета, означающая манипулирование международным правовым признанием, угрозой гуманитарной интервенции для достижения практических целей и интересов определенных государств» [4].

Итак, сегодня можно утверждать, что спор о характере и степени изменения понятия «государственный суверенитет» ведется давно. Особенно бурные дискуссии идут между сторонниками различных парадигм теории международных отношений: неореалистами и неолибералами с одной стороны и глобалистами и постпозитивистами (представителями постмодернизма, социального конструктивизма, постструктурализма, феминизма и др.) так называемой «критической школой» с другой.

Для большинства неореалистов суверенитет, несмотря на меняющуюся роль государства в условиях глобализации, остается основой международного права и международной системы. При этом ими отмечается, что из-за анархичности международной системы, неравномерного распределения силы и политических противоречий между странами установленные правила игры могут меняться [10]. Неореалисты считают, что государства в современных реалиях становятся все менее самостоятельными в принятии решений, они передают часть своих полномочий наднациональным структурам (пример с Евросоюзом). Но нельзя говорить, что процесс глобализации ведет к отмиранию государства, наоборот, трансграничное движение капитала и населения зависит от эффективности государственного управления. Государства поддерживают стабильность в различных сферах жизни общества, осуществляя валютную, кредитно-финансовую, инновационную политику. Глобальный экономический кризис 2008 года показал, что наиболее эффективным инструментом по борьбе с ним и его последствиями оказалось именно национальное государство [10].

Свою альтернативу в трактовке суверенитета предлагают постпозитивисты, называющие себя «критической школой», они ставят под сомнение сегодня многие традиционные понятия, в том числе и концепцию государственного суверенитета. Например, представители постпозитивизма уверены, что понятие суверенитета теряет свой смысл в эпоху глобализации, так как исчезает сам его носитель — государство. Данный субъект мировой политики начинает постепенно передавать свои функции и полномочия на уровень субнациональных образований (субъектам федерации, регионам), а также транснациональных институтов и частных акторов, деятельность которых находится вне сферы государственного влияния [10].

Известный немецкий философ и социолог Ю. Хабермас замечает, что «история национального государства, как и всякой формы политической социализации, подходит

к концу», будущее видится в появлении децентрализованного мирового сообщества, которое распадается на неупорядоченное множество самовоспроизводящихся и самоуправляемых функциональных систем [25]. С Ю. Хабермасом солидарен и американский социолог А. Этциони, который говорит о «глобальной управляемости» и рассматривает в качестве наиболее перспективных не международные, а наднациональные структуры и институты [26].

Таким образом, суммируя точки зрения ряда исследователей, можно сделать вывод, что мы сталкиваемся сегодня со следующим противоречием современности: требованием создать систему глобального управления и регулирования с одной стороны и невозможностью ее создания в ближайшем будущем с другой. Национальное государство еще долго будет основой мирового порядка. А суверенитет понимается в качестве «несущей конструкции» современной политики, ее существование рассматривается как гарантия минимизации межгосударственного насилия. Разрушение этого фундамента мировой политики, усомнение в значимости суверенитета как важного института, являющегося основой конституционного строя большинства современных государств, приведет к тому, что мир «упадет» в новое Средневековье, где все решала сила, а не международное право — важное достижение человеческой цивилизации.

Как национальным государствам сохраниться в качестве важного актора международных отношений, как защитить и укрепить свой суверенитет в современных условиях трансформации мирового порядка? Ученые предлагают разные варианты. Кто-то советует в первую очередь США пересмотреть свое поведение на международной арене, признать, что мир становится многополярным, не упорствовать в своем желании остаться абсолютным лидером во всех сферах жизни. Есть и в самой Америке специалисты, которые считают, что «Соединенным Штатам нужно приветствовать многообразие не только внутри собственной страны, но и во всем мире, а также согласиться с тем, что либеральная демократия должна конкурировать на рынке идей с другими типами политического устройства, не умаляя их достоинств. В действительности терпимость к различным типам политического устройства гораздо больше отвечает интересам США. ...Уважительное отношение к ответственным правительствам, терпимость к политическому и культурному многообразию, баланс между глобальным управлением и передачей полномочий региональным властям, а также более умеренный подход к глобализации — вот принципы, которые должны лечь в основу будущего мироустройства» [27]. И действительно, сегодня имеются, по крайней мере, две страны (Россия и Китай), которые «бросили вызов» американскому лидерству и готовы бороться за свои интересы на глобальном уровне. Дальше, по мере укрепления своих позиций, таких стран станет больше. Неслучайно сегодня на мировой арене снижается авторитет «Большой семерки» (G7), и растет вес «Большой двадцатки» (G20), активизировавшейся после финансово-экономического кризиса 2008 года, показавшего, что мировое развитие зависит сегодня уже не от решений небольшой группы стран, а от гораздо большего количества игроков.

Итак, первый выход из кризисной ситуации («размывания» суверенитета) — поддерживать и продвигать идею многополярного мира в глобальном масштабе, что будет способствовать укреплению позиций суверенного государства.

Ученые Санкт-Петербургского государственного университета призывают больше внимания уделять информации как важной составляющей процесса глобализации. Они утверждают, что важно осуществлять контроль над информационным пространством, быть способными устанавливать и продвигать в современном мире свою собственную «повестку дня», и это является едва ли не более значимым инструментом отстаивания своего суверенитета, чем ядерное оружие [11].

Без сомнения, государство, которое обладает монополией на производство информации и может беспрепятственно ее продвигать на своей территории, сможет активно транслировать свои социально-экономические, политические и культурные ценности, то есть будет иметь возможность самосохраниться.

Большое количество российских исследователей отмечают в качестве главной насущной проблемы, в частности для нашего государства, проблему национализации отечественных элит. «Национализация политического класса... имеет своей целью обретение способности сплочения институтов гражданского общества вокруг патриотически настроенных интеллектуалов-лидеров, способных обеспечить поступательное устойчивое развитие страны, преодоление социального разрыва и единение русского народа» [19]. Одной из причин ослабления государственного суверенитета, как мы говорили выше, является неспособность органов государственной власти решать социальные и экономические вопросы на своей территории. Страны с неустойчивой социальной системой, низким уровнем жизни населения очень уязвимы, они первыми попадают в группу риска, то есть могут быть ограничены в своих внутренних и внешних делах, попасть в зависимость от более сильных стран. Поэтому России сегодня очень важно повышать уровень благосостояния своих граждан, эффективно решать социальные проблемы, уменьшать социальный разрыв между слоями населения. Пока проблема бедности у нас стоит остро. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), по итогам 2021 года за чертой бедности в России находились 16,1 млн россиян (11 % населения страны) [28]. В 2018 году Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором говорится о двукратном снижении бедности как одной из национальных целей России на указанный период [29].

Государства должны уметь рационально формулировать цели развития с учетом политических, экономических, социальных аспектов, разрабатывать стратегию, находить средства для их воплощения. Российские ученые В. В. Дягилев и О. В. Шевченко утверждают, что «без осознания реальных целей государственной деятельности утрачивается национальный суверенитет» [21]. «Честное признание своих интересов позволяет лучше организовать цивилизационный диалог, создать перспективы и определить направления дальнейшего сотрудничества», — верно замечают исследователи [21].

Таким образом, претендующее на независимость в своих решениях государство должно иметь четкие цели развития, уметь формулировать и защищать свои интересы в диалоге с другими акторами международных отношений. Именно национальные интересы есть залог «обеспечения реального суверенитета страны, повышения

ее субъектности в сфере мировой политики, обеспечения национальной конкурентоспособности» [30].

Сохранение социально-культурной идентичности при включении в сетевую коммуникацию со всем миром — важная задача современного национального государства на современном этапе, и обеспечивать ее должна национальная элита вместе с другими институтами общества. Элита (не только политическая, но и экономическая), действующая на основе единства со своим народом и в интересах национального государства, способная организовать общество, предложить эффективную программу развития, построенную на самоорганизации людей, самоуправлении, поддержке хозяйствующих субъектов, будет способна отстоять суверенитет своей страны. Важность момента заключается еще и в том, что государства, являясь частью мировой системы международных отношений, должны осознавать свою ответственность за судьбу развития мировых процессов в целом. Поэтому и необходимо экономическое, культурное, социальное сотрудничество, и в большей степени, как отмечают некоторые исследователи, мы можем говорить не об ограничении суверенитета или отказе от него, а о взаимозависимости стран друг от друга. Это не одно и то же. Главное, четко прописывать эти грани взаимозависимости и руководствоваться нормами международного права в своих взаимоотношениях. Никто не должен заставлять государства развиваться в разрез со своими национальными интересами, в ущерб правам своих народов ради реализации потребностей ограниченного круга лиц, тогда мир будет пребывать в состоянии стабильности, а не в состоянии неопределенности и непредсказуемости, что, к сожалению, наблюдается сегодня.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования проблемы эволюции государственного суверенитета в условиях формирующегося нового мирового порядка мы пришли к следующим выводам. Суверенитет сегодня, действительно, претерпевает изменения, что диктует ему современная реальность (например глобализация, появление новых акторов мировой политики и международных отношений и др.). С одной стороны, мы можем заметить усиление региональных и местных органов власти в рамках национального государства, с другой стороны, некоторые государства сами, без сопротивления, добровольно ограничивают свою независимость в решении вопросов, свой суверенитет в пользу ряда международных структур и организаций. Но говорить о скором исчезновении суверенитета преждевременно. Весь ход развития человеческого общества в прошлом и настоящем показывает, что суверенное государство необходимо, в том числе для успешного протекания той же глобализации, так как именно государство берет на себя решение огромного количества насущных социальных проблем, выполняет и другие важные функции, такие как обеспечение безопасности граждан и стабильности в мире. Без осуществления этих функций не было бы достижений глобализации.

Можно согласиться с учеными, что в мировой политике еще долгое время будет продолжаться противостояние двух противоположных тенденций — к укреплению суверенитета с одной стороны, и к его ограничению с другой [4]. За каждой из обозна-

ченных тенденций стоят свои сторонники и противники. Национальному государству сегодня брошен вызов, и его самосохранение будет зависеть от того, сможет ли оно развивать свою экономику, поддерживать достойный уровень жизни и единство народов на своей территории. Страны, не способные защитить свои интересы, вынуждены будут подчиниться новым правилам игры, а те, кто сможет выстоять, будут участвовать в формировании новой экономической и политической картины мира как полноправные партнеры.

Список источников

- [1] Конституция Российской Федерации с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года (+ сравнительная таблица изменений) / Под редакцией Р. Р. Мубаракшина. – Москва : Эксмо, 2020. – 96 с. – Текст : непосредственный.
- [2] Михеев, В. А. Государственный суверенитет : политические аспекты обеспечения, проблемы, перспективы / В. А. Михеев. – DOI 10.31171/vlast.v28i6.7803. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – Т. 28, № 6. – С. 308–314.
- [3] Грачёв, Н. Д. Идея государственного суверенитета в социально-философском дискурсе / Н. Д. Грачёв. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 3. – С. 3–6.
- [4] Соловьев, Э. Г. Геополитические сдвиги в современном мире в зеркале эволюции концепции суверенитета / Э. Г. Соловьев. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 12 : Политические науки. – 2014. – № 3. – С. 57–73.
- [5] Филонова, М. Б. Кризис идеи государственного суверенитета : философско-правовой аспект / М. Б. Филонова. – Текст : непосредственный // Философия права. – 2010. – № 5 (42). – С. 111–115.
- [6] Асонов, Н. В. Характер суверенитета современной России : проблема трактовки / Н. В. Асонов. – DOI 10.31171/vlast.v28i6.7805. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – № 6. – С. 318–320.
- [7] Ахвердян, Г. К. Проблематика суверенитета в современном политологическом дискурсе / Г. К. Ахвердян. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 53–57.
- [8] Кокошин, А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе / А. А. Кокошин. – 3-е изд., доп. и расш. – Москва : Европа, 2006. – 180 с. – Текст : непосредственный.

- [9] Панарин, А. С. Постмодернизм и глобализация : проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств / А. С. Панарин. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 16–36.
- [10] Сергунин, А. А. Суверенитет : современные дискуссии в теории международных отношений / А. А. Сергунин. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : История. Политология. – 2010. – № 19 (90). – С. 231–236.
- [11] Коренюшкина, С. И. Суверенитет в эпоху глобализации : теория и практика / С. И. Коренюшкина, К. А. Соловьев. – Текст : непосредственный // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – № 1 (34). – С. 55–59.
- [12] Кузнецова, Е. С. Проблема ограничения суверенитета в мировой политике : специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кузнецова Екатерина Станиславна. – Москва, 2011. – 24 с. – Место защиты : Институт Европы РАН. – Текст : непосредственный.
- [13] Грачев, Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Грачев Николай Иванович. – Волгоград, 2009. – 43 с. – Место защиты : Академия экономической безопасности МВД РФ. – Текст : непосредственный.
- [14] Халатов, А. Р. Суверенитет как государственно-правовой институт : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Халатов Аркадий Рафаелович ; Волгоградская академия МВД России. – Волгоград, 2006. – 29 с.
- [15] Устав ООН. – Текст : электронный // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter> (дата обращения: 12.05.2022).
- [16] Жулева, М. С. Проблема морали в международных отношениях / М. С. Жулева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 1. – С. 91–94.
- [17] Нарочницкая, Н. А. Демократия XXI века : перерождение смыслов и ценностей / Н. А. Нарочницкая. – Текст : электронный // Аналитические записки : сайт. – 2011. – 9 июня. – URL : <http://analyticismz.ru/?p=134> (дата обращения: 12.05.2022).
- [18] Шереметьев, Д. В. Мегатренды развития современной миросистемы и интересы безопасности России / Д. В. Шереметьев. – DOI 10.31171/vlast.v27i1.6240. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 133–141.
- [19] Алексеев, Г. В. Национализация политического класса как фактор обеспечения безопасности страны / Г. В. Алексеев, Г. Н. Морозов. – Текст : непосредственный // Власть. – 2017. – Т. 25, № 6. – С. 88–95.

- [20] Крутаков, Л. В. Контуры нового миропорядка : изменение принципов и правил конкуренции за энергетические ресурсы / Л. В. Крутаков. – DOI 10.31171/vlast.v27i3.6398. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 28–33.
- [21] Дягилев, В. В. Глобализм и национальная идеология / В. В. Дягилев, О. В. Шевченко. – DOI 10.31171/vlast.v27i4.6617. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 133–137.
- [22] Чернышов, А. Г. Современное государство: последний Левиафан, фантом или мессия? / А. Г. Чернышов. – Текст : непосредственный // Власть. – 2017. – Т. 25, № 5. – С. 57–67.
- [23] Конышев, В. Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета / В. Н. Конышев. – Текст : непосредственный // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6, № 4. – С. 68–88.
- [24] Krasner, S. D. Sovereignty : organized hypocrisy / S. D. Krasner. – Princeton : Princeton University Press, 1999. – 264 p. – Direct text.
- [25] Хабермас, Ю. Вовлечение другого : очерки политической теории / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Ю. С. Медведева ; под редакцией Д. В. Складнева. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – 415 с. – Перевод изд.: Die Einbeziehung des Anderen / Jürgen Habermas. Frankfurt am Main, 1996. – Текст : непосредственный.
- [26] Этциони, А. От империи к сообществу : новый подход к международным отношениям / А. Этциони ; перевод с английского, под редакцией В. Л. Иноземцева. – Москва : Ладомир, 2004. – 384 с. – Перевод изд.: From empire to community / Amitai Etzioni. New York, 2004. – Текст : непосредственный.
- [27] Капчан, Ч. Автономное управление / Ч. Капчан, А. Маунт. – Текст : электронный // Россия в глобальной политике : [сайт]. – 2009. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avtonomnoe-upravlenie> (дата обращения: 12.05.2022).
- [28] Деготькова, И. Росстат назвал число живущих за чертой бедности россиян / И. Деготькова. – Текст : электронный // РБК : [сайт]. – 2022. – 11 мар. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2022/622b53209a7947ef35d91afb> (дата обращения: 12.05.2022).
- [29] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – 2018. – 7 мая. – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 12.05.2022).
- [30] Кокошин, А. А. Методологические вопросы оценки угроз национальной безопасности / А. А. Кокошин. – DOI 10.7868/S0132162517110034. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2017. – № 11 (403). – С. 19–29.

References

- [1] Mybarakshin, R. R. (2020). Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii s izmeneniyami, vynesennymi na Obshcherossiyskoe golosovanie 1 iyulya 2020 goda (+ sravnitel'naya tablitsa izmeneniy). Moscow, Eksmo Publ., 96 p. (In Russian).

- [2] Mikheev, V. A. (2020). State sovereignty: political aspects of its providing, problems and prospects. *Vlast'*, (28(6)), pp. 308-314. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7803
- [3] Grachev, N. D. (2011). Idea of the sovereignty in space of a modern society: socially-philosophical aspect. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 11(3), pp. 3-6. (In Russian).
- [4] Solovyov, E. G. (2014). Geopolitical shifts in the modern world in the context of the evolution of the concept of sovereignty. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, (3), pp. 57-73. (In Russian).
- [5] Filonova, M. B. (2010). Crisis of state sovereignty idea: philosophic-legal aspect. *Philosophy of Law*, (5), pp. 111-115. (In Russian).
- [6] Asonov, N. V. (2020). The specificity of the contemporary Russia sovereignty: the interpretation problem. *Vlast'*, (6), pp. 318-320. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v28i6.7805
- [7] Akhverdyan, G. K. (2010). Issue of sovereignty in modern politological discourse. *Vestnik of Saint Petersburg university. International Relations*, (1), pp. 53-57. (In Russian).
- [8] Kokoshin, A. A. (2006). *Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme*. 3rd edition, revised and expanded. Moscow, Evropa Publ., 180 p. (In Russian).
- [9] Panarin, A. S. (2003). Postmodernism and globalization. *Voprosy Filosofii*, (6), pp. 16-36. (In Russian).
- [10] Sergunin, A. A. (2010). Suverenitet: sovremennye diskussii v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy. *Belgorod State University scientific bulletin history. Political Science* (19(90)), pp. 231-236. (In Russian).
- [11] Korenyushkina, S. I., & Solov'ev, K. A. (2015). Suverenitet v epohu globalizacii: teoriya i praktika. *Society. Environment. Development*, (1(34)), pp. 55-59. (In Russian).
- [12] Kuznetsova, E. S. (2011). Problema ogranicheniya suvereniteta v mirovoj politike. Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Moscow, 24 p. (In Russian).
- [13] Grachev, N. I. (2009). Gosudarstvennoe ustrojstvo i suverenitet v sovremennom mire: voprosy teorii i praktiki. Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. Volgograd, 43 p. (In Russian).
- [14] Khalatov, A. R. (2006). Suverenitet kak gosudarstvenno-pravovoj institute. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 29 p. (In Russian).
- [15] United Nations Charter. (In English). Available at: <http://www.un.org.ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>
- [16] Zhuleva, M. S. (2015). Morals problem in the international relations. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 91-94. (In Russian).
- [17] Narochinskaya, N. A. (2011). Democracy of the XXI century : the degeneration of meaning and values. (In English). Available at: <http://analyticmz.ru/?p=134>
- [18] Sheremet'ev, D. V. (2019). Megatrends in the development of the modern world system and the security interests of Russia. *Vlast'*, (27(1)), pp. 133-141. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6240
- [19] Alekseev, G. V., & Morozov, G. N. (2017). The nationalization of the political class as an instrument of providing state security. *Vlast'*, 25(6), pp. 88-94. (In Russian).

- [20] Krutakov, L. V. (2019). The contours of a new world order: changing the principles and rules of competition for energy resources. *Vlast'*, 27(3), pp. 28-33. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6398
- [21] Dyagilev, V. V., & Shevchenko, O. V. (2019). Globalism and national ideology. *Vlast'*. 27(4), pp. 133-137. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6617
- [22] Chernyshov, A. G. (2017). The modern state: the last Leviathan, a phantom or the messiah? *Vlast'*, 25(5), pp. 57-67. (In Russian).
- [23] Konyshev, V. N. (2010). Amerikanskij neorealizm o probleme suvereniteta. *Political expertise: POLITEX*, 6(4), pp. 68-88. (In Russian).
- [24] Krasner, S. D. (1999). *Sovereignty: organized hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press, 264 p. (In English).
- [25] Habermas, J. (1996). *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 404 p. (In German).
- [26] Etzioni, A. (2004). *From empire to community*. New York, 259 p. (In English).
- [27] Kapchan, Ch., & Maunt, A. (2009). *Avtonomnoe upravlenie*. (In Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/avtonomnoe-upravlenie>
- [28] Degot'kova, I. (2022). Rosstat nazval chislo zhivushchih za chertoj bednosti rossiyan. (In Russian). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/03/2022/622b53209a7947ef35d91afb>
- [29] O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda. (2018). (In Russian). Available at: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
- [30] Kokoshin, A. A. (2017). Methodological issues of assessing national security. *Sociologicheskie issledovaniya*, (11(403)), pp. 20-29. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162517110034

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 19.05.2022.

The article was submitted 12.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 19.05.2022.

УДК 316.35

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-50-66

Изменение отношения российского общества к культуре здоровья в условиях пандемии COVID-19

Лариса Сергеевна Ковальжина

Кафедра менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования принимаемых мер и методов государственной социальной политики по сдерживанию пандемии COVID-19 в 2020–2022 годах. Обсуждаются вопросы распространенности заболевания COVID-19 в мире, Российской Федерации и, в частности, в Тюменской области, методы и инструменты профилактики распространения вируса, а также показатели заболеваемости и смертности вследствие COVID-19. Рассматривается роль культуры в поведении взрослого населения, направленном на защиту от вируса COVID-19, и в мотивации использования мер профилактики. Приведены результаты анализа формализованного опроса взрослого населения старше 18 лет ($n = 384$ чел., полевой этап исследования — апрель 2022 года). Для изучения элементов социокультурной саморегуляции в поведении, направленном на сохранение здоровья в условиях пандемии, культура респондентов рассмотрена с позиции классификации М. Гельфанд, выделяющей жесткую и свободную типы культур, которые отображают усвоение групповых (классовых) социальных норм. Показана связь типов культуры с возрастом респондентов, мотивацией профилактики и выбором здоровьесберегающего поведения. Культура отмечена как источник усиления профилактической работы со стороны государственных институций, учитывая, что формирование более жесткой культуры, ориентирующей внимание на социальные нормы, желание избегать ошибок, самоконтроль, характеризуется более предсказуемым образом действий, что актуально в ситуации высокого риска для здоровья и жизни при вирусной пандемии.

Ключевые слова: культура, государственная политика, меры профилактики, COVID-19

Для цитирования: Ковальжина, Л. С. Изменение отношения российского общества к культуре здоровья в условиях пандемии COVID-19 / Л. С. Ковальжина. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-50-66 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 50–66.

Changing attitude of Russian society towards health culture during the COVID-19 pandemic

Larisa S. Kovalzhina

Department of Management in the Fuel and Energy Sector, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article presents the results of the study of measures and methods of the state social policy, which have been taken to contain the COVID-19 pandemic in 2020–2022. Issues of COVID-19 disease prevalence in the world, in the Russian Federation and, in particular, in Tyumen region, methods and tools for preventing the spread of the virus, as well as morbidity and mortality rates due to COVID-19 are discussed. The article considers the role of culture in adult behavior, aimed at protection against COVID-19, and in motivation of use of preventive measures. The results of the analysis of the formalized survey of the adult population over 18 years of age ($n = 384$ persons, the field phase of the study is April 2022) are given. To study the elements of sociocultural self-regulation in behavior, aimed at maintaining health during a pandemic, the culture of respondents is considered from the point of view of the M. Gelfand's classification, highlighting rigid and free types of cultures that reflect the assimilation of group cultures (class) social norms. The article draws our attention to the relationship of the types of culture with the age of respondents, the motivation of prevention, and the choice of healthy saving

behavior. Culture has been shown as a source of strengthening preventive work on the part of state institutions, taking into account that the formation of a tougher culture, focusing on social norms, the desire to avoid mistakes, self-monitoring, characterized by a more predictable way of action, which is relevant in a society of high risk to health in a viral pandemic.

Keywords: culture, state policy, preventive measures, COVID-19

For citation: Kovalzhina, L. S. (2022). Changing attitude of Russian society towards health culture during the COVID-19 pandemic. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 50-66. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-50-66

Введение

Проблема сохранения здоровья населения не теряет своей актуальности на любом этапе развития общества, особенно усиливаясь в периоды эпидемий и стимулируемых ими экономических и социальных кризисов. Исторически социальная сфера как объект государственной политики приобретает наибольшую значимость в условиях пандемий, а задачи сохранения здоровья населения выходят на первый план.

Трактование термина «здоровье» дискуссионно, так, например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) декларирует, что «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов. Обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения...» [1]. ВОЗ подчеркивает наивысшую ценность здоровья и социальную задачу его сохранения на государственном уровне. В Российской Федерации значение термина «здоровье» приводится в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 22.10.2014), который определяет здоровье как «состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма» [2]. При этом в Законе не представлено трактование термина «социальное благополучие», которое встречается только в Распоряжении Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», поясняющем, что социальное благополучие — это «общество, основанное на доверии и ответственности, включая доверие населения к государственным и частным экономическим институтам...», это снижение социальной поляризации, обеспечение равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения [3]. Таким образом, законодательство РФ подчеркивает необходимость государственного регулирования общественной жизни для сохранения здоровья населения.

Государственная политика сохранения здоровья и культура общества тесно связаны через ценностно-нормативную регуляцию социального поведения, выражающуюся в том числе через наблюдаемые паттерны поведения. Как отмечают А. Кребер и

К. Клакхон, культура состоит из прямых и косвенных паттернов поведения и паттернов для поведения, приобретенных и передаваемых посредством символов, представляющих собой отличительные достижения социальных групп, включая их воплощения в артефактах; ядро культуры представляет собой традиционные (исторически созданные и отобранные) идеи и особенно относящиеся к этим идеям ценности; культурные системы, с одной стороны, могут рассматриваться как продукт произведенного действия, с другой — как обуславливающие элементы будущего действия [4]. По мнению А. Кребера и К. Клакхона, социальные нормы задают стандарты поведения человека, а идеологии поддерживают и социально одобряют нужные формы поведения [4].

Исследование особенностей социального поведения в связи с культурой представлено в работах М. Гельфанд, которая выделила жесткий и свободный типы культур в качестве интегральных показателей, отражающих ценности общества, усвоение классовых и групповых социальных норм, а также условия их формирования [5]. По ее оценке, представителям «жесткой культуры» свойственны такие качества, как самоконтроль, соблюдение общественного порядка, сознательность, организованность, старательность и надежность, они более строги, ценят стабильность, самодисциплину и порядок, но им более свойственны узость мышления, традиционность, культурная инертность, отмечается негатив к социальным меньшинствам (по разным признакам), низкая мобильность. В то же время «свободная культура» развивает толерантность, креативность, адаптивность, самоактуализацию, меньшее внимание к порядку, к социальным нормам.

Используя разработанную М. Гельфанд типологию культуры, рассмотрим на эмпирическом уровне связь типов культуры с социальными практиками сохранения здоровья, понимаемыми в дискурсе повседневности как «совокупность конкретных опривыченных (рутинных) повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающая устойчивое функционирование социальных институтов» [6]. Соглашаясь с концепцией П. Бурдье о детерминированности и взаимообусловленности социальных практик и социальной среды [7], под социальными практиками сохранения здоровья будем понимать формы деятельности индивида, формируемые в контексте повседневной жизнедеятельности социальной группы, выполняемые привычно и направленные на сохранение здоровья.

Началом пандемии COVID-19 принято считать 31.12.2019, когда в ВОЗ был зарегистрирован первый случай заболевания пневмонией неизвестной формы возбудителя в г. Ухань Китайской Народной Республики. Болезнь распространялась стремительно, и уже 11.03.2020 эпидемия COVID-19 была названа пандемией (в 114 странах было зарегистрировано 118 000 случаев заражения) [8]. Для предотвращения массового заражения вирусом COVID-19 правительствами стран были предприняты чрезвычайные меры по ограничению передвижения населения и социальных контактов. Были проведены мобилизация национальных систем здравоохранения и ускоренная разработка мер государственного реагирования в сложившейся ситуации, вызывавшей не только социальный, но и экономический кризис. Широта влияния пандемии COVID-19 на социальную сферу и социальные практики здоровьесбережения обусловили исследовательский интерес к роли культуры и государственной политике сохранения здоровья в условиях COVID-19.

Материалы и методы

Для исследования культуры, влияния принимаемых государственных мер сдерживания пандемии и социальных практик здоровьесбережения в условиях COVID-19 был проведен формализованный опрос (онлайн-анкетирование) взрослого населения старше 18 лет ($n = 384$ чел.). Полевой этап исследования — апрель 2022 года (статистическая погрешность составляет $\pm 5,0$ %, доверительный уровень — 95 %). Параллельно проводился анализ статистических данных различных организаций по распространенности COVID-2019 и мер государственного регулирования по сдерживанию пандемии.

В статье представлен фрагмент результатов мониторинга социальных практик здоровьесбережения, проводимого на протяжении периода распространения коронавирусной инфекции на территории Тюменской области в 2020–2022 гг.

Результаты и обсуждение

Развитие пандемии COVID-19 сразу началось стремительно. В апреле 2020 года эпицентром заболевания являлся Европейский регион, где было зарегистрировано более 40 % от общего числа мировых подтвержденных случаев и более 60 % от общего числа смертей вследствие COVID-19. Через полгода, в начале октября 2020 года, в мире уже было зарегистрировано 37 423 660 подтвержденных случаев COVID-19, включая 1 074 817 случаев смерти. В конце ноября 2020 года лидерство по числу еженедельного прироста числа заболевших (сохранявшееся до февраля 2021 года) перешло к Америке [9].

Во всем мире по состоянию на 6 мая 2022 года было зарегистрировано 513 955 910 подтвержденных случаев заболевания COVID-19, в том числе 6 249 700 случаев смерти, согласно данным ВОЗ [9]. Статистика подтвержденных случаев заражения представлена на рисунке 1.

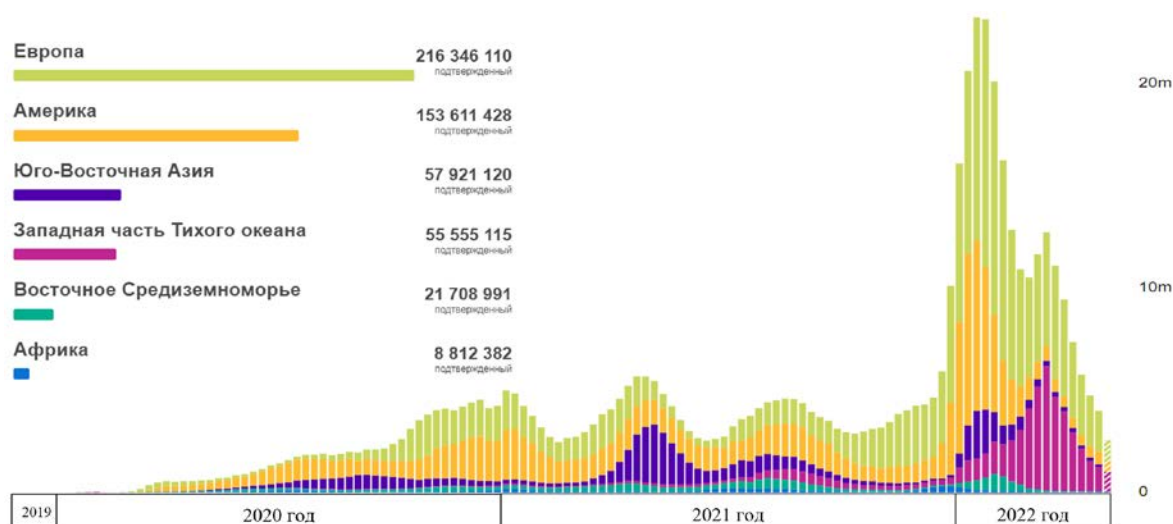

Рис. 1. Динамика еженедельного прироста подтвержденных случаев заболеваний COVID-19 в мире в разрезе регионов с 30.12.2019 по 25.04.2022, чел. [9]

Отметим волнообразную динамику числа заражений COVID-19, так, в 2020 году рост волн пришелся на апрель, июль, ноябрь и резкий всплеск на новогодние праздники. В 2021 году отмечался спад числа заражений в феврале и стремительный рост в марте с пиком в конце апреля, затем резкий спад в мае и рост в июне с сохранением высоких показателей заболеваемости на протяжении лета, вероятно, вызванных путешествиями отпускников, уставших от мер социальной изоляции полутора лет пандемии. Высокие показатели заболеваемости осени 2021 года сменились пиковыми, массовыми заражениями высокопатогенного штамма «Омикрон», сохраняющего высокую активность до весны 2022 года. В апреле 2022 года начался спад числа заражений и сокращение пандемии.

Наблюдающийся весной 2022 года спад числа заболеваний высокопатогенным, но менее «агрессивным» новым штаммом «Омикрон» подтверждает снижение числа летальных исходов вследствие COVID-19 (рис. 2) [9]. Так, пики смертности наблюдались в конце апреля, конце июля — начале августа, декабре 2020 года, самый пик пришелся на празднование Нового года — 2021 г. Пики смертности следующих волн COVID-19 — апрель, август 2021 года и февраль 2022 года.

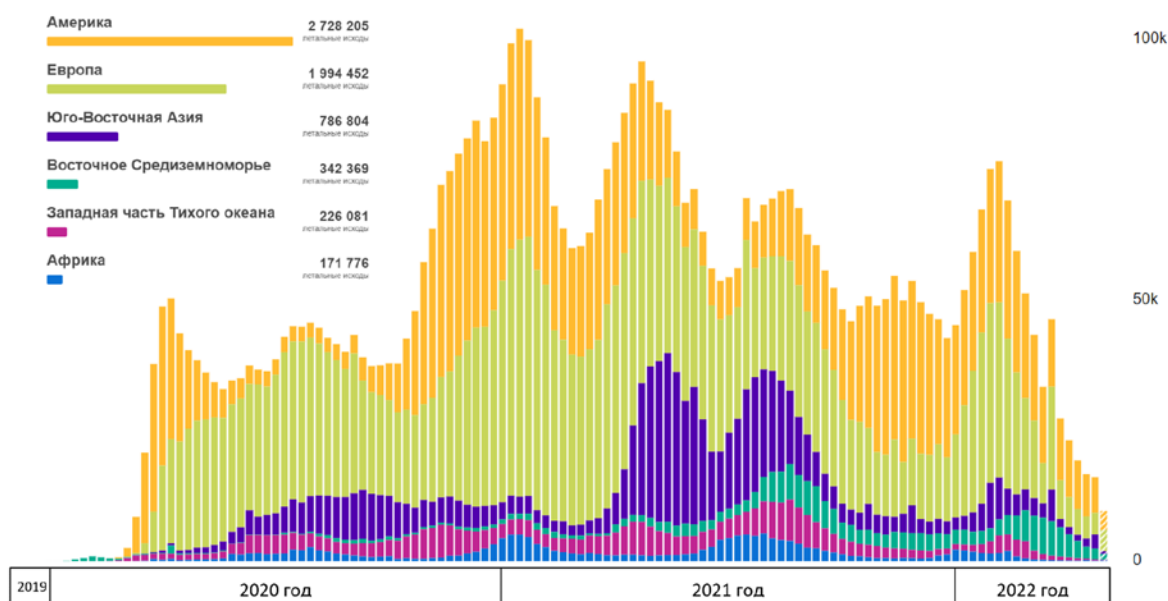

Рис. 2. Динамика еженедельного прироста подтвержденных летальных исходов вследствие заболеваний COVID-19 в мире в разрезе регионов с 30.12.2019 по 25.04.2022, чел. [9]

Рассматривая распределение по полу и возрастным группам числа заболевших COVID-19 на протяжении пандемии, отметим, что по полу значительной разницы не наблюдается. Наибольшее число заболевших в мире преобладает в возрастной группе 20–59 лет, а доминирование летальных исходов отмечено среди населения старше 80 лет (рис. 3) [10].

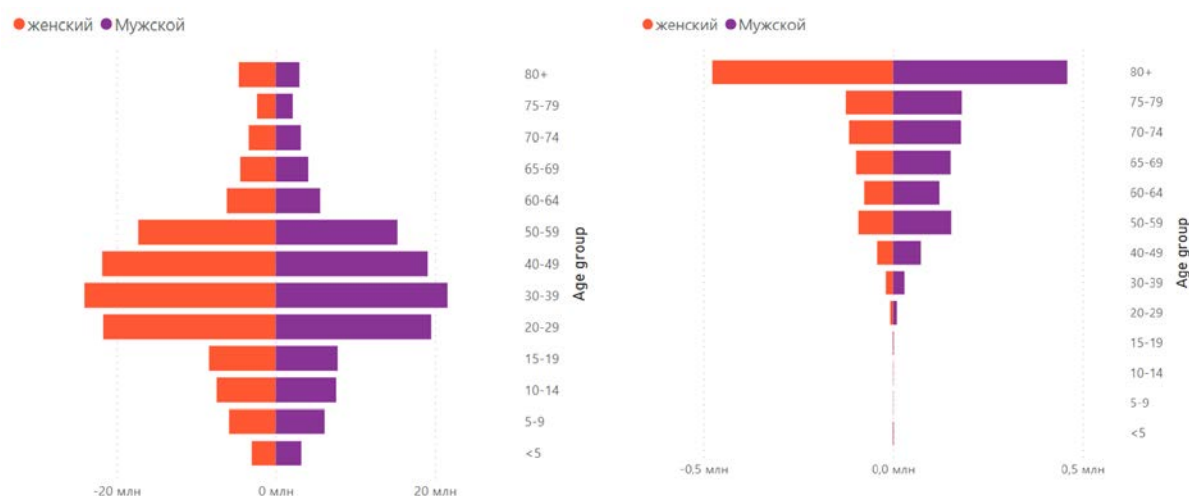

Рис. 3. Распределение по полу и возрастным группам числа заболеваний и летальных исходов вследствие COVID-19 в мире с 30.12.2019 по 02.05.2022, чел. [10]

В Российской Федерации на протяжении 2020 и 2021 годов наблюдался стабильный прирост числа заболевших и умерших вследствие COVID-19 (рис. 4) [9]. Наибольший прирост числа зарегистрированных заболевших отмечен в ноябре–декабре 2020 года, июле, ноябре 2021 г. Стремительный скачок заболевания COVID-19 штаммом «Омикрон» отмечен в январе–феврале 2022 г. График летальных исходов демонстрирует высокие показатели с ноября 2020 года, кратковременно снижавшиеся в марте–июне 2021 г., стабильно высокие с июля 2021 г. Пиковые показатели отмечены в ноябре 2021 г., стремительно сократившиеся к апрелю 2022 года. Всего за период с 30.12.2019 по 25.05.2022 в Российской Федерации было зарегистрировано 18 216 719 подтвержденных случаев заболевания COVID-19 с 376 696 летальными исходами [9]. В конце марта 2022 года наблюдается спад заболеваемости и смертности от COVID-19, что дает надежду на завершение пандемии.

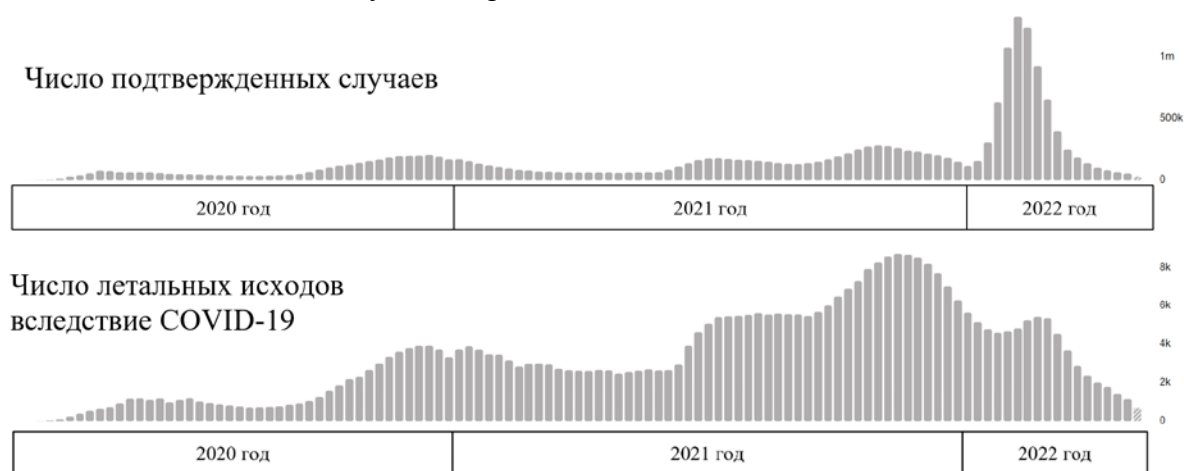

Рис. 4. Динамика числа подтверждения случаев заболеваний COVID-19 и летальных исходов в Российской Федерации с 30.12.2019 по 25.05.2022, чел. [9]

С началом пандемии национальными службами здравоохранения стран мира были приняты множественные ограничительные меры, направленные на предотвращение распространения вируса по странам и континентам, а население впервые столкнулось с вынужденным значительным ограничением передвижения и социальных контактов.

Самыми распространенными мерами сдерживания пандемии, устанавливаемыми государственными службами, стали следующие:

- отмена/сокращение авиаперелетов между странами и регионами;
- ограничение разрешений въезда в страны, запрет туризма;
- перевод обучающихся профессиональных учебных заведений на дистанционную форму;
- внеочередные каникулы школьникам и перевод на дистанционную форму обучения;
- требование работодателям к переводу части персонала на дистанционную форму работы;
- ограничение отдельным возрастным группам на посещение общественных мест;
- запрет массовых мероприятий;
- ограничение часов работы предприятий общественного питания;
- ограничение социальных контактов до указания конкретного числа человек, встречающихся в одном помещении;
- введение QR-кодов для посещения общественных мест и перемещения между городами, регионами, странами;
- требование ношения средств индивидуальной защиты (СИЗ) — масок, респираторов, закрывающих нос и рот;
- требование повсеместного использования дезинфицирующих средств;
- требование обязательной вакцинации от COVID-19 для отдельных возрастных и профессиональных групп населения;
- рекомендации населению по вакцинации от COVID-19.

В Российской Федерации был создан Координационный совет при Правительстве РФ по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции, а также в городах и регионах — местные штабы, был открыт официальный сайт www.стопкоронавирус.рф [11; 12]. Для населения рекомендации размещались в том числе на сайтах Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека и Министерства здравоохранения РФ, новости освещались средствами центрального и местного телевидения, радио, интернет-ресурсами. Основными рекомендациями были следующие: требование регулярного мытья рук с мылом или использование дезинфицирующего средства; соблюдение социальной дистанции; использование СИЗ; необходимость обращения за квалифицированной медицинской помощью при появлении симптомов COVID-19 [13–15].

Для оценки эффективности принимаемых государственными службами мер сдерживания распространения пандемии ВОЗ был разработан индекс «серьезности мер» PHSM.

Интегральный индекс PHSM включает 6 показателей: требование ношения маски (СИЗ), закрытие школ и/или перевод на дистанционное обучение, закрытие и/или

перевод на дистанционную работу предприятий, ограничение публичных и частных мероприятий/собраний, ограничение передвижения в общественном транспорте и требование оставаться дома, ограничение международных поездок (ограничение на въезд, карантин и тестирование).

В Российской Федерации меры общественного сдерживания пандемии начали использовать в феврале 2020 года. Отметим, что региональные органы самоуправления имели полномочия самостоятельно регулировать строгость мер профилактики, усиливать или ослаблять их исходя из эпидемиологической обстановки в регионе/городе. На протяжении пандемии регионы демонстрировали различную интенсивность заболевания, при этом, например на 09.05.2022, ни один регион не достиг полного соответствия критерию «региона, свободного от COVID-19», измеряемому по показателям: «заболеваемость не более 30 случаев на 100 тыс. населения, охват тестированием не менее 300 на 100 тыс. населения, уровень коллективного иммунитета не менее 80 %, занятость коек с ИВЛ меньше 0,1, загруженность коечного фонда пациентами с COVID-19 не более 30 % от норматива» [16].

Первой значимой для населения мерой ограничения социального контакта стал Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней», который установил по всей стране нерабочие дни с 30.03.2020 по 03.03.2020 [17]. В целом по Российской Федерации за время пандемии наибольшие ограничения были предприняты в мае–июне 2020 г., январе, апреле–июне, августе, октябре–декабре 2021 г., январе–феврале 2022 г., что обусловлено ростом заболеваемости и смертности (рис. 5).

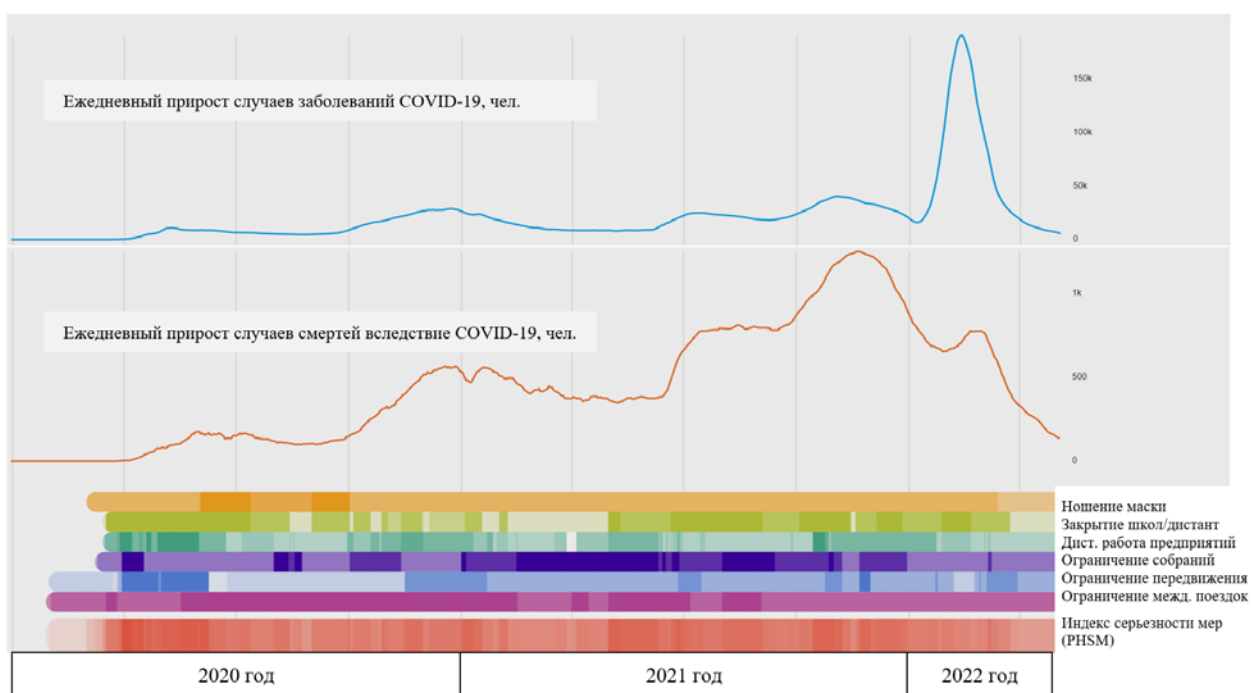

Рис. 5. Динамика индекса PHSM «серьезности мер» профилактики COVID-19 в связи с заболеваемостью и смертностью в 2020–2022 гг. в Российской Федерации [9]

В Тюменской области (по состоянию на 10.05.2022) за период пандемии было зарегистрировано 191 140 заразившихся и 4 307 умерших по причинам, связанным с COVID-19. Пиковым периодом числа подтверждения случаев заболевания COVID-19 был февраль 2022 года, а пики смертности пришлись на июль, август–сентябрь, ноябрь 2021 года, вероятно, связанные с летним отпускным сезоном и началом очного обучения в школах и профессиональных учебных заведениях региона. Полную вакцинацию прошли 1 090 298 человек, коллективный иммунитет оценивается в 45,9 % [18].

Рассматривая показатели заболеваемости и принимаемые меры для защиты населения, важно отметить особенность социальной регуляции в механизме формирования общественной реакции на государственные мероприятия по сдерживанию пандемии — поведении индивидов и социальных групп. Институциональная регуляция поведения индивидов и социальных групп в условиях повседневной жизнедеятельности сталкивается с факторами саморегуляции, зачастую проявляемыми и наблюдаемыми как противодействие групп населения или нежелание следовать социальным нормам, устанавливаемым институтами государственной власти. Социокультурная саморегуляция процессов жизнедеятельности индивида основана на детерминированности, взаимном влиянии и обусловленности множества факторов референтных социальных групп, а также глубинных, неосознаваемых индивидом условий влияния социума, в который погружен индивид, воспроизводя и транслируя паттерны и модели поведения, интериоризированные им с детского возраста и трансформируемые на протяжении жизни. Культура как элемент ценностно-нормативной системы регуляции социального поведения имеет высокую значимость в формировании моделей поведения, направленного на сохранение здоровья. Исследованию механизма социокультурной регуляции жизнедеятельности посвящены труды Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова и др., в которых раскрывается высокая значимость влияния культуры, архетипов, габитусов, ценностных ориентаций на поведение социальных групп и индивидов [19–21]. Для оценки роли культуры в институциональной регуляции поведения социальных групп в процессе сохранения здоровья населения в условиях пандемии COVID-19 было проведено социологическое исследование особенностей поведения взрослого населения Тюменской области в 2021 и 2022 годах. Для дифференцирования отношения к типам культуры была использована классификация М. Гельфанд, выделяющая жесткую и свободную типы культур, которые отображают усвоение групповых (классовых) социальных норм (рис. 6) [5]. Под здоровьесберегающим (профилактическим) поведением в исследовании понимается поведение индивида или социальной группы, направленное на сохранение здоровья, предотвращение возникновения рисков его ухудшения и использование средств и методов улучшения состояния здоровья. Для институтов государственного управления при реализации социальной политики сохранение здоровья населения, прежде всего, имеет значимость как производная для роста продолжительности жизни населения и сохранения трудоспособности, а также роста численности населения.

В диспозиционной теории В. А. Ядова доказано, что в основе саморегуляции социального поведения лежит иерархическая система диспозиции личности, представляющая собой совокупность и результат накопленного опыта, отражающего рутинные, «опривыченные» способы удовлетворения индивидом потребностей в условиях теку-

щей жизнедеятельности [22]. Высшие диспозиции личности представляются продуктом социума, определяя смысложизненные ценности и направленность поведения конгруэнтно социальному окружению. В формировании высших диспозиций культура имеет ключевое значение. Диспозиции низших уровней — ситуативные социальные установки — обеспечивают адаптивность индивида в условиях социальных изменений.

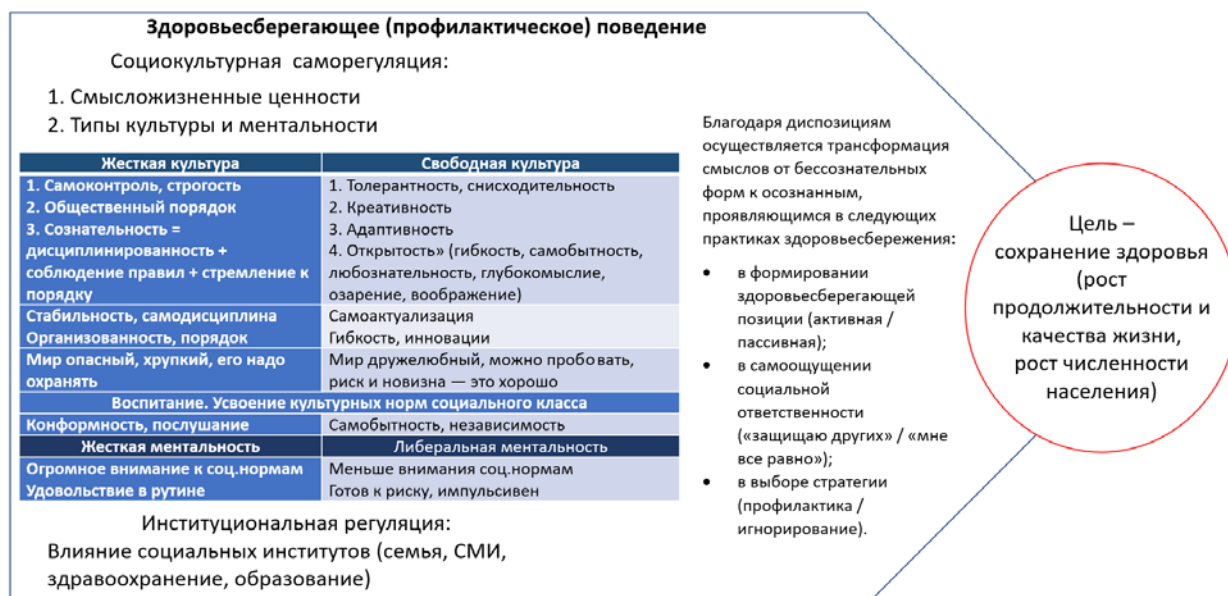

Рис. 6. Институциональная и социокультурная саморегуляция поведения, направленного на сохранение здоровья

Рассматривая результаты социологического исследования поведения взрослого населения в условиях пандемии COVID-19, отметим, что респонденты распределились по типам культуры следующим образом: жесткая — 50 % опрошенных; более жесткая, чем свободная — 28 %; смешанная — 15 %; более свободная, чем жесткая — 6 %; свободная — 1 %.

Результаты исследования согласуются с результатами М. Гельфанд, относящими Россию к группе стран с жесткой культурой [23]. Отметим, что между типами культур и возрастом респондентов наблюдается достоверная связь ($p = 0,000$). В группе молодых людей 18–24 лет представители жесткой, средне-жесткой, смешанной и более свободной, чем жесткой культур представлены равномерно. При этом в более старших возрастных группах значительно доминируют представители жесткой культуры (рис. 7).

В результате пандемии 16 % респондентов переболели COVID-19 несколько раз, 40 % болели один раз, что было подтверждено лабораторно. При этом 9 % отмечают, что, по их мнению, перенесли COVID-19 при отрицательном лабораторном анализе. 11 % респондентов утверждают, что перенесли COVID-19, но анализы не сдавали. Всего 19 % опрошенных убеждены, что не болели, а 4 % затруднились с оценкой. Заболеваемость COVID-19 связана с возрастом респондентов ($p = 0,001$).

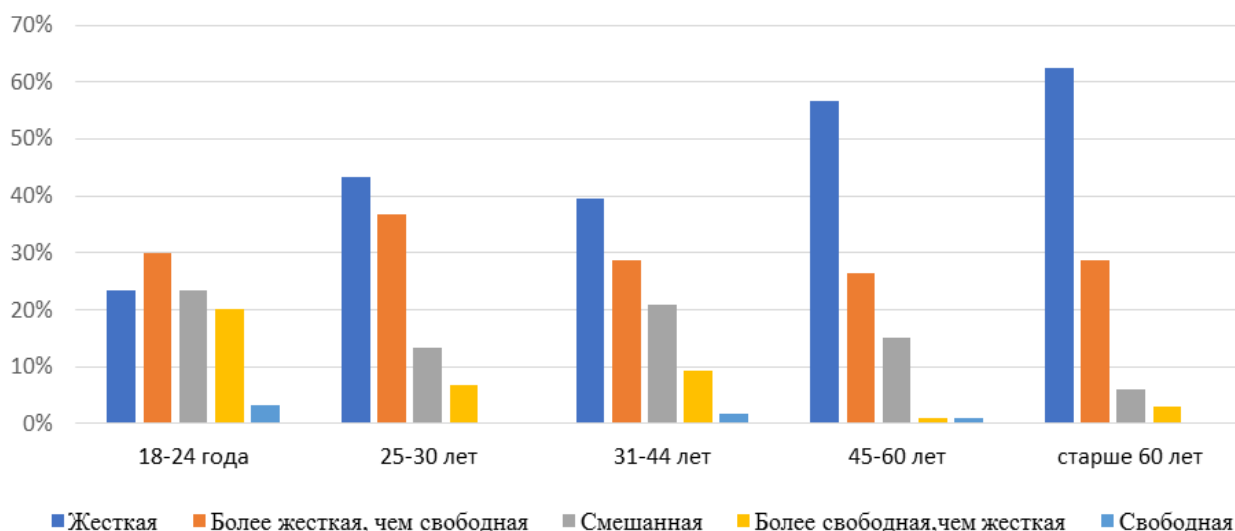

Рис. 7. Распределение респондентов по типам культуры и возрасту, %

Страшное влияние пандемии ощутили на себе все группы населения. Так, 49 % респондентов отмечают, что среди их знакомых были случаи летального исхода вследствие болезни COVID-19, у 20,5 % опрошенных среди родственников, а у 8,6 % среди друзей.

Рассматривая использование в общественных местах лицевой маски в качестве средства индивидуальной защиты от COVID-19 на момент опроса, 72 % респондентов отметили, что стараются носить маску, закрывая нос и рот, 19 % используют маску формально «для вида», 8 % вообще не используют маску. Среди представителей жесткой культуры доминирующая часть респондентов использует лицевую маску в соответствии с правилом «закрывая нос и рот».

По мере «смягчения» культуры снижается число респондентов «правильного» использования маски. Тем не менее результаты включенного наблюдения в общественных местах г. Тюмени (проводимого автором в апреле 2022 года) показывают в среднем не более 10 % граждан, надевающих маски до входа в общественное место, затем результаты сильно варьируются в зависимости от наличия охраны, предъявляющей строгое требование к ношению маски. При этом доминирующим аргументом в отношении ношения масок в общественных местах в условиях пандемии COVID-19 для большего числа респондентов смешанной и более жесткой культур является мнение, что «это обязанность каждого ответственного человека», для более свободной культуры этот аргумент вытесняется отношением как «требованием закона», то есть апелляция к нормативности.

Вынужденное использование масок в восприятии представителей более свободных культур занимает позицию «привычки», а в группе свободной культуры приобретает оттенок ментального сопротивления как «это нарушение моих прав и свобод» (рис. 8).

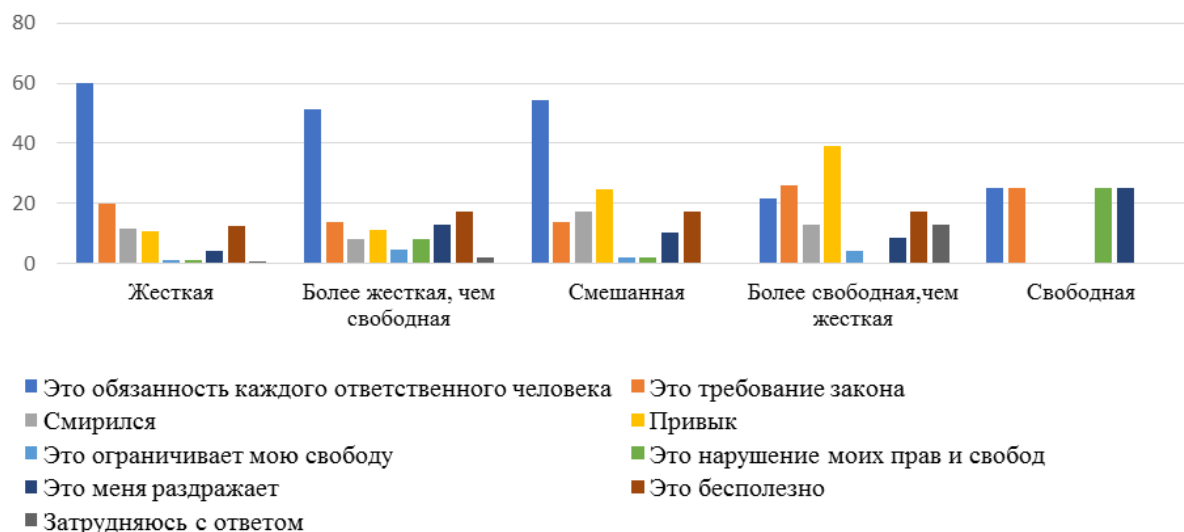

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к ношению масок в общественных местах в условиях пандемии COVID-19?», в % от мнения культурной группы

В оценке мотивации своего здоровьесберегающего поведения в отношении защиты от COVID-19 респонденты всех типов культур (кроме свободной) отдавали приоритет «разумной осмотрительности» и профилактике. Соблюдение рекомендаций государственных институтов сдерживания пандемии как нормативного требования ожидаемо наиболее важно для представителей жесткой культуры (рис. 9). Элементы архетипа «судьбы» прослеживаются в выборе ответа «чему быть, того не миновать», который доминирует среди респондентов смешанной культуры.

Рис. 9. Распределение вариантов поведения в пандемию, в % от мнения культурной группы

Доминантное утверждение «профилактика — залог здоровья» актуально для 44 % респондентов, при этом отмечается связь с возрастом респондентов ($p = 0,002$): увеличивается с возрастом, пик в группе 31–44 года и, далее, после 60 лет снижается.

Выводы

Пандемия COVID-19 стала значимым испытанием для населения и государственных институтов, имеющих целью сохранение здоровья населения. Подавляющее большинство респондентов перенесли COVID-19 и столкнулись со смертельными исходами вследствие болезни COVID-19 среди родных и близких людей.

Факторы культуры имеют значимое влияние на мотивацию и предпринимаемые населением меры профилактики и являются резервом для усиления профилактической работы со стороны государственных институций.

В условиях ситуации высокого риска для здоровья преимущественным является формирование более жесткой культуры, которая привлекает внимание к социальным нормам, желанию избегать ошибок, необходимости самоконтроля, при этом характеризуется более предсказуемым образом действий.

Анализ мер и методов реализации государственной политики сохранения здоровья населения в условиях пандемии показал, что принятые нормы профилактики, транслируемые населению, были верные, но внутренние факторы социокультурной саморегуляции создавали свои траектории самосохранительного поведения в условиях повседневной жизнедеятельности.

Список источников

- [1] Устав (конституция) Всемирной Организации Здравоохранения. – Текст : электронный // Кодекс. Электронный фонд : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901977493> (дата обращения: 09.05.2022).
- [2] Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон № 323-ФЗ : [принят Государственной думой 21 ноября 2011 года : одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 года]. – Москва, 2011. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902312609> – Текст : электронный.
- [3] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). – Текст : электронный // Пенсионный фонд Российской Федерации : официальный сайт. – 2021. – URL: https://pfr.gov.ru/order/admin_strah_vznos/~2636 (дата обращения: 09.05.2022).

- [4] Kroeber, A. L. Culture : a critical review of concepts and definitions / A. L. Kroeber, C. Kluckhohn. – Text : electronic // Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. – Vol. 47, № 1. – Cambridge : Harvard University, 1952. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/1953-07119-001>.
- [5] Гельфанд, М. Почему им можно, а нам нельзя? Откуда берутся социальные нормы / М. Гельфанд ; перевод с английского Е. Деревянко, под редакцией И. Зубковой, С. Турко. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 300 с. – Перевод изд.: Rule makers, rule breakers: How tight and loose cultures wire our world / Michele Gelfand. New York, 2018. – Текст : непосредственный.
- [6] Шугальский, С. С. Социальные практики : интерпретация понятия / С. С. Шугальский. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 276–280.
- [7] Бурдьё, П. Практический смысл / П. Бурдьё ; перевод с французского А. Т. Бикбова [и др.]. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001 г. – 562 с. – Перевод изд.: Le sens pratique / Pierre Bourdieu. Paris, 1980. – Текст : непосредственный.
- [8] Коронавирус COVID-19. – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : сайт. – URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019%E2%80%8E> (дата обращения: 30.10.2020).
- [9] WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. – Text : electronic // World Health Organization : website. – URL: <https://covid19.who.int/> (accessed: 30.10.2020).
- [10] База данных COVID-19. – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : сайт. – URL: <https://app.powerbi.com/view?r> (дата обращения: 09.05.2022).
- [11] Координационный совет при Правительстве Российской Федерации по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации. – Текст : электронный // Правительство России : официальный сайт. – URL: <http://government.ru/departments/554/events/> (дата обращения: 09.05.2022).
- [12] Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.03.2020 № 73-рп «О рабочей группе Государственного совета Российской Федерации по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-NCOV». – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003150001> (дата обращения: 09.05.2022).
- [13] Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : сайт. – URL: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public> (дата обращения: 09.05.2022).
- [14] Правила профилактики коронавирусной инфекции. – Текст : электронный // Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия : сайт. – URL: https://www.rosпотребнадзор.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y (дата обращения: 09.05.2022).
- [15] Все о коронавирусе. – Текст : электронный // стопкоронавирус.рф : сайт. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/about-covid/#prevention> (дата обращения: 09.05.2022).

- [16] Ситуация с COVID-19 в регионах. – Текст : электронный // стопкоронавирус.рф : сайт. – URL: <https://стопкоронавирус.рф/information/> (дата обращения: 09.05.2022).
- [17] Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» – Текст : электронный // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003250021?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 09.05.2022).
- [18] Статистика по регионам и странам. Тюменская область. – Текст : электронный // Яндекс : сайт. – URL: <https://yandex.ru/covid19/stat#statistics-table> (дата обращения: 09.05.2022).
- [19] Саморегуляция жизнедеятельности молодежи : методология и социальные практики : монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; под редакцией Ю. А. Зубок. – Белгород : ООО «Эпи-центр», 2021. – 500 с. – Текст : непосредственный.
- [20] Зубок, Ю. А. Жизненные стратегии молодежи : реализация ожиданий и социальные настроения / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1602. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 13–41.
- [21] Зубок, Ю. А. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи / Ю. А. Зубок. – Текст : непосредственный // Ученые записки ФНИСЦ РАН / Ответственный редактор М. К. Горшков. – Вып. 7. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 6–25.
- [22] Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : диспозиционная концепция : коллективная монография / Рук. проекта В. А. Ядов ; Министерство образования и науки Российской Федерации [и др.]. – 2-е изд., расшир. – Москва : ЦСПиМ, 2013. – 376 с. – Текст : непосредственный.
- [23] The relationship between cultural tightness–looseness and COVID-19 cases and deaths: a global analysis / M. J. Gelfand, J. C. Jackson, X. Pan, [et al.]. – DOI 10.1016/S2542-5196(20)30301-6. – Direct text // The Lancet Planetary Health. – 2021. – Vol. 5, Issue 3. – P. 135–144.

References

- [1] Ustav (konstitutsiya) Vsemirnoy Organizatsii Zdravookhraneniya. (In Russian). URL: <https://docs.cntd.ru/document/901977493>
- [2] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon No 323-FZ. (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902312609>
- [3] Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 No 1662-r (red. ot 28.09.2018) "O Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda" (vmeste s "Kontseptsiey dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda"). (In Russian). Available at: https://pfr.gov.ru/order/admin_strah_vznos/~2636

- [4] Kroeber, A. L., & Kluckhohn, C. (1952). Culture: a critical review of concepts and definitions. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 47(1). Cambridge, Harvard University. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/1953-07119-001>
- [5] Gelfand, M. (2018). Rule makers, rule breakers: How tight and loose cultures wire our world. New York, Scribner, 384 p. (In English).
- [6] Shugalskiy, S. S. (2012). Social practices: an interpretation of the concept. Knowledge. Understanding. Skill, (2), pp. 276-280. (In Russian).
- [7] Bourdieu, P. (1980). Le sens pratique. Paris, Les Editions de Minuit, 500 p. (In French).
- [8] Coronavirus COVID-19. (2020). (In Russian). Available at: <https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019%E2%80%8E>
- [9] WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. (In English). Available at: <https://covid19.who.int/>
- [10] Database COVID-19. (In English). Available at: <https://app.powerbi.com/view?r>
- [11] Koordinatsionnyy sovet pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii po bor'be s rasprostraneniem novoy koronavirusnoy infektsii na territorii Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <http://government.ru/departments/554/events/>
- [12] Rasporyazhenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 15.03.2020 No 73-rp "O rabochey gruppe Gosudarstvennogo soveta Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu rasprostraneniya novoy koronavirusnoy infektsii, vyzvannoy 2019-NCOV". (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003150001>
- [13] Rekomendatsii VOZ dlya naseleniya v svyazi s rasprostraneniem koronavirusnoy infektsii (COVID-19). (In Russian). Available at: <http://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public>
- [14] Pravila profilaktiki koronavirusnoy infektsii. (In Russian). Available at: https://www.rospotrebnadzor.ru/region/korono_virus/koron_pnk.php?clear_cache=Y
- [15] Vse o koronaviruse. (In Russian). Available at: <https://stopkoronavirus.rf/about-covid/#prevention>
- [16] Situatsiya s COVID-19 v regionakh. (In Russian). Available at: <https://stopkoronavirus.rf/information/>
- [17] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25.03.2020 No 206 "Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federatsii nerabochikh dney". (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003250021?index=1&rangeSize=1>
- [18] Statistika po regionam i stranam. Tyumenskaya oblast'. (In Russian). Available at: <https://yandex.ru/covid19/stat#statistics-table>
- [19] Zubok, Yu. A., Bezrukova, O. N., Vishnevskiy, Yu. R., Gnevasheva, V. A., Golovchin, M. A., Didkovskaya, Ya. V.,... Shushpanova, I. S. (2021). Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: metodologiya i sotsial'nye praktiki. Belgorod, Epi-tsentr LLC Publ., 500 p. (In Russian).
- [20] Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2020). Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. Monitoring public opinion: economic and social changes, (3), pp. 13-41. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602

- [21] Zubok, Yu. A. (2020). Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi. Uchenye zapiski FNISTS RAN, Vypusk 7. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 6-25. (In Russian).
- [22] Yadov, V. A. (2013). Samoregulyaciya i prognozirovanie social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya. 2nd edition, expanded. Moscow, TsSPiM, 376 p. (In Russian).
- [23] Gelfand, M. J., Jackson, J. C., Pan, X., Nau, D., Pieper, D., Denison, E.,... Wang, M. (2021). The relationship between cultural tightness–looseness and COVID-19 cases and deaths: a global analysis. *The Lancet Planetary Health*, 5(3), pp. 135-144. (In English). DOI: 10.1016/S2542-5196(20)30301-6

Статья поступила в редакцию 16.05.2022; одобрена после рецензирования 24.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 16.05.2022; approved after reviewing 24.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

УДК 316.6 14:329.78

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-67-88

Участие молодежи Тюменской области в общественно-политической жизни общества

Вера Леонидовна Моложавенко, Оксана Владимировна Третьякова

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Реализация молодежью своих функций формирует характер межпоколенческих и внутрипоколенческих взаимодействий и в конечном итоге облик страны. Молодежь может стать фактором как ускорения, так и замедления темпов социального развития. Это зависит от того, насколько она знает, разделяет и принимает цели и задачи государственного и общественного развития, связывает с ними свои жизненные перспективы, обладает ли она необходимыми качествами (физическими, духовными, образовательными, профессиональными) для решения актуальных задач, обеспечена ли необходимыми ресурсами и возможностями для активного включения в социальные, экономические и политические процессы. Формирование общественно-политической и социальной активности является одним из самых сложных видов воспитательной работы. При выработке реалистических ориентиров воспитательной работы, как и молодежной политики в целом, необходимо учитывать реальное состояние и динамику ценностных ориентаций молодежи. Мы предлагаем ряд мер, которые могли бы способствовать усилению общественно-политической и социальной активности молодежи в регионе.

Ключевые слова: молодежь, общественно-политическая жизнь, общество, политические институты

Для цитирования: Моложавенко, В. Л. Участие молодежи Тюменской области в общественно-политической жизни общества / В. Л. Моложавенко, О. В. Третьякова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-67-88 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 67–88.

Participation of young people of Tyumen region in the social and political life of the society

Vera L. Molozhavenko, Oksana V. Tretyakova

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The implementation by young people of their functions forms the nature of intergenerational and intragenerational interactions, as well as the image of the country. Youth may be a factor in both accelerating and slowing down the pace of social development. It depends on whether young people know, share and accept the aims and objectives of state and social development, whether they associate their own life prospects with it, have the necessary qualities (physical, spiritual, educational, professional) to solve topical issues, whether they are provided with the necessary resources and opportunities for active involvement in social, economic and political processes. The formation of socio-political and social activity is one of the most difficult types of educational work. It is necessary to take into account the real state and dynamics of young people's value orientations in the development of realistic guidelines for educational work, as well as youth policy in general. In the article, we propose some measures that could contribute to strengthening the socio-political and social activity of young people in Tyumen region.

Keywords: youth, social and political life, society, political institutions

For citation: Molozhavenko, V. L., & Tretyakova, O. V. (2022). Participation of young people of Tyumen region in the social and political life of the society. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 67-88. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-67-88

Введение

Задача построения гражданского общества достижима лишь в условиях политической и общественной активности населения. Важнейшими составляющими политической культуры являются гражданские и патриотические ценности. Вместе с тем исследования последних лет свидетельствуют о противоречивости современной политической культуры россиян, о некотором пренебрежении со стороны некоторых молодежных групп общества правовыми и нравственными нормами, о поверхностном усвоении демократических ценностей, о размытости таких понятий, как «гражданский долг», «гражданская ответственность», «общественное благо», о развитии тенденций социальной пассивности и абсентеизма [1].

Особую значимость приобретает общественно-политическая и социальная активность такой группы, как молодежь. Реализация молодежью своих функций формирует характер межпоколенческих и внутримопоколенческих взаимодействий и в конечном итоге облик страны. Молодежь может стать фактором как ускорения, так и замедления темпов социального развития. Это зависит от того, насколько она знает, разделяет и принимает цели и задачи государственного и общественного развития, связывает с ними свои жизненные перспективы; обладает ли она необходимыми качествами (физическими, духовными, образовательными, профессиональными) для решения актуальных задач; обеспечена ли необходимыми ресурсами и возможностями для активного включения в социальные, экономические и политические процессы [2].

Российская молодежь не является однородной социальной категорией, и то, что характерно для одних ее групп, нетипично для других. Более того, с течением времени неоднородность молодежной среды становится все более существенной и заметной. Внутренняя дифференциация молодежи обуславливается не только стратификационным параметром, но и возрастным и субкультурным. В настоящее время дистанции между ее отдельными группами по доступу к экономическим, социальным и культурным ресурсам стали огромными. Несовпадающие жизненные траектории находят свое отражение в политических пристрастиях, в отношении к государству, в параметрах общественной активности [3].

Анализируя состояние современной российской молодежи, исследователи делают вывод о том, что ей присущи как позитивные, так и негативные черты (положительные и отрицательные тенденции в развитии молодого поколения). Обозначим кратко те и другие.

Позитивные характеристики:

- практичность, мобильность и самостоятельность;
- высокая адаптивность;
- заинтересованность в получении качественного образования и профессиональной подготовки, влияющей на дальнейшее трудоустройство и карьеру;

- стремление к интеграции в международное молодежное сообщество, в общемировые экономические, политические и гуманитарные процессы;
- стремление сохранить свое здоровье [4].

Негативные характеристики:

- индифферентность по отношению к деятельности властных структур, часто граничащая нередко с полной аполитичностью;
- несформированность и расплывчатость патриотических ценностей;
- отсутствие уважения к законам у некоторой части молодежи и, как следствие, склонность к разного рода девиациям и насилию как способу решения возникающих проблем;
- приверженность радикальным идеологическим течениям, влекущая за собой стихийную митинговую политизацию молодежных движений;
- ориентированность на государственную защиту и помощь [5] и возникающие отсюда отчуждение от власти, рост недоверия к ней, распространенность представлений о том, что молодежными проблемами никто не занимается;
- разрыв между словом и делом. Подобная парадоксальность позиций видна и по результатам нашего опроса. Так, 43,6 % респондентов считают, что необходимы организации, занимающиеся их социальной защитой, 30,3 % указали на правозащитные организации, 21,9 % — военно-патриотические организации, 18,2 % — универсальные общественные организации, 16,6 % — экологические. Только 2,6 % выразили негативизм по отношению к подобным организациям.

Социологи отмечают, что сегодня в молодежной среде наблюдаются две противоположные тенденции: стремление участвовать в политической жизни и апатия ко всем политическим процессам, происходящим в стране. Причем последняя тенденция является намного масштабнее, в том числе по своим последствиям. Молодежь в основном вовлечена в виртуальное пространство политики: обращается к определенным политическим темам, присутствующим в СМИ, Интернете, что-то обсуждает с друзьями и близкими. В то же время такой канал получения информации, как контакты с политиками на митингах и демонстрациях, используется незначительно. Так, на этот источник информации указали только 3,5 % участников нашего опроса.

В то же время такие показатели политической активности молодежи, как участие в выборах и готовность непосредственно участвовать в деятельности общественно-политических организациях, остаются низкими. Наблюдается противоречие между информированностью о политической жизни и непосредственным общественно-политическим участием. Так, по данным ВЦИОМ, только 2,5 % молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет принимают участие в деятельности молодежных организаций [6; 7]. Среди участников нашего опроса только 1,3 % ответили, что состоят в политических партиях; 3,6 % — в общественно-политических объединениях; 9,4 % — в профсоюзах. В среднем по стране участие молодежи в выборах вдвое меньше, чем участие избирателей старшего возраста. Таким образом, личные планы для какой-то части молодежи являются более важным аргументом, чем гражданская ответственность при определении своего участия/неучастия в выборах [8]. Среди других весомых причин

отказа от голосования следует назвать как отсутствие политических партий и лидеров, готовых отстаивать проблемы молодежи, так и плохую информированность этой группы избирателей о программах кандидатов. Современная молодежь менее интегрирована в политическую жизнь общества, чем старшее поколение. Подобной аполитичности молодежи можно дать несколько следующих объяснений:

- с возрастом и накоплением жизненного опыта люди проявляют больший интерес к политике и голосованию, так как сильнее ощущают связь между своей жизнью и проводимым социально-экономическим и политическим курсом;
- молодежь зачастую более оптимистично, чем старшее поколение, воспринимает социальную реальность, а потому считает, что и без их собственного участия все идет «как надо» [9].

Слабая интегрированность молодежи в политическую жизнь наблюдается не только в России, но и в странах Запада. В Германии, например, в партиях состоит лишь немногим более 3 % совершеннолетних граждан. Согласно некоторым прогнозам, тенденция отказа молодежи от голосования не только сохранится, но и будет усиливаться. Но вопрос о вовлеченности молодежи в избирательный процесс и институты гражданского общества важен не только с точки зрения количественных показателей.

Другое обстоятельство, которое снижает общественно-политическую активность молодежи, — это отсутствие постоянного диалога политических институтов, ассоциаций гражданского общества с молодежью. Молодежь «что-то знает», «что-то слышала» об общественных организациях и партиях. Слабые коммуникационные обмены формируют представление у молодежи об общественных организациях как формальных институтах, подрывают доверие к ним [10]. Представляется, что налаживание диалога политических институтов с молодежью — это не частная проблема, а системная задача, от решения которой зависит политическая и электоральная активность молодых граждан. Для решения этой задачи и необходима продуманная молодежная политика. Молодежная политика — это взаимодействия власти, молодежи, бизнеса и гражданского общества, направленные на согласование общественных интересов, целей, представлений о будущем, организация продуктивного взаимодействия между всеми заинтересованными социальными субъектами [11]. Целью молодежной политики является создание благоприятных экономических и политических условий, правовых гарантий, способных (не в ущерб жизнедеятельности других групп и слоев общества) улучшить качество жизни молодежи и помочь ей реализовать свои функции в динамическом обществе [12].

Управление в сфере молодежной политики — это, во-первых, «управление интересами и целями» через формулирование общих интересов и согласование целей различных субъектов; во-вторых, открытый анализ результатов и эффектов реализуемых программ, проблематизация и критическое их осмысление, оперативная модернизация используемых методов и форм работы с молодежью [13].

Формирование общественно-политической и социальной активности является одним из самых сложных видов воспитательной работы. При выработке реалистических ориентиров воспитательной работы, как и молодежной политики в целом, необходимо учитывать реальное состояние и динамику ценностных ориентаций молодежи [14]. Важную роль в получении достоверной информации о состоянии граждан-

ского и политического сознания молодежи играет социологическое сопровождение. Подобные исследования позволяют выявить проблемы в воспитании гражданственности и социальной активности, скорректировать содержание и механизмы реализации намеченных планов. При этом гражданственность следует рассматривать и в контексте более широкой проблемы — формирования гражданской культуры [15].

Известно, что недостатки в функционировании политических институтов, по мнению О. Ю. Межиной, порождают кумулятивный эффект неприятия всей политической системы в целом. Доверие или недоверие к политическим институтам и фигурам власти — важнейший фактор, определяющий электоральную активность и общественно-политическую активность молодежи. Молодежь склонна демонстрировать более высокий уровень поддержки тем институтам и стоящим за ними фигурам власти, в чьих руках, по их мнению, сконцентрирована реальная власть — главе государства [16].

Материалы и методы

Анкетирование выборочной совокупности в количестве 1 230 человек осуществлялось с учетом возраста, рода занятий и проводилось в течение 2021 года в Тюменской области. В опросе приняли участие 56,4 % девушек, 43,6 % юношей, работающих в различных сферах занятости, студенты вузов, техникумов, профтехучилищ и неработающие молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет (табл. 1–6).

Таблица 1

Процентное соотношение возрастных категорий респондентов

Возраст	Число респондентов	Процент (%)
18–22	510	41
23–26	486	40
27–30	234	19
Всего	1 230	100

Таблица 2

Процентное соотношение занятости респондентов

Вид занятости	Число респондентов	Процент (%)
Учусь	629	51,2
Работаю	285	23,5
Работаю и учусь	255	21,0
Не работаю и не учусь	30	2,5
Нет ответа	21	1,7
Всего	1 230	100

Таблица 3

Сфера занятости работающих респондентов

Сфера занятости	Число респондентов	Процент (%)
Сфера услуг	153	12,6
Образование, культура, наука	81	6,7
Промышленность	64	5,3
Транспорт, связь	64	5,3
Управление (государственное и муниципальное)	62	5,1
Сельское хозяйство	29	2,4
Здравоохранение	25	2,1
Другое	62	7,0
Всего	540	46,5

Таблица 4

Количество респондентов, получающих образование

Учебное учреждение	Число респондентов	Процент (%)
Вуз	654	74
Техникум, колледж	161	18
Профучилище	69	8
Всего	884	100

Таблица 5

Распределение респондентов по полу

Пол	Число респондентов	Процент (%)
Женский	694	56,4
Мужской	536	43,6
Всего	1 230	100

Анкета включала несколько блоков.

Блок 1 (35 вопросов) позволяет выявить уровень сформированности гражданской ответственности и патриотизма современной молодежи. Задача построения гражданского общества достижима лишь в условиях политической и общественной активности населения. И то, в какой мере гражданские и патриотические ценности доминируют в молодежной среде, во многом обусловит будущее России.

Блок 2 (21 вопрос) посвящен вопросам политической культуры современной молодежи. Данный аспект весьма актуален и относится к числу наиболее приоритетных

для современного общества, так как реализация молодежью своих функций формирует характер межпоколенческих и внутрипоколенческих взаимодействий и в конечном итоге облик страны.

Показатели доверия, выраженные в позициях «полностью доверяю» и «скорее доверяю, чем не доверяю», к главе государства и губернатору области почти совпали. На этом фоне доверие к Правительству РФ и представительным органам власти всех уровней значительно ниже (в 1,5–2 раза). Доверие к более далекой представительной власти — Государственной Думе РФ — ниже, чем показатель доверия к более близкой власти — областной (37,3 и 46,1 % соответственно) и местной (43,3 %) администраций.

В то же время результаты опроса о доверии к органам государственной власти показали следующие результаты: частичное недоверие выразили респонденты по отношению к Президенту РФ (79,2 %) и губернатору области (69,4 %). Уровень доверия молодежи к органам государственной власти и самоуправления зависит от оценки деятельности последних как институтов, готовых разрешать молодежные проблемы. Результаты опроса показывают, что, с одной стороны, молодежь не считает свои проблемы совсем забытыми властью. Так, только 9,9 % респондентов категоричны в своем мнении, что «молодежные проблемы никто не собирается решать». В то же время молодежь полагает, что власть решает ее вопросы недостаточно эффективно. При этом уровень удовлетворенности осуществляемой молодежной политикой имеет некоторую дифференциацию в зависимости от уровня ее реализации. Оценка решения молодежных проблем по стране выглядит следующим образом:

- весьма эффективно — 60,1 %;
- недостаточно — 14,7 %;
- совсем не решаются — 11,5 %;
- не ответили — 13,7 %.

Оценка решения молодежных проблем в Тюменской области следующая:

- весьма эффективно — 65,3 %;
- недостаточно — 11,5 %;
- совсем не решаются — 9,4 %;
- не ответили — 13,8 %.

Обратим внимание на то обстоятельство, что некоторая часть респондентов в отдаленных населенных пунктах дала отрицательную оценку деятельности местных органов власти, ответив, что там, где они живут, молодежные проблемы не решаются совсем. Это тревожная тенденция, поскольку именно на органы местного самоуправления возложены основные функции в решении социальных проблем молодежи. Кроме того, это самая близкая к населению власть, реально представляющая ситуацию, сложившуюся на конкретных территориях. Но финансовые возможности местных бюджетов выступают существенным барьером в реализации молодежной политики [17].

Возможности органов власти оцениваются выше, чем ресурсы ассоциаций гражданского общества (независимые фонды, политические партии и движения и т. д.) и собственно самих молодежных организаций. Активную самостоятельную позицию занимают только 6,5 % респондентов, которые считают, что молодежь способна сама ре-

шить свои проблемы. Наконец, только 1,7 % проявили солидарность и заявили, что проблемы молодежи не так остры по сравнению с проблемами других возрастных групп населения. Ответы вновь подтверждают противоречивость ориентаций молодежи на самостоятельность. Ориентация на «собственные силы» характерна для небольшого числа респондентов. В то же время респонденты достаточно реалистично оценили возможности других социальных и властных институтов в решении их проблем. Оценки возможностей федеральных, региональных органов власти и местного самоуправления подтверждают, что в решении проблем молодежи необходимы их совместные усилия. В то же время курс на децентрализацию молодежной политики, не сопровождаемый соответствующим перераспределением финансовых средств, существенно ограничивает возможности местной власти в решении социальных проблем молодежи.

Повышение авторитета органов региональной и местной власти и, соответственно, уровня доверия к ним зависит от того, как оперативно они реагируют на проблемы молодежи. Важную роль в обеспечении связи молодежи и органов власти имеют социологические исследования, позволяющие выявить, что волнует молодое поколение, определить в каких формах социальной поддержки она нуждается. Отвечая на вопрос: «Какие службы и центры, занимающиеся молодежью, наиболее необходимы в Вашем городе (селе)?», респонденты начертили реалистичные ориентиры политики по социальной защите молодежи (сумма ответов превышает 100 %, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов). Мы получили следующие результаты:

- биржи труда и трудоустройства — 60,0 %;
- служба помощи молодой семье — 45,5 %;
- информационные центры для молодежи — 33,5 %;
- наркологическая служба — 33,5 %;
- телефоны доверия — 32,7 %;
- специальные юридические консультации для молодежи — 29,0 %;
- центры психолого-педагогического консультирования — 27,1 %;
- фонды, помогающие молодежному предпринимательству, — 26,2 %;
- приюты — 18,8 %;
- служба знакомств — 14,4 %;
- в этих службах и центрах нет необходимости — 2,5 %.

Существует прямая связь между доверием молодежи к органам власти и реализуемыми экономическим и политическим курсами. Ответ на вопрос: «Согласны ли Вы со следующим суждением: несмотря на трудности, страна развивается в правильном направлении?» представляет собой оценку молодежью проводимых в стране реформ. «Да» ответили 66,2 % респондентов. «Нет» — 30,5 %. Примечательно, что некоторые опрошенные не смогли определить свою позицию (2 %). Не стали отвечать 1,3 % респондентов. Респондентов-оптимистов, как мы видим, только на 36 % больше, чем респондентов с негативными ожиданиями в отношении будущего страны. Резерв изменения доверия/недоверия к власти и расширение социальной базы реформ заключается в результативности последних, позволяющих молодежи непосредственно на своем положении ощутить положительные изменения в социально-экономической и политической ситуации.

Недоверие к власти и к проводимому курсу выступает питательной средой не только абсентеизма, но и правового нигилизма, порождает рост напряженности в молодежной среде. Готова ли недовольная часть молодежи прибегнуть к активным акциям протеста? По данным Левада-Центра, молодежь чаще, чем люди других возрастных групп, допускает возможность прохождения митингов и акций протеста в их родном городе или сельской местности. При этом только 9 % молодых людей готовы участвовать в них [18].

Участникам нашего опроса также был задан вопрос о том, готовы ли они принять участие в митингах и забастовках. 3,8 % заявили о своей готовности участвовать в активных акциях протеста, 6,1 % респондентов ответили, что «все зависит от ситуации». Не допускают для себя такой возможности («нет, не готов») 74,7 % респондентов. Еще 12,1 % не ответили на вопрос. Таким образом, недовольная часть молодежи считает возможным свое участие в митингах и забастовках. 86,4 % респондентов ответили, что «ситуация стабильна и нет нужды в подобных акциях». Очевидно, что общественно-политическая и социальная активность молодежи напрямую связана с образом общества, который сложился в молодежном сознании.

Могут ли современные партии содействовать развитию гражданского и социального потенциала молодежи? Видит ли молодежь в современных политических партиях выразителей собственных интересов? Политические партии не могут конкурировать с иными сферами деятельности по финансовой обеспеченности и перспективам карьерного роста, молодежь рассматривает работу в партиях недостаточно престижной и привлекательной. Понимание того, что лидерский корпус большинства партий формируется не из активных лидеров, понижает горизонты молодежи, которая готова участвовать в политике. Российский социолог Б. Дубин отмечает следующую деталь: наиболее прагматично настроенная молодежь, отказавшись от первых ролей в политике, предпочла работу в пиар-структурах, политической журналистике, в отдельных организациях. Ряд партий создали молодежные структуры в своих партиях, благодаря чему значительно активизируется работа в период выборов [19].

Активная деятельность части молодежи в общественно-политических объединениях объясняется, с одной стороны, стремлением улучшить жизнь в государстве, в области, желанием добиться чего-либо, отстоять свои интересы, выразить свое отношение к какой-либо проблеме, используя поддержку данного института (кроме того, молодежь из числа прагматиков может использовать партийные списки как «лифт» в систему власти). С другой стороны, активная позиция молодежи объясняется сугубо идеологическими мотивами: верой в определенные идеалы. По мнению ряда экспертов, идеологическая мотивация политической активности была характерна для молодежи России в конце 80-х — начале 90-х годов. В настоящее время она изжила себя. Социологи считают, что у молодых нет такой идеи, вокруг которой они бы объединились. Примечательно, что отсутствие национальной идеи, способной объединить разные слои общества, беспокоит только 3,9 % участников нашего опроса. Следовательно, идеологические мотивы, по мнению экспертов, в настоящее время не определяют партийные предпочтения молодежи, и, соответственно, электоральный выбор.

Социально-политические ориентации молодежи в значительной мере определились на выборах в Государственную Думу, хотя впоследствии могли претерпеть из-

вестную коррекцию как под прессингом средств массовой информации, так и под воздействием изменившейся социальной и экономической ситуации. Интересно проанализировать возрастные особенности респондентов, проголосовавших за различные партии. Среди сторонников почти всех партий наиболее активный возраст — 18–22 года. Потом к 30 годам активность, как правило, снижается. Аналогичную закономерность мы видим также у респондентов, проголосовавших против всех. Нетипичными в этом смысле являются приверженцы партии ЛДПР, активность которых возрастает к 30 годам. Членство в партиях, к сожалению, не пользуется у молодежи популярностью и не может в значительной степени стимулировать политическую активность еще и потому, что идеологические позиции молодежи очень слабо ею отражены. Это видно по ответам на вопрос: «Какому идейно-политическому течению Вы симпатизируете?». 27,3 % респондентов (каждый четвертый) заявили, что нет таких идейно-политических течений, которым бы они симпатизировали. Еще 15,6 % не стали отвечать на этот вопрос.

Из идейно-политических течений наиболее популярными у молодежи оказались либералы, отстаивающие приоритеты прав и свобод человека (15,5 %). Менее идеологизированные, а потому более понятные для молодежи, «защитники природы» получили второе место (11,6 %). Социал-демократам симпатизируют 11,2 % респондентов. Менее популярны у молодежи сторонники рыночных реформ (6,1 %), коммунисты (3,9 %) и националисты (как «русские националисты» — 2,5 %, так и националисты, «представляющие мой народ» — 2,7 %). Симпатии к «центристам, которые стремятся избегать крайностей», в силу непонятности для молодежи данного политического феномена и его неразвитости на политическом пространстве России, выразили только 3,5 % опрошенных.

Как видно, наиболее актуальными для молодежи (в этом она не отличается от старшего поколения) являются ценности безопасности и стабильности. Эти идеи привлекательны более чем для половины опрошенных. Данные опроса не дают основания утверждать, что либеральные ценности находятся на периферии сознания молодежи. Свобода и права человека, его личное достоинство актуальны для молодежи. В то же время, как показывают ответы на вопрос: «Что в настоящее время беспокоит Вас больше всего?», состояние с правами человека в стране волнует только 8,3 % молодежи. Ценности равенства и справедливости значимы для 38,2 % респондентов, но только 12,5 % респондентов обеспокоены несправедливостью и разделением общества на богатых и бедных (отвечая на другой вопрос, где нужно было высказать свое отношение к разделению общества на бедных и богатых, 21,9 % заявили, что это «шаг назад в развитии общества»). Возрождение сильной России привлекательно для трети опрошенных, но 79,8 % обеспокоены уменьшением авторитета России в международном сообществе. Для каждого пятого опрошенного привлекательной кажется идея повышения нравственности и духовности. Это коррелируется с позицией тех респондентов, которых волнует безнравственность в среде молодежи (15,2 %) и снижение чувства товарищества, коллективизма у россиян (5,4 %). Развитие рынка и свободного предпринимательства, видимо, рассматривается молодежью, как состоявшийся факт, поэтому эта идея привлекательна лишь для 17,7 %. Возрождение традиций волнует только каждого две-

надцатого опрошенного. Среди участников опроса велико число молодежи, поддерживающей сильную центральную власть, и незначительно количество сторонников самостоятельности регионов.

Отметим, что среди ситуаций, которые больше всего беспокоят молодежь, совершенно отсутствуют социальные проблемы. Преимущественно респондентов волнует их частная жизнь. На первом месте оказалось личное будущее (63,4 %). На втором месте — личное материальное положение (40,9 %). На третьем — состояние здоровья (39,2 %). Далее идут опасение не найти для себя работу после учебы (26,8 %) и личная обеспеченность жильем (26,8 %). Следующую группу по значимости для респондентов составили проблемы, безусловно, актуальные для нынешнего российского общества, но совершенно не связанные с политическим участием молодежи в жизни страны, с развитием гражданского общества и с улучшением функционирования политической системы. Речь идет о проблеме наркомании и алкоголизма (30,7 %), о проблеме роста преступности (14,7 %), об угрозе террористических актов (21,3 %), об угрозе безопасности семьи (21,2 %) и, наконец, о комплексе семейных проблем (19,2 %).

Следует сказать, что анкетирование не выявило негативного отношения респондентов к представителям каких-либо конкретных этносов (исключение составляют «выходцы с Кавказа»). Лишь 2,5 % отметили, что ситуация в межэтнических отношениях их беспокоит. Кроме того, как указывалось выше, лишь 3,1 % назвали национальность в качестве фактора, влияющего на продвижение человека в современном обществе. Полученные данные не противоречат результатам различных социологических исследований межэтнических отношений, проводившихся в регионе ранее. Они показали в целом лояльное отношение представителей разных этносов друг к другу. В то же время были особо выделены «лица кавказской национальности» — аборигенное население (и русские, и татары) связывает с ними криминализацию обстановки по месту проживания, выделяя при этом главным образом лиц, живущих в области без законных оснований. Стабильность социально-экономической ситуации в Тюменском регионе сделала его конечным пунктом миграции из республик Средней Азии и Кавказа.

Влияет ли на отношение молодого человека к межэтнической проблематике его идейно-политическая ориентация? Обращает на себя внимание, что респонденты, которым близки идеи националистов, представляющих другие народы (кроме русского), подавляющим большинством выступили за проведение политики, приоритетной по отношению к русскому народу. С другой стороны, для русских националистов самым привлекательным оказался образ России как дома для разных народов. Прокомментировать такую ситуацию чрезвычайно затруднительно (необходима дополнительная информация), отметим лишь, что полученные данные коррелируют с результатами исследования, проводившегося в июле–сентябре 2003 года Департаментом информационной политики тюменской областной Администрации совместно с Комитетом по делам национальностей. Тогда значительный процент татар назвал русскую нацию в качестве нации, ущемленной в своих правах. Неожиданную крайнюю националистическую ориентацию проявили сторонники центристов: большинство выбрало лозунг «Россия для русских!». Наибольшую толерантность продемонстрировали социал-демократы, сторонники рыночных реформ и защитники природы.

Каким образом симпатии к определенным идейно-политическим течениям сочетаются с привлекательными для респондентов идеями? Ответы вновь показывают парадоксальную ситуацию: среди респондентов, идентифицирующих себя с либералами и социал-демократами, есть те, кто считает, что ради порядка можно пожертвовать правами и свободами (47 и 43 % респондентов соответственно). Еще больше среди сторонников данных политических сил тех, кто считает, что в России должна осуществляться приоритетная политика по отношению к русскому народу, а также крайних националистов, считающих, что «Россия только для русских». Противниками ограничения прав и свобод под предлогом наведения порядка является большая часть социал-демократов, сторонников рыночных реформ, либералов и защитников природы. Среди отказавшихся высказаться по данному вопросу особенно много центристов и националистов (русских и других).

Политические и партийные предпочтения могут формироваться и на основе отношения к поддержанию национальных традиций, духовности и иностранному влиянию. Процессы, протекавшие в стране в последние годы, частью общества были восприняты как неумелая и неуместная вестернизация. Для общества вновь становится актуальным вопрос: должна ли Россия идти своим самобытным путем и что это за путь? 37 % опрошенной молодежи считает, что для сохранения самобытности страны следует ограничить иностранное влияние на культуру и стиль жизни россиян. 36,8 % ответили на данный вопрос отрицательно. Затруднились с ответом 24,7 % респондентов. Таким образом, среди молодежи примерно равная доля тех, кого можно считать «традиционалистами» и «западниками». В то же время корреляционный анализ показывает, что среди респондентов, выразивших неприятие иностранного влияния на культуру и стиль жизни россиян, значительна доля лиц, не разделяющих националистические убеждения. Неожиданно большая часть социал-демократов разделила эту точку зрения. Затруднилась с ответом на этот вопрос внушительная часть коммунистов, центристов, а также сторонников рыночных реформ. Среди тех, кто выступает против ограничения иностранного влияния, большинство составляют сторонники рыночных реформ и либералы. Более последовательны в оценке того, как развивается страна, коммунисты, а также сторонники рыночных реформ и либералы. Их объединяет неудовлетворенность экономическим и политическим курсом. И те, и другие дали отрицательный ответ на вопрос о том, развивается ли страна в правильном направлении, по их мнению, важна экономическая мобилизация сил, обеспечивающая улучшение экономического состояния страны.

Следует отметить слабую взаимосвязь политических, идеологических и партийных предпочтений молодежи. Идеологии, которые содержат в себе объяснения социальной реальности, не понятны большинству молодежи. Исключение составляет коммунистическая идеология. Но представить себе размышляющего избирателя, разбирающегося во всех идеологических течениях, сложно. Как правило, партии предлагают более облегченный вариант изложения идеологических ценностей в виде программных лозунгов. Но и в этом плане молодые избиратели не имеют четкого представления о партийных лозунгах и программных положениях. Все это затрудняет формирование

устойчивой партийной и идеологической самоидентификации молодежи. Эти же проблемы характерны и для граждан более старших возрастных групп.

Обществу пока не удалось мобилизовать социальную активность молодежи. Молодежь не воспринимает себя социальной категорией, несущей ответственность за будущее страны. Участникам опроса был задан вопрос о том, чего бы они хотели добиться в жизни больше всего. Нужно было выбрать три наиболее важных позиции. При ответе на этот вопрос четко проявилась эгоистически-индивидуалистическая, в значительной степени асоциальная установка большей части опрошиваемых. Ответ «приносить пользу обществу» выбрали только 41,1 % респондентов, «быть свободным и независимым» — 27 %. Популярным оказался ответ «быть счастливым в семейной жизни», его выбрали 31,4 % девушек и 27 % юношей. Второй по популярности ответ — «иметь интересную работу» — 45,3 %. Третий по популярности ответ — «быть здоровым» — 33,7 %. Еще 33,3 % больше всего в жизни хотели бы получить качественное образование. 30,4 % — просто стать богатым человеком. 24,7 % больше всего в жизни хотели бы быть любимыми. Наименьшей популярностью пользуется позиция «жить в ладу со своей совестью». Ее выбрали 27,3 % респондентов. К предложенным респонденты добавили цели, связанные в основном с частной, семейной жизнью, — «поднять своих детей», «стать хорошим отцом», «радоваться жизни» и прочее. Отметим оптимистическое отношение к жизни большинства респондентов. С тревогой думают о завтрашнем дне только 12,4 % молодых людей.

Существенным фактором общественно-политической и социальной активности молодежи является ее самооценка. Чрезмерно завышенная самооценка свидетельствует, с одной стороны, о недостатке реализма, с другой же стороны, может быть стимулом совершения социально активных действий. Заниженная самооценка может быть свидетельством психической угнетенности, комплекса неполноценности, препятствовать социальной активности. Респондентам было предложено выбрать три качества, которые, по их мнению, в большей мере присущи современной молодежи. Оценка получилась достаточно критичной и реалистичной (однако следует иметь в виду, что опрошиваемые могут выделять себя из молодежной среды, считая себя «нетипичным представителем», «белой вороной» и т. д.).

Первое место получило качество «независимость суждений и поступков» — 53,1 %. При этом молодежь считает, что это качество в незначительной степени может помочь при продвижении человека в обществе: лишь 36,6 % респондентов считают его полезным в этом отношении. Очевидно, что независимость суждений и поступков может иметь разный смысл — от готовности принципиально отстаивать свою гражданскую позицию до простой констатации нигилистически-антисоциального поведения.

Другие качества, выбранные опрошиваемыми, позволяют уточнить характер этой независимости. 53 % в числе важнейших качеств молодежи указывают на ее стремление быть богатым (что вполне объяснимо в условиях любого общества, где одним из факторов, влияющих на качество жизни, является материальная составляющая). Агрессивность отметили 10,1 % респондентов, цинизм — 7,3 %. Эти качества заняли десятое и девятое места в перечне качеств, характеризующих современную молодежь. Всего 25,8 % респондентов назвали прагматизм и предприимчивость. Эта цифра кор-

релирует с 32 % респондентов, назвавших природный ум в ряду качеств, влияющих на продвижение человека в обществе, и подтверждает отмеченные нами выше в молодежной среде слабую оторефлексиованность жизненной позиции, неоформленность идеологических предпочтений, нечеткость социальной самоидентификации, приводящей к эклектическому сочетанию ценностей и установок.

В небольшой степени молодежи присущи такие качества, как чувство товарищества (17,5 %). Это является тревожной цифрой, свидетельствующей о тенденции анонимии, ослаблении социальной солидарности у такой возрастной группы, где традиционно сильны дружба и товарищество). Также были отмечены трудолюбие (46,4 %), честность (74,2 %) и патриотизм. Последнее качество отметили 75,9 % респондентов, при этом 84,4 % опрошенных, отвечая на другой вопрос анкеты, назвали себя патриотами России. В последние годы мы оказались в ситуации, когда общественные нормы, выражающие определенные ценности, стали аморфными, и для молодого человека трудно было понять, что есть норма, а что — отклонение от нее. Это произошло, когда рухнули советские традиции, но не возникли новые. Отказавшись от старой парадигмы развития, общество не смогло четко определить новые цели, которые были бы понятны большинству. Очень важным с точки зрения самооценки молодых респондентов является то определение, которое они могут дать своему поколению. Ведь поколение в общественном сознании — это не просто так называемое «хронологическое поколение», речь идет о понятии духовно-символическом, объединяющем историко-культурную общность современников, жизнь которых пронизана «духом времени», единством идейных, нравственных позиций (так говорят о поколении Великой Отечественной войны), о поколении комсомольцев 20-х годов, о европейском потерянном поколении после Первой мировой войны и т. д.). Еще раз повторим, что лишь для 53,8 % респондентов очень важна причастность к своему поколению.

Респондентам было предложено выбрать название для своего поколения. Наибольший процент опрошиваемых (29,8 %) считает, что это поколение, думающее как можно зарабатывать хорошие деньги. 13,2 % респондентов назвали это поколение равнодушным, что также вполне объяснимо: выше говорилось об аполитичности значительной части молодежи, о ее нежелании идейно-политически самоопределяться. Далее идут следующие определения: «потерянное» (12,5 %); «протестующее» (9,9 %); «поколение надежд» (8,8 %); «циничное» (7,3 %); «прагматическое» (5,4 %); «отчаявшееся» (3,9 %) и «романтическое» (3,2 %). Молодых людей весьма точно характеризуют те кумиры, которых они себе выбирают. Принято считать, что молодежь всегда выбирает себе некий объект для подражания и стремится походить на него. Исследование показало, что 45,3 % респондентов не имеют кумиров. Для 9,2 % — это великие спортсмены, для 8,2 % — звезды поп- и рок-культуры, для 7,3 % — успешные олигархи. В списках кумиров люди общественно активные, «обустроители России»; люди, улучшающие общество, содействующие процессам демократизации и построения гражданского общества, составляют 27,3 %. Герои и патриоты России являются кумирами для 66,9 % опрошенных, а борцы за справедливость (такие как Робин Гуд, Че Гевара) — для 16,7 %.

Обсуждение результатов

Итак, политическое сознание молодежи представляет собой достаточно эклектичное сочетание взаимоисключающих ценностей и установок. Эта эклектичность становится еще более явной при сравнении политических предпочтений респондентов с образом Родины, имеющим для молодежи первостепенное значение. Образ Святой Руси оказался весьма популярным у либералов, отстаивающих приоритеты прав и свобод человека. У сторонников коммунистов образ Святой Руси также оказался востребованным: большее количество коммунистически ориентированной молодежи почему-то выбрали его, а не образ Советского Союза. Еще более удивительно, что Советский Союз — это образ, которому симпатизирует значительная часть сторонников рыночных реформ. Среди людей, для которых образ Родины совершенно безразличен, больше всего сторонников социал-демократии и центристов, стремящихся избежать крайностей.

Общество беспокоят проблемы, решение которых связано с активной гражданской позицией, с сознательной общественно-политической деятельностью на благо Родины: 39,8 % волнует снижение авторитета России в международном сообществе; 3,9 % выразили свою озабоченность отсутствием национальной идеи, способной объединить общество, 2,5 % — ситуацией в межнациональных отношениях в стране. Индивидуалистическая, эгоистическая позиция проявилась и в перечне тех проблем, которые респонденты добавили к предложенным им для выбора. Среди них сдача экзаменов, процентная ставка на покупку жилья, одиночество [20]. Общественно-политическая и социальная активность молодежи напрямую зависит, по нашему мнению, от того, ощущает ли себя молодой человек в полном смысле этого слова субъектом политических отношений, то есть тем, кто сознательно и свободно ставит перед собой цели и продуманно добивается их реализации.

В то же время либеральная позиция не является последовательной. Это становится очевидным, когда респонденты отвечают на вопросы, затрагивающие межэтническую проблематику. Такая проблематика особенно важна для Тюменской области. Область до сих пор обходилась без серьезных открытых проявлений межэтнических противоречий и ксенофобии, хотя очевидно, что в плане этнических отношений область занимает особое положение среди всех прочих субъектов Российской Федерации. Это определяется несколькими факторами.

Во-первых, Тюменская область не является национальным образованием, хотя в ее состав входят еще два субъекта Федерации, исторически образованных сугубо по национальному признаку.

Во-вторых, как показывают данные статистики и социологических исследований, проводившихся на территории области, единой доминирующей в численном плане титульной национальностью является русская, что принципиально характерно для большинства регионов России, образованных по территориальному, а не национальному принципу.

В-третьих, несмотря на полиэтнический состав населения Тюменской области, на ее территории существуют чересполосные населенные пункты и территории с абсолютным доминированием представителей той или иной национальности.

В-четвертых, Тюменская область, являясь транзитной территорией для действующих направлений миграционных потоков внутри страны, одновременно выступает конечной точкой миграции, что провоцируется достаточно высоким уровнем оплаты труда, по сравнению с другими регионами.

В-пятых, Тюменская область имеет внешнюю границу с Казахстаном, что добавляет к внутренним миграционным потокам еще и фактор внешней иммиграции.

Таким образом, Тюменская область сегодня представляет собой уникальную территорию, синтезировавшую в себе почти все факторы, характерные для России в целом, способные повлиять на состояние межэтнических отношений в условиях многонационального состава населения, внутренних и внешних факторов влияния. Как показало исследование, 88,9 % молодежи мыслят толерантно, считая, что «Россия — общий дом для разных народов». Умеренно-националистические позиции занимают 2,5 % респондентов, придерживаясь достаточно распространенной в России точки зрения, что поскольку основная ответственность за судьбу страны возложена на русских, которые составляют большинство россиян, то «следует обеспечить приоритетную политику по отношению к русскому народу». Крайнюю националистическую позицию — «Россия только для русского народа» — выразили небольшое количество респондентов (2,7 %). Выше говорилось, что симпатии к русскому национализму высказали лишь 2,5 % опрошенных. Такое несоответствие еще раз свидетельствует о слабой отрефлексированности молодежью ее собственных позиций. Но сдвиг молодежного сознания в сторону националистических настроений все же наблюдается. На другой вопрос анкетирования, о важности ощущения причастности к определенным группам, 39 % опрошенных ответили, что ощущение причастности к людям своей национальности является «очень важным», 30,7 % — «скорее важно, чем не важно». Конечно, развитое этническое самосознание не должно выступать препятствием для развития толерантного отношения к другим этническим группам, как и признание за последними права быть инаковыми. Но этническое самосознание часто становится объектом манипуляций со стороны безответственных национальных лидеров.

Выводы

Проведенное исследование выявило ряд особенностей проявления общественно-политической и социальной активности молодежи, которые должны быть учтены при разработке молодежной политики.

- Неоднородность молодежи, существование разных групп, имеющих различные интересы, установки и предпочтения, что выражается в разном отношении к государству, другим политическим и общественным институтам, к курсу реформ.
- Слабая интегрированность в политическую и общественную жизнь региона и страны в целом, низкое проявление собственной инициативы в рамках институтов гражданского общества.
- Неопределенность, нечеткость смысловых установок в молодежной среде, слабая отрефлексированность идеологических позиций, неоформленность партийных и политических предпочтений. Зачастую молодежь действует исходя из эк-

лектичного сочетания взаимоисключающих установок. Прослеживается слабая взаимосвязанность политических, идеологических и партийных предпочтений молодежи. Как либеральная, так и националистическая позиция, разделяемая частью представителей молодежи, является непоследовательной и противоречивой.

- Распространенность в молодежной среде индивидуалистической, эгоистической жизненной позиции.

- Слабое развитие сетей доверия и социальных солидарностей между разными группами молодежи, что сдерживает формирование организационной инфраструктуры гражданского общества.

- Наиболее привлекательными для молодежи являются ценности безопасности и стабильности. Однако незначительное количество респондентов заявляет о своей готовности в случае необходимости прибегать к митингам и забастовкам для достижения своих целей.

Необходимо предложить ряд мер, которые могли бы способствовать усилению общественно-политической и социальной активности молодежи в регионе. Мы считаем целесообразным следующее.

- Коренное обновление форм работы с молодежью. К этому обновлению должны быть привлечены (на конкурсной основе) силы самой молодежи. Необходим поиск новых форм контактов с молодыми: не наскучившие всем лекции и конференции, а конкурс плакатов, олимпиады, игры на радиостанциях и в Интернете, выставки, дискуссионные клубы, политбои, позволяющие выявить лидерский потенциал молодежи, создание молодежных клубов социальных инноваций, введение на телевидении и в печати инициативных молодежных общественно-политических рубрик, где бы о проблемах молодежи говорила сама молодежь.

- Воспитание электоральной культуры. Обыденному представлению о том, что голос одного избирателя ничего не решает, должна быть противопоставлена нормативная мотивация, когда участие в выборах рассматривается как проявление гражданской позиции. Воспитание подобной гражданской культуры невозможно без организации постоянной работы с молодым поколением, начиная со школьной скамьи. В учебных заведениях всех уровней следует организовать школы молодого политика, патриота и молодого избирателя. Шире использовать конкурсы и ролевые игры, форумы, конференции и семинары по проблеме выборов.

- Институционализация социальной энергии и общественной инициативы молодежи путем реализации инфраструктурно-сетевых проектов.

- Поддержка молодежного парламентаризма; обобщение и распространение опыта лучших молодежных парламентов России.

- Вовлечение молодежи в деятельность участковых избирательных комиссий, что может повысить интерес и доверие сверстников к выборам.

- Поддержка создания молодежных организаций в учебных заведениях и предприятиях, по месту жительства, в целом на муниципальном и региональном уровнях.

- Развитие сети волонтерского, патриотического движения.

- Создание сети дискуссионных клубов, форумов, где молодежь может обсуждать интересующие ее проблемы.
- Формирование пространства общения молодежного актива; проведение семинаров, слетов и использование других форм обучения молодых активистов.
- Подготовка кадров, готовых работать с молодежью и способных на уровне современных требований решать задачи патриотического и гражданского воспитания молодежи.
- Создание научно-исследовательского центра изучения проблем общественно-политической и социальной активности молодежи (например, при Тюменском индустриальном университете), который занимался бы не только научной работой, но и консультированием властно-управленческих структур. Деятельность научно-исследовательского центра должна предполагать разработку механизмов регулирования системы и технологий патриотического и гражданского воспитания с учетом региональной специфики.
- Обучение научно-педагогических кадров, предметом исследования которых должен стать феномен молодежи как социальной категории, ее общественно-политическая и социальная активность.
- Внедрение в учебный процесс и социальную практику результатов научных исследований по молодежной проблематике.
- Проведение Департаментом молодежи и спорта конкурсов прикладных научных исследований проблем социальной активности разных групп молодежи, а также тренингов на развитие у молодых людей патриотических качеств.
- Необходимо издание регионального молодежного общественно-политического журнала, на страницах которого власть могла бы вести диалог с молодежью, в котором можно было бы найти информацию о региональной деятельности партий и их лидерах.
- Использование инновационного потенциала молодежи не только на этапе реализации молодежной политики, но и на этапе определения ее приоритетов.

Эта инициатива может найти институциональное выражение в Молодежной общественной палате Тюменской области, в Молодежном форуме, в Центре поддержки молодежных инициатив или в других формах. С одной стороны, в этих формах работы может найти конкретное выражение партнерство молодежи с властью, а с другой — таким образом может быть решена проблема координации неформальных молодежных объединений, органов студенческого и ученического самоуправления, общественных организаций. Партнерство с властью должно основываться также на частичной передаче отдельных функций по различным направлениям воспитания молодежным организациям, вовлеченным в данную структуру.

Показателями эффективности работы по развитию общественно-политической и социальной инициативы молодежи являются следующие:

- развитая инфраструктура молодежных организаций социальной и общественно-политической направленности и вовлеченность в их деятельность разных групп молодого поколения;

- интерес молодежи к получению информации об общественной жизни, уровень общественно политической грамотности [21];
- вовлеченность молодежи в голосование на выборах и референдумах;
- значимость в системе ценностных ориентаций молодежи позитивных жизненных ценностей: духовная нравственность, патриотичность, гражданственность, толерантность;
- количество молодых людей, охваченных разными проектами молодежной политики;
- количество учреждений, организаций, ведущих работу по реализации государственной молодежной политики [22].

Список источников

- [1] Горшков, М. К. Молодежь России : социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги ; Министерство образования и науки РФ [и др.]. – Москва : Центр социального прогнозирования, 2010. – 590 с. – Текст : непосредственный
- [2] Доронина, Н. Н. Исследование нравственных качеств молодежи / Н. Н. Доронина, А. И. Король. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : гуманитарные науки. – 2015. – № 6 (203). – С. 187–192.
- [3] Елисеев, А. Л. Государственная молодежная политика Российской Федерации : проблемы и перспективы / А. Л. Елисеев, А. Ю. Кретов. – DOI 10.12737/article_5901db43effdb7.63302327 – Текст : непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017. – № 1. – С. 46–52.
- [4] Россия : путь к социальному государству : материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 6 июня 2008 г.) / Под редакцией С. С. Сулакшина [и др.]. – Москва : Научный эксперт, 2008. – 1008 с.
- [5] Жаданов, А. Ю. Социальное развитие молодежи в современной России / А. Ю. Жаданов. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 269–273.
- [6] Положение молодежи в России. Аналитический доклад / М. Л. Агранович, Н. Ю. Королёва, А. В. Полетаев [и др.]. – Москва : Издательский комплекс «Машмир», 2005. – 168 с.
- [7] Социальная и политическая активность россиян : мониторинг. – Текст : электронный // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : официальный сайт. – 2 августа 2021 г. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 28.06.2022).
- [8] Зубок, Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе : монография / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина. – Москва : ИТД «Перспектива», 2016. – 166 с. – Текст : непосредственный.

- [9] Кара-Мурза, С. Г. Сложные проблемы молодежной политики / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Когито-Центр, 2016. – 56 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Молодежь России : сборник рефератов статей из периодических изданий за 2009 г. / Сост. П. П. Ловкова, С. Г. Миронова ; под редакцией Л. В. Алимовой, Л. М. Иньковой. – Текст : непосредственный – Москва : Российская государственная библиотека для молодежи, 2010. – 183 с.
- [11] Рашковецкая, Н. С. Связи с общественностью в реализации молодежной политики : на материалах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Рашковецкая Надежда Сергеевна ; Кубанский государственный университет. – Краснодар, 2012. – 177 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Донцова, М. М. Механизм реализации молодежной политики в политической системе современной России : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук : Донцова Мария Михайловна. – Москва, 2013. – 198 с. – Текст : непосредственный.
- [13] Управление государственными и муниципальными финансами : учебное пособие / С. Н. Макарова, Е. Д. Корсакова, Т. В. Лемескина [и др.] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный университет. – Красноярск : СФУ, 2013. – 360 с. – Текст : непосредственный.
- [14] Маркина, Н. Л. Молодежь и политика / Н. Л. Маркина, Ю. А. Твинова, О. Е. Шумилова. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 139–151.
- [15] Заболотная, Г. М. Социально-политическое пространство региона : социологический анализ : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / Заболотная Галина Михайловна. – Тюмень, 2003. – 54 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Межина, О. Ю. Формирование межэтнической толерантности подростков в условиях учреждения дополнительного образования города Крайнего Севера : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : автореферат диссертации кандидата педагогических наук / Межина Ольга Юрьевна; Курганский государственный университет. – Тюмень, 2008. – 25 с. – Место защиты : Тюменский государственный университет. – Текст : непосредственный.
- [17] Зеленин, А. Государственная молодежная политика РФ : монография / А. Зеленин. – Москва : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 596 с. – Текст : непосредственный.
- [18] Переверзев, М. П. Менеджмент в молодежной политике : учебное пособие / М. П. Переверзев, З. Н. Калинина. – Москва : РИОР, 2018. – 238 с. – Текст : непосредственный.
- [19] Парубчак, И. Государственная молодежная политика в странах переходного периода : монография / И. Парубчак. – Москва : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 104 с. – Текст : непосредственный.

- [20] Радченко, А. Ф. Материалы научных исследований проблем молодежной политики современной России / А. Ф. Радченко. – Москва : Ленанд, 2013. – 176 с. – Текст : непосредственный.
- [21] Итоги Всероссийской научной конференции «Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России» 24–30 марта 2015. – Текст : электронный // Ульяновский государственный технический университет : официальный сайт – URL : <https://old.ulstu.ru/main/view/article/18008> (дата обращения: 09.06.2022).
- [22] Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России : сборник научных трудов / Министерство образования и науки Российской Федерации, Ульяновский государственный технический университет ; под редакцией О. В. Шиняевой, И. Г. Гоношилиной. – Ульяновск : УлГТУ, 2015. – 245 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Gorshkov, M. K., & Sheregi, F. E. (2010). *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret*. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya Publ., 590 p. (In Russian).
- [2] Doronina, N. N., & Korol', A. I. (2015). *Issledovanie нравstvennykh kachestv molodezhi*. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, (6(203)), pp. 187-192. (In Russian).
- [3] Eliseev, A. L., & Kretov, A. Yu. (2017). *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy*. Journal of public and municipal administration, (1), pp. 46-52. (In Russian). DOI: 10.12737/article_5901db43effdb7.63302327
- [4] Sulakshin, S. S., Vilisov, M. V., Kolesnik, I. Yu., Orlov, I. B., Zachesova, Yu. A., & Pak, N. K. (Eds) (2008). *Rossiya: put' k sotsial'nom gosudarstvu: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 1008 p. (In Russian).
- [5] Zhadanov, A. Yu. (2013). *Social development of youth in modern Russia*. Society and law, (2(44)), pp. 269-273. (In Russian).
- [6] Agranovich, M. L., Koroleva, N. Yu., Poletaev, A. V., Seliverstova, I. V., Sundiev, I. Yu., & Fateeva, A. V. (2005). *Polozhenie molodezhi v Rossii. Analiticheskii doklad*. Moscow, Mashmir Publ., 168 p. (In Russian).
- [7] *Sotsial'naya i politicheskaya aktivnost' rossiyan: monitoring (2021)*. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring>
- [8] Zubok, Yu. A., Rostovskaya, T. K., & Smakotina, N. L. (2016). *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve*. Moscow, Perspektiva Publ., 166 p. (In Russian).
- [9] Kara-Murza, S. G. (2016). *Slozhnye problemy molodezhnoy politiki*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 56 p. (In Russian).
- [10] Lovkova, P. P., Mironova, S. G., Kuz'mina, O. V., Alimova, L. V., & In'kova, L. M. (Eds) (2010). *Molodezh' Rossii: sbornik referatov statey iz periodicheskikh izdaniy za 2009 g.* Moscow, Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka dlya molodezhi Publ., 183 p. (In Russian).

- [11] Rashkovetskaya, N. S. (2012). Svyazi s obshchestvennost'yu v realizatsii molodezhnoy politiki: na materialakh Yuzhnogo i Severo-Kavkazskogo federal'nykh okrugov. Diss. ... kand. polit. nauk. Krasnodar, 177 p. (In Russian).
- [12] Dontsova, M. M. (2013). Mekhanizm realizatsii molodezhnoy politiki v politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii. Diss. ... kand. polit. nauk. Moscow, 198 p. (In Russian).
- [13] Makarova, S. N., Korsakova, E. D., Lemeskina, T. V., Gordeeva, G. P., & Kozachenko, S. V. (2013). Upravlenie gosudarstvennymi i munitsipal'nymi finansami. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 360 p. (In Russian).
- [14] Markina, N. L., Tvirova, Yu. A., & Shumilova, O. E. (2014). Youth and politics. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki, (1), pp. 139-151. (In Russian).
- [15] Zabolotnaya, G. M. (2003). Sotsial'no-politicheskoe prostranstvo regiona: sotsiologicheskiy analiz. Avtoref. diss. ... dokt. sotsiol. nauk. Tyumen, 54 p. (In Russian).
- [16] Mezhdina, O. Yu. (2008). Formirovanie mezhetnicheskoy tolerantnosti podrostkov v usloviyakh uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya goroda Kraynego Severa. Avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. Tyumen, 25 p. (In Russian).
- [17] Zelenin, A. (2012). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika RF. Moscow, LAP Lambert Academic Publ., 596 p. (In Russian).
- [18] Pereverzev, M. P., & Kalinina, Z. N. (2018). Menedzhment v molodezhnoy politike. Moscow, RIOR Publ., 238 p. (In Russian).
- [19] Parubchak, I. (2014). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v stranakh perekhodnogo perioda. Moscow, LAP Lambert Academic Publ., 104 p. (In Russian).
- [20] Radchenko, A. F. (2013). Materialy nauchnykh issledovaniy problem molodezhnoy politiki sovremennoy Rossii. Moscow, Lenand Publ., 176 p. (In Russian).
- [21] Itogi Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Problemy grazhdanskoy i regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii" (2015). (In Russian). Available at: <https://old.ulstu.ru/main/view/article/18008>
- [22] Shinyaevoy, O. V., & Gonoshilinoy, I. G. (Eds) (2015). Problemy grazhdanskoy i regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii: sbornik nauchnykh trudov. Ul'yanovsk, Ul'yanovsk State Technical University Publ., 245 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 12.07.2022; approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-89-103

Применение сетевого подхода для организации управления геронтообразованием в России

Геннадий Геннадьевич Сорокин, Олег Михайлович Барбаков

Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу методологических аспектов организации управления геронтообразованием в Российской Федерации. Авторами обосновывается целесообразность привлечения ресурсов специализированных проектов образования пожилых граждан в рамках стратегий адаптации российского общества к последствиям демографического старения, аргументируется необходимость централизованного управления совокупностью проектов геронтообразования для реализации потенциала этих проектов в решении актуальных социально-экономических проблем. Проанализирована специфика организации и функционирования геронтообразования в России, доказана возможность интерпретации данной структуры как социальной сети. Раскрыты специфические характеристики сетевых структур как объектов управления, доказана неэффективность применения традиционных управленческих методологий. Конкретизировано содержание сетевого подхода в рамках социологии управления, обоснована правомерность применения данной методологии для организации управления совокупностью проектов геронтообразования, функционирующих в Российской Федерации.

Ключевые слова: образование пожилых граждан, социальная сеть, социальное управление, сетевой подход

Для цитирования: Сорокин, Г. Г. Применение сетевого подхода для организации управления геронтообразованием в России / Г. Г. Сорокин, О. М. Барбаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-89-103 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 89–103.

The network approach application for the organization of the elderly education management in Russia

Gennady G. Sorokin, Oleg M. Barbakov

Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of methodological aspects of the elderly education management organization in the Russian Federation. The authors substantiate the expediency of involving elderly educational projects in the strategies of Russian society adaptation to the consequences of the population demographic aging. They also argue for the need to organize the set of specialized elderly education projects management in order to realize its potential in the direction of solving urgent socio-economic problems. The article analyzes the specifics of the organization and functioning of elderly education in Russia, proves the possibility of interpreting this structure as a social network. The specific characteristics of network structures as management objects are revealed, the inefficiency of using traditional management methodologies for its management is proved. The content of the network approach within the framework of the management sociology is concretized, the validity of the methodology application for a set of Russian elderly education projects management operating is substantiated.

Keywords: education of the elderly, social network, social management, network approach

For citation: Sorokin, G. G., & Barbakov, O. M. (2022). The network approach application for the organization of the elderly education management in Russia. *Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 89-103. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-89-103

Введение

Общемировые тенденции демографического старения, установившиеся в середине прошлого века, сегодня все ярче проявляются в России. Экономическая и социальная сферы российского общества в полной мере ощущают на себе негативные последствия трансформаций возрастной структуры населения: спад рождаемости, повышение демографической нагрузки, дисфункции институтов социального обслуживания, здравоохранения и пенсионного обеспечения [1]. Для России, как и для большинства экономически развитых государств, все более актуальной становится проблема выработки мер адаптации к новым демографическим реалиям [2]. Исключительную важность в сложившихся условиях приобретает поиск возможностей использования социального, экономического и культурного потенциала старшего поколения для решения актуальных государственных задач, интеграции пожилых граждан во все сферы общественной жизни [3].

Любые стратегии социального управления, предполагающие привлечение резервов геронтогруппы, неизбежно оказываются связанными с задачей повышения образовательного уровня представителей старшего поколения [4]. Очевидно, что к решению проблемы образования пожилых россиян необходимо подходить с разных сторон, использовать различные меры в комплексе. В частности, представляется целесообразным задействовать ресурсы уже функционирующих в РФ проектов неформального образования геронтов. Под термином «геронтообразование» будем понимать совокупность образовательных практик, ориентированных на коллективное обучение представителей старшего поколения. В настоящее время специализированные проекты неформального образования являются самыми массовыми агентами обучения пожилых россиян и ежегодно охватывают десятки тысяч слушателей [5]. Но в своем функционировании российское геронтообразование руководствуется лишь образовательными предпочтениями пожилых граждан и не ориентируется на решение каких-либо социально значимых проблем. Возможности внешнего управленческого воздействия на совокупность неформальных программ образования геронтов со стороны государства или других потенциальных субъектов управления осложняется ее специфическими характеристиками таких программ. Несистемный характер организации российского геронтообразования не позволяет использовать по отношению к нему традиционные управленческие подходы, требует применения новой управленческой методологии и выработки нетрадиционных управленческих механизмов.

Названные обстоятельства обуславливают актуальность поиска методологии, оптимальной для управления геронтообразованием в РФ, открывающей возможности реализации потенциала совокупности отечественных проектов образования пожилых граждан в решении злободневных проблем российского общества. Цель данной

статьи — разработка методологических оснований для управления геронтообразованием в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить следующие задачи: 1) выявить специфические характеристики геронтообразования в России; 2) доказать правомерность интерпретации совокупности российских проектов образования пожилых граждан как социальной сети; 3) конкретизировать содержание сетевого подхода в социальном управлении; 4) раскрыть возможности применения сетевой методологии для управления геронтообразованием в РФ.

Материалы и методы

Материал статьи опирается на результаты исследований образования пожилых в Российской Федерации (А. Г. Гонежук, Т. А. Сидорчук, О. А. Мосиной, Е. М. Фрейдкиной), публикации, посвященные изучению сетевого подхода как методологии научного анализа (Г. В. Градосельская, Д. В. Мальцева, М. Кастельс), а также научные труды, рассматривающие специфику управления сетевыми структурами (К. Абраса, Дж. К. Джарилло, О. В. Наумова, Е. А. Шенецова).

Эмпирическую базу исследования составила информация о деятельности специализированных проектов образования пожилых граждан, функционирующих на территории РФ. Информационный массив формировался в период с 2006 по 2021 гг. Были использованы следующие методы сбора информации: анализ документов (научных публикаций и контента СМИ), интервью с организаторами проектов геронтообразования, включенное наблюдение (в указанный период Г. Г. Сорокин выполнял организаторские и преподавательские функции в нескольких специализированных образовательных учреждениях). В целом проанализирована деятельность 254 проектов из 193 населенных пунктов Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа российского геронтообразования позволяют констатировать присутствие в нем специфических характеристик, качественно отличающих его от «традиционных образовательных систем». Совокупность проектов геронтообразования РФ не обладает закономерностью целостности. Проекты не идентифицируют себя в качестве компонента общности «себе подобных». Учреждения геронтообразования самодостаточны: они сами решают все вопросы, связанные с обеспечением своего функционирования, никому не подчиняются, самостоятельно устанавливают цели своей деятельности. У российских проектов геронтообразования отсутствуют общие векторы развития и функционирования. Проекты различаются по своей структуре, организации, формам реализации, продолжительности образовательных программ, методам образования, квалификации педагогов и другим характеристикам. Их совокупность — это объединение разнородных элементов. Ввиду присутствия названных специфических характеристик, результатом интеграции проектов геронтообразования РФ в единый объект научного анализа и управления может выступать только абстрактная конструкция. Необходимо абстрагироваться от различий проектов и принять в качестве инте-

группирующего признака осуществление деятельности по обучению геронтов. Общая идея данной процедуры аналогична идее формирования номинальных групп в практике социологических изысканий. Номинальная группа представляет собой искусственно создаваемую исследователем социальную категорию, которая не является результатом социальной интеракции. Обобщение объектов анализа в номинальную группу позволяет в процессе исследования определить взаимосвязь между их общими социальными признаками [6]. Для общности, полученной путем абстрактной интеграции российских проектов образования пожилых граждан в единый объект анализа, характерны следующие отличительные черты:

1. *Децентрализация.* Для совокупности образовательных проектов не существует единого органа управления, но в структуре геронтообразования присутствуют проекты, воздействующие на деятельность отдельных групп учреждений.

2. *Сегментация.* Структура российского геронтообразования состоит из отдельных независимых составляющих — специализированных проектов образования старшего поколения.

3. *Гетерогенность.* Проекты геронтообразования не находятся в постоянном взаимодействии со всей совокупностью аналогичных учреждений и коммуницируют лишь с ограниченным числом учреждений-партнеров.

4. *Полисубъектность.* Проекты геронтообразования самостоятельно определяют цели и задачи своей деятельности. Общие цели функционирования у всей совокупности проектов отсутствуют.

5. *Открытость.* Российское геронтообразование способно изменять свой состав благодаря возникновению новых специализированных образовательных проектов (учитывая абстрактный характер рассматриваемой категории, нет никаких препятствий для включения в нее новых участников).

6. *Способность к изменению и развитию.* Геронтообразование в Российской Федерации находится в постоянном развитии, которое проявляется в росте количества образовательных проектов, трансформации содержания программ геронтообразования, совершенствовании методик обучения.

7. *Присутствие интегрирующих ценностей.* Несмотря на различия в организации отдельных образовательных проектов и реализуемых ими подходов к достижению задач обучения, в своей деятельности все они руководствуются общими ценностями. К их числу относятся активная жизненная позиция в пожилом возрасте, признание старости полноценным этапом жизни, образование и развитие индивида на протяжении всей жизни.

8. *Эмерджентность.* Существование между проектами коммуникации (даже опосредованной и на основе слабых связей) дает им возможность внедрять в практику своей деятельности наработки других проектов. Это повышает эффективность функционирования российского геронтообразования в целом.

Признаки, выявленные в номинальном объединении российских проектов геронтообразования, наталкивают на предположение о возможности его интерпретации как социальной сети.

В современной социологии дефиниция «социальная сеть» (social network) применяется для обозначения наблюдаемых образцов социальных отношений между индивидуальными единицами анализа (узлами). Контекст социальных отношений в рамках сетевой структуры может быть разнообразным: от дружбы и родства до господства и экономического обмена. Узлами сетевой структуры могут выступать индивиды, группы, корпоративные образования и т. д. [7]. Содержание каждого узла определяется характером конкретной социальной сети [8]. В рамках российского геронтообразования узлами, очевидно, выступают специализированные образовательные проекты для пожилых граждан.

Наряду с узлом важным компонентом сети является связь — широкий способ взаимодействия между узлами, осуществляемый с помощью особого «коммуникационного кода» [9]. Наличие в какой-либо структуре основных качественных признаков сетевой организации еще не является достаточным основанием для ее классификации как социальной сети. Необходимо также выявить механизмы формирования и поддержания связей между структурными элементами. Проанализировав большой массив публикаций, посвященных сетевым структурам в образовании, Е. М. Дорожкин, Н. Н. Давыдова, и В. А. Федоров выделили несколько подходов к определению сущности сетевого взаимодействия в данной сфере. Авторы считают, что в качестве сетевых взаимодействий в сфере образования могут выступать следующие:

- Всякое взаимодействие, в рамках которого образовательные организации обмениваются друг с другом какими-то информационными ресурсами (идеями, находками, способами деятельности).
- Любое взаимодействие через Интернет. Наличие интернет-связи между образовательными организациями, автоматически связывает их в одну сеть.
- Любое взаимодействие, происходящее между образовательными организациями (любые совместные мероприятия, конференции и т. д.);
- Всякое взаимодействие, предполагающее деятельностный контакт, осуществление организациями совместной деятельности (например, совместный проект) [10].

Каждый подход, выделенный учеными, может быть в той или иной степени использован для описания механизмов возникновения и установления связей между проектами геронтообразования в РФ. В России постоянно проходят научно-практические семинары и конференции, на которых практикующие специалисты обмениваются опытом, делятся информацией о своих педагогических и организаторских ноу-хау. Также на данных встречах обсуждаются перспективы и проблемы развития образования пожилых в Российской Федерации и мире. Многие образовательные проекты имеют страницы в Интернете, как правило, это не собственные сайты, а разделы на сайте организации-учредителя. В ходе нашего исследования были зафиксированы случаи, когда между образовательными учреждениями одного города устанавливалось даже некоторое подобие академического обмена, при котором учреждения информировали слушателей о возможностях обучения у своих партнеров. Также нами были выявлены прецеденты передачи проектами геронтообразования своим партнерам контактов граждан, желающих пройти обучение, в случае, если по каким-то причинам сами не могли их обучить. Не является редкостью для отечественного геронтообразования и совместная

реализация различных мероприятий, творческих и научных проектов. Но самый важный механизм информационного обмена — взаимодействие учреждений геронтообразования через виртуальный массив информации, для обозначения которого мы будем использовать термин «тезаурус». Деятельность любого образовательного проекта находит отражение в СМИ, публикациях в сборниках конференций, методической литературе. Таким образом, формируется общий неструктурированный массив данных (информационное поле), содержащий информацию о деятельности всех проектов геронтообразования и открытый для любого из них. Содержимое тезауруса оказывает влияние на процесс формирования системы норм и ценностей, актуальных для российского геронтообразования. Тезаурус является одним из ориентиров при определении проектами траекторий своего развития и функционирования. Он же участвует в процессах построения коммуникационного кода всей их совокупности. Необходимо отметить, что практика организации взаимодействия узлов образовательных сетевых систем на основе общей информационной копилки существовала задолго до широкого распространения информационных технологий. Так, в СССР научные и образовательные учреждения могли осуществлять взаимодействие через периодические издания, освещающие опыт работы аналогичных учреждений («Учительская газета», альманах-ежегодник «Эврика», газета «Первое сентября» и др.).

Таким образом, в российском геронтообразовании присутствуют все характерные признаки сетевой организации, а между ее составляющими имеет место информационное взаимодействие. Это дает основание интерпретировать совокупность проектов образования пожилых граждан (фактически существующую, а не номинальную) как социальную сеть.

Если описывать отечественное геронтообразование как сетевую структуру, то необходимо отметить несколько важных моментов. Деятельность узлов в рамках данной социальной сети обеспечивается особой инфраструктурой — комплексом структур, средств и объектов, составляющих основу образовательных учреждений и обеспечивающих их функционирование. Инфраструктуру российского геронтообразования следует рассматривать как совокупность инфраструктур всех образовательных учреждений для пожилых граждан. В инфраструктуре образовательных проектов выделяется три главных компонента, а именно:

- материальная база — оборудование, помещения, методический материал и т. д.;
- финансовая база — средства на реализацию образовательных программ и обеспечение функционирования проекта;
- кадровая база — сотрудники, выполняющие функции педагогов и организаторов.

Функционирование сети проектов геронтообразования происходит в особой социокультурной среде. Социокультурная среда геронтообразования — это общность взаимодействующих культурных и социальных факторов, воздействующих на внутри-сетевые процессы данной структуры и оказывающих влияние на векторы и динамику ее развития. Социокультурная среда геронтообразования РФ сформирована актуальными для российского общества нормами и ценностями отношения к геронтам, социальными стереотипами пожилого возраста, социальным статусом старости, общественным мнени-

нием и умонастроением относительно проблем пожилых граждан, государственной политикой в отношении старшего поколения. Этот перечень может быть дополнен большим количеством других, менее очевидных, детерминант. Социокультурная среда — это поле, которое она же воспроизводит, в котором сеть учреждений геронтообразования функционирует. Социокультурная среда не только влияет на процессы, происходящие в отечественном геронтообразовании, но и сама находится под контролем со стороны сети. Так, развитие в стране образовательных практик для пожилых граждан способствует разрушению присутствующих в массовом сознании геронтофобных стереотипов.

Сетевая природа российского геронтообразования позволяет применять для ее исследования, а также для организации управления данной структурой, сетевой подход — новую, но динамично развивающуюся методологию изучения социальных процессов и явлений. Данный подход представляет собой междисциплинарную теорию, ориентированную на описание объективной реальности через организационные или системные связи. Применительно к области социологии Д. В. Мальцева определяет сетевой подход как комплекс теоретико-методологических направлений, объединенных использованием категории «сеть» для объяснения общественных феноменов [11]. Возникновение сетевого подхода к исследованию социальной реальности связано с распространением сетевых структур в обществе, повышением их влияния на социальные процессы. М. Кастельс констатирует, что «...сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а “распространение сетевой логики” оказывает существенное влияние на ход и результаты процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [8]. Ученый называет современный социум обществом сетевых структур и приходит к выводу, что сети становятся институтами, способствующими развитию следующих отраслей: экономики, политики, культуры, сферы труда [8]. В сфере образования роль сетевых структур также неуклонно возрастает.

Еще одной предпосылкой распространения сетевой методологии в современной науке выступает необходимость пополнения арсенала исследовательских технологий средствами изучения объектов, специфика организации которых не позволяет применять традиционные исследовательские методологии (например, неиерархические структуры, несистемно организованные целостности). В ряде случаев такие структуры могут быть интерпретированы как социальные сети. Использование сетевого подхода позволяет формировать принципиально новые объекты научного исследования, открывает широкие перспективы для изучения сложных социальных субъектов, анализа и объяснения их внутренних тенденций. Так, Н. В. Гришин отмечает целесообразность использования сетевой методологии для изучения объектов, существующих на основе релятивных и слабых связей, не обладающих свойством целостности [12]. По мнению Т. В. Каукуновой, реляционная и системная направленность сетевого подхода предоставляет новые средства для объяснения социального поведения, позволяет абстрагироваться от таких факторов, как атрибутивные характеристики социальных акторов, а также нормы и ценности [13]. Г. В. Градосельская констатирует возможность формирования в рамках сетевого подхода крупных единиц анализа из более мелких без потери информации [14].

Вопросы управления сетевыми структурами активно изучаются в теории управления, экономике, политологии, антропологии, социальной психологии, теории маркетинга, теории организаций. В социологии управления такие исследования практически не проводились. Данный факт можно объяснить тем, что достаточно долгий период времени для управления сетевыми структурами было достаточно теоретической базы, разработанной в рамках других научных направлений. Сегодня в практике социального управления все чаще возникают задачи, которые невозможно решить с помощью «заимствований» из каких-либо других дисциплин. Возникает необходимость в социологической интерпретации сетевого подхода к управлению.

Сетевые структуры являются достаточно специфическими объектами управления. Они характеризуются низкой управляемостью, сохраняют высокую степень устойчивости к внешним возмущениям. Специфика сетей, отличающая их от других форм взаимодействия социальных субъектов, во многом детерминирует их управляемость. Связи между узлами сети, в отличие от иерархических организаций, выстраиваются в горизонтальной плоскости. Коммуникации в сетевой структуре поддерживаются неформализованным способом [15]. Ввиду гетерогенности и сегментации социальных сетей иерархическое управление в чистом виде в них отсутствует. Полисубъектность и децентрализация исключают присутствие в сетевых структурах общего органа управления. Функционирование сети нельзя выстроить в соответствии с какой-либо программой, так как запрограммированное взаимодействие компонентов системы априори является иерархичным, а значит, несетевым. Полисубъектность сетей затрудняет ориентацию деятельности их элементов на интегральную цель. Из-за размытости границ сетевых структур, открытости и способности к изменениям эффект управленческого воздействия оказывается непродолжительным. Традиционные управленческие методологии, характеризующиеся целеполаганием и планированием, по отношению к сетевым структурам неприменимы. Проблема организации управленческого воздействия на социальную сеть фактически представляет собой «проблему управления неопределенностью» [16]. К управлению сетевыми структурами необходимо подходить творчески с учетом имеющихся условий, возможностей, целей и задач. Важно также учитывать специфические особенности конкретной сети. По мнению О. В. Наумовой, построение и внедрение сетевого регулирования должно начинаться с изучения самобытных особенностей сети [17].

При определении возможностей управления социальными сетями необходимо учитывать, что сетевая структура — это не только комплекс узлов и связей между ними, но и особый тип организующей логики [18]. Данная интерпретация позволяет использовать в качестве ресурсов управления сетями внутренние механизмы обеспечения их функционирования, в частности механизмы самоорганизации. Г. Хакен определял самоорганизацию как свойство системы приобретать некоторую структуру (пространственную, функциональную или временную) при отсутствии внешнего воздействия [19]. Самоорганизация социальных структур существенным образом осложняет управление ими, но при определенных условиях именно самоорганизация может оказаться наиболее эффективным управленческим инструментом [20]. В самоорганизующихся системах управление является важным внутренним свойством, а не внешним фактором

функционирования. Объекты управления обладают свободой воли и могут функционировать самостоятельно, поэтому их правильнее рассматривать в качестве управляемых субъектов [21]. Управление социальными сетями может быть эффективным только тогда, когда оно соотносится с процессами их самоорганизации и саморазвития. Во избежание нарушения сложившихся внутри сети механизмов функционирования управленческое воздействие должно реализовываться исключительно в форме косвенного влияния. Присутствие в социальных сетях самоорганизации как функции и как качества дает возможность применения по отношению к ним нетривиальных методов управления. Поскольку самоорганизующаяся система не просто адаптируется к изменяющимся условиям окружающей среды, но и реорганизуется при этом свою структуру и внутренние механизмы, управляющий субъект может воздействовать на ее внутренние тенденции, структуру и направления развития посредством изменения внешних условий функционирования [22]. Отметим, что новые состояния системы (реакции на внешнее воздействие) оказываются более устойчивыми к внешним возмущениям. Поэтому такое управление должно предполагать постоянное обновление управленческих механизмов. В. А. Виттих констатирует присутствие у самоорганизующихся систем запаса знаний, которые актуализируются в процессе их развития и адаптации к неопределенным условиям (например, тезаурус совокупности проектов геронтообразования РФ) [22]. Данный массив информации может также выступать каналом управленческого воздействия. Поскольку востребованность информации из «общей информационной копилки» со стороны элементов структуры будет, очевидно, повышаться в процессе их адаптации к внешнему воздействию, то эффективность управления через данный канал повышается при одновременном воздействии на внешнюю среду социальной сети.

В современной социологии управления отмечается тенденция заимствования эффективных методов и моделей управления из других областей научного знания и практики. Мы считаем, что общенаучный и междисциплинарный характер сетевого подхода к изучению процессов и явлений позволяет экстраполировать его общие принципы на сферу социального управления. Мы также допускаем возможность адаптации применительно к объектам социальной природы методологий управления сетями, разработанных в рамках различных научных направлений. В теории социального управления успешные примеры такой экстраполяции уже имеют место. Так, В. Г. Пожидаев, исходя из аналогий функционирования сетей социальных и экономических отношений и сетей фирм, обосновал возможность распространения сетевой методологии, сформировавшейся в рамках стратегического управления и маркетинга, на сферу государственного управления при условии их коррекции с учетом специфики объекта управления [23].

В результате обобщения выводов, содержащихся в публикациях по проблемам управления сетевыми структурами в сфере политики и экономики [24–28], нами были сформулированы следующие принципы применения сетевого подхода в социальном управлении:

- анализ объекта управления как сетевой структуры;
- абстрагирование от различий в организации его структурных элементов;

- разработка и реализация управленческих механизмов с учетом факторов самоорганизации и саморазвития объекта управления;
- не прямое управление, воздействие не на структурные элементы, а на детерминанты их функционирования;
- формулирование предполагаемых результатов управленческого воздействия в общем виде.

Анализ социальных сетей как объектов управления показывает, что характер их организации допускает дробление на следующие составные элементы: узлы, субсети и т. д. Воздействуя на данные компоненты и их связи, управляющий субъект имеет возможность влиять на процессы функционирования всей сетевой структуры. То есть управление социальными сетями может быть выстроено в соответствии с логикой структурно-функционального анализа.

Обобщая изложенные в статье выводы, мы определяем содержание сетевого подхода в практике социального управления следующим образом: объект управления интерпретируется как социальная сеть, определяются его составляющие, выявляются их функции и взаимные связи, на основе полученной информации разрабатываются и реализуются управленческие механизмы.

Выводы

Негативные последствия демографического старения в настоящее время ярко проявляются в различных сферах российского социума. Необходимость адаптации общества к сложившимся демографическим реалиям обуславливает актуальность новых задач социального управления, связанных с обеспечением эффективного функционирования общественных систем и институтов. Одной из таких задач является повышение образовательного уровня геронтогруппы. Существенным образом способствовать решению проблемы массового образования пожилых россиян может привлечение ресурсов уже функционирующих в стране проектов образования представителей старшего поколения.

Проекты геронтообразования в России представляют собой автономно функционирующие и разнородные структуры, не связанные общими целями и не имеющие общего центра управления. Реализация их потенциала для решения злободневных социальных проблем возможна только в случае организации целенаправленного управления всей совокупностью проектов, консолидирующего и координирующего их деятельность.

Учитывая сетевую природу российского геронтообразования, в качестве оптимальной методологии управления этой структурой можно определить сетевой подход. В современной социологии сетевая методология управления еще до конца не сформирована, поэтому ее применение в рамках социального управления требует предварительной конкретизации. Представленная авторами социологическая интерпретация сетевого подхода построена с учетом общенаучного и междисциплинарного характера сетевой методологии, специфики управляемости социальных сетей, а также возможности управления сетевыми структурами исходя из логики структурно-функционального анализа.

Сетевая методология позволяет организовать эффективное управление совокупностью проектов образования геронтов РФ, не нарушающее ее внутренние механизмы самоорганизации и позволяющее рационально использовать ресурсы отечественного геронтообразования на благо общества и государства. В связи с этим сетевой подход целесообразно принять в качестве базы для разработки концепции управления геронтообразованием в Российской Федерации.

Список источников

- [1] Савинов, Л. И. Постарение населения и формирование потребности населения в социальных услугах / Л. И. Савинов, Д. А. Бистаякина, Т. В. Соловьева. – DOI 10.21685/2072-3016-2018-2-12. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 2 (46). – С. 98–106.
- [2] Eakin, T. Mechanics of population aging and survival / T. Eakin, T. M Witten – Direct text // Biogerontology. – 2018. – Vol. 19, Issue 3–4. – P. 251–269.
- [3] Барков, С. А. Трудоустройство людей в пожилом возрасте : социальные императивы и ограничения в современной России / С. А. Барков, А. В. Маркеева, И. В. Колодезникова. – DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 97–112.
- [4] Laufer, R. S. Generations, aging and social stratification : on the development of generational units / R. S. Laufer, V. L. Bengston. – DOI 10.1111/j.1540-4560.1974.tb00733.x. – Direct text // Journal of Social Issues. – 1974. – Vol. 30, Issue 3. – P. 180–192.
- [5] Сорокин, Г. Г. Геронтообразование : институциональный анализ / Г. Г. Сорокин, Е. Н. Фокина. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 1. – С. 9–16.
- [6] Социологический словарь / Академия учебно-научного центра РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова ; под редакцией Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. – Москва : Норма, 2008. – 606 с. – Текст : непосредственный.
- [7] Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер ; перевод с английского, под редакцией С. А. Ерофеева. – Москва : Экономика, 1999. – 413 с. – Перевод изд. : The Penguin Dictionary of sociology / N. Abercrombie, S. Hill, B. S. Turner. London, 1984. – Текст : непосредственный.
- [8] Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс ; под редакцией В. Л. Иноземцева – Текст : непосредственный // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – Москва : Academia, 1999. – С. 494–505.
- [9] Обухов, К. Н. Сеть как социальная структура : модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса / К. Н. Обухов. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. – 2008. – № 1. – С. 107–110.

- [10] Давыдова, Н. Н. Научно-образовательные сети : теория, практика : монография / Н. Н. Давыдова, Е. М. Дорожкин, В. А. Федоров ; под редакцией В. А. Федорова Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский государственный профессионально-педагогический университет. – Екатеринбург : Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического ун-та, 2016. – 481 с. – Текст : непосредственный.
- [11] Мальцева, Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории / Д. В. Мальцева. – DOI 10.7868/S0132162518040013. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2018. – № 4 (408). – С. 3–14.
- [12] Гришин, Н. В. Сетевой подход и изучение наднациональной системы управления выборами : пример европейского союза / Н. В. Гришин. – DOI 10.31429/26190567-20-2-6-15. – Текст : непосредственный // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 6–15.
- [13] Каукунова, Т. В. Потенциал сетевого подхода в анализе межэтнических конфликтов / Т. В. Каукунова. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 70–78.
- [14] Градосельская, Г. В. Сетевые измерения в социологии : учебное пособие / Г. В. Градосельская ; под редакцией Г. С. Батыгина. – Москва : Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 248 с. – Текст : непосредственный.
- [15] Ткачев, Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве / Д. Ш. Ткачев – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 1. – С. 78–91.
- [16] Шенцева, Е. А. Сетевой подход : истоки и перспективы / Е. А. Шенцева. – Текст : непосредственный // Идеи и идеалы. – 2012. – Т. 2, № 2. – С. 48–57.
- [17] Наумова, О. В. Технологии сетевого управления в контексте социокультурных изменений / О. В. Наумова. – DOI 10.24158/fik.2017.7.33. – Текст : непосредственный // Общество : философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 143–146.
- [18] Пауэлл, У. Сети и хозяйственная жизнь / У. Пауэлл, Л. Смит-Дор. – Текст : непосредственный // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4, № 3. – С. 61–105.
- [19] Хакен, Г. Информация и самоорганизация : макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен ; перевод с английского. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : URSS : Ленанд, 2014. – 317 с. – Перевод изд. : *Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems* / Hermann Haken. 1988. – Текст : непосредственный.
- [20] Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов : генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публикация / Под редакцией Н. И. Лапина. – Москва : Academia. – 2005. – 909 с. – Текст : непосредственный.
- [21] Рубцова, М. В. Управляемость как основополагающая социолого-управленческая категория / М. В. Рубцова. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 320. – С. 53–57.

- [22] Виттих, В. А. Концепция управления открытыми организационными системами / В. А. Виттих. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 1999. – Т. 1, № 1. – С. 55–76.
- [23] Пожидаев, Р. Г. Сетевой подход в управлении регионом / Р. Г. Пожидаев – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : экономика и управление. – 2017. – № 2. – С. 71–75.
- [24] Сморгунов, Л. В. Политические сети : теория и методы анализа : учебник для студентов вузов / Л. В. Сморгунов, А. С. Шерстобитов. – Москва : Аспект Пресс. – 2014. – 320 с. – Текст : непосредственный.
- [25] Rhodes, R. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches / R. Rhodes. – Direct text // Policy Network in British Government. – Oxford : Clarendon Press, 1992. – P. 8–10.
- [26] Михайлова, О. В. Сети в политике и государственном управлении : монография / О. В. Михайлова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва : Университетская книга, 2013. – 330 с. – Текст : непосредственный.
- [27] Eden, C. The Negotiation of Purpose in Multi-Organizational Collaborative Groups / C. Eden, C. Huxham. – DOI 10.1111/1467-6486.00241. – Direct text // Journal of Management Studies. – 2001. – Vol. 38, Issue 3. – P. 373–391.
- [28] Баджо, Р. Сетевой подход в экономике и управлении : междисциплинарный характер / Р. Баджо, М. Ю. Шерешева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 6 : Экономика. – 2014. – № 2. – С. 3–21.

References

- [1] Savinov, L. I., Bistyaikina, D. A., & Solovieva, T. V. (2018). The aging of the population and the formation of the population needs in social services. University proceedings. Volga region. Social sciences, (2(46)), pp. 98-106. (In Russian). DOI: 10.21685/2072-3016-2018-2-12
- [2] Eakin, T., & Witten, T. M. (2018). Mechanics of population aging and survival. Biogerontology, 19(3-4), pp. 251-269. (In English).
- [3] Barkov, S. A., Markeeva, A. V., & Kolodeznikova, I. V. (2022). Employment of the elderly: social imperatives and barriers in contemporary Russia. Rudn journal of sociology, 22(1), pp 97-112. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112
- [4] Laufer, R. S., & Bengston, V. L. (1974). Generations, aging and social stratification: on the development of generational units. Journal of Social Issues, 30(3), pp. 180-192. (In English). DOI: 10.1111/j.1540-4560.1974.tb00733.x
- [5] Sorokin, G. G., & Fokina, E. N. (2019). Gerontoobrazovanie: Institutional Analysis. News from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 9-16. (In Russian).
- [6] Osipov, G. V., & Moskvichev, L. N. (Eds) (2008). Sotsiologicheskii slovar'. Moscow, Norma Publ., 606 p. (In Russian).

- [7] Abercrombie, N., Hill, S., & Turner, B. S. (1984). *The Penguin Dictionary of Sociology*. London, Penguin Publ., 266 p. (In English).
- [8] Castells, M., & Inozemtsev, V. L. (Ed.) (1999). *Stanovlenie obshchestva setevykh struktur. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya*. Moscow, Academy Publ., pp. 494-505. (In English).
- [9] Obukhov, K. N. (2008). Network as the social structure: model of net communication in manuel Castell's theory. *Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, (1), pp. 107-110. (In Russian).
- [10] Davydova, N. N., Dorozhkin, E. M., & Fedorov, V. A. (2016). *Scientific and educational networks: theory, practice*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 481 p. (In Russian).
- [11] Maltseva, D. V. (2018). Network approach as a phenomenon in sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (4(408)), pp. 3-14. (In Russian). DOI: 10.7868/S0132162518040013
- [12] Grishin, N. V. (2019). Network approach and the study of electoral governance at the supranational level: the case of the European Union. *South Russian journal of social sciences*, 20(2), pp. 6-15. (In Russian). DOI: 10.31429/26190567-20-2-6-15
- [13] Kaukenova, T. V. (2011). Potential of the network approach in the analysis of ethnic conflicts. *Ideas and ideals*, 2(3), pp. 70-78. (In Russian).
- [14] Gradosel'skaya, G. V. (2004). *Setevye izmereniya v sotsiologii*. Moscow, Novyy uchebnyk Publ., 248 p. (In Russian).
- [15] Tkachyov, D. Sh. (2006). Particular features of the functioning of institutions and social nets on the post-Soviet expanse. *Polis. Political studies*, (1), pp. 78-91. (In Russian).
- [16] Shentseva, E. A. (2012). Network approach: origins and prospects. *Ideas and ideals*, 2(2), pp. 48-57. (In Russian).
- [17] Naumova, O. V. (2017). Network management technology in the context of social and cultural changes. *Society: philosophy, history, culture*, (7), pp. 143-146. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2017.7.33
- [18] Smelser, N. J., & Swedberg, R. (Eds) (1994). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, Princeton University Press Publ., pp. 367-402. (In English).
- [19] Haken, H. (1988). *Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems*. Germany, Springer-Verlag Berlin Heidelberg Publ., 196 p. (In English). DOI: 10.1007/978-3-662-07893-8
- [20] Lapin, N. I. (Ed.) (2005). *Sotsial'naya organizatsiya promyshlennogo predpriyatiya: sootnoshenie planiruemykh i spontannykh protsessov: general'nyy proekt IKSI AN SSSR (1968-1973). Pervaya publikatsiya*. Moscow, Academia Publ., 909 p. (In Russian).
- [21] Rubtsova, M. V. (2009). Manageability as a fundamental category of sociology of management. *Tomsk State University journal*, (320), pp. 53-57. (In Russian).
- [22] Vittikh, V. A. (1999). Conception of open organizational systems control. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 1(1), pp. 55-76. (In Russian).
- [23] Pozhidaev, R. G. (2017). Network approach in regional management. *Proceedings of Voronezh State University. Series: economics and management*, (2), pp. 71-75. (In Russian).

- [24] Smorgunov, L. V., & Sherstobitov, A. S. (2014). Politicheskie seti: Teoriya i metody analiza. Moscow, Aspect Press Publ., 320 p. (In Russian).
- [25] Rhodes, R. (1992). Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches. Policy Network in British Government. Oxford, Clarendon Press Publ, pp. 8-10. (In English).
- [26] Mikhaylova, O. V. (2013). Seti v politike i gosudarstvennom upravlenii. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 330 p. (In Russian).
- [27] Eden, C., & Huxham, C. (2001). The Negotiation of Purpose in Multi-Organizational Collaborative Groups. Journal of Management Studies, 38(3), pp. 373-391. (In English). DOI: 10.1111/1467-6486.00241
- [28] Baggio, R., & Sheresheva, M. Yu. (2014). Network approach in economics and management: the interdisciplinary nature. Moscow University economics bulletin, (2), pp. 3-21.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

УДК 316.7

DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-104-117

Социокультурная активность молодежи: особенности саморегуляции (на материале анкетных данных г. Тюмени)

Валентина Владимировна Юдашкина, Ольга Евгеньевна Яцевич

Кафедра иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Социокультурная активность рассматривается как один из видов социальной активности и как форма общекультурной социализации молодежи. В данной статье анализируются особенности саморегуляции социокультурной активности молодежи города Тюмени. Данные эмпирических исследований раскрывают факторы, интенсивность и динамику социокультурной активности студенчества.

Особенности деятельности молодежи города Тюмени отражают локальные образцы культурной жизни и социокультурных практик в сравнительном срезе. На основе проведенного анкетирования молодежи в возрасте от 17 до 29 лет показаны возрастные различия социокультурных практик в структуре досуговой деятельности городской молодежи.

Методологическая база исследования строится на концепции отечественных исследователей Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, изучавших социокультурную саморегуляцию жизнедеятельности молодежи; феноменологической дескрипции культурных практик молодых людей. Авторы конкретизируют смысловое восприятие культуры молодежью в контексте классической теории ценностей. Особое место в статье занимает раздел, посвященный проблемам саморегуляции культурной жизни молодежи в городе.

Ключевые слова: молодежь, культура, культурные практики, социокультурная активность, саморегуляция, ценности

Для цитирования: Юдашкина, В. В. Социокультурная активность молодежи: особенности саморегуляции (на материале анкетных данных г. Тюмени) / В. В. Юдашкина, О. Е. Яцевич. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-3-104-117 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 104–117.

Sociocultural activity of youth: features of self-regulation (a case study of questionnaire details of Tyumen residents)

Valentina V. Yudashkina, Olga E. Yatsevich

Department of Foreign Languages, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. Sociocultural activity is considered as a type of social activity and as a form of general cultural socialization of youth. This article analyzes the self-regulation of sociocultural activity of youth in Tyumen. Empirical research data emphasize the factors, intensity and dynamics of sociocultural activity of students.

Features of the youth's cultural activity represent local samples of cultural life and cultural practices of the youth of the city in a comparative cross-section. On the basis of a survey of youth in Tyumen, who are 17 to 29 years old, age differences of cultural practices in the structure of leisure activities of urban youth are shown; involvement in activity forms of culture and their difference in the youth environment as a whole.

The methodological foundations are based on the concept of domestic researchers Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov, who studied the sociocultural self-regulation of young people's lives. The authors concretize the semantic perception of culture by young people, which doesn't go against the classical theory of values. Much attention in the article is given to the self-regulation of the cultural life of young people in Tyumen.

Keywords: youth, culture, cultural practices, sociocultural activity, self-regulation, values

For citation: Yudashkina, V. V., & Yatsevich, O. E. (2022). Sociocultural activity of youth: features of self-regulation (a case study of questionnaire details of Tyumen residents). Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 104-117. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-3-104-117

Введение

Социокультурное пространство современного города характеризуется значительными информационными и коммуникативными возможностями, предоставляя молодежи не только разнообразные способы поведения, но и стимулируя социокультурное участие в организованных и спонтанных социальных сообществах, акциях и мероприятиях. При этом показателем успешности индивида и социальной группы является способность стремительно и в соответствии с изменением ситуации переключаться с одной модели поведения на другую в случае необходимости. Быстрый анализ ситуации, тенденций ее изменения, умение адаптироваться к новым условиям, сохраняя возможность достижения поставленных целей, требуют от индивида навыков регулирования своего поведения. Регуляция в данном случае маркирует способность индивида или группы соотносить поведение с внешней средой и своими возможностями.

Поскольку объектом регуляции является собственная модель поведения, то закономерно использование термина «саморегуляция». Готовность к саморегуляции выражается прежде всего в возможности действовать эффективно в меняющихся условиях жизнедеятельности индивида.

Саморегуляция формируется и проявляется в социальной активности молодых людей. Сегодня социальная активность городской молодежи не только стала показателем качества общественных отношений, но и проявлением естественной хорошо зарекомендовавшей себя социокультурной практики. Исследователи Ю. А. Зубок, Д. Ю. Нархов, В. И. Чупров признают, что уровень такой активности влияет на социокультурное пространство города, молодежь определяет перспективы его развития и является значимым фактором актуальных изменений [1; 2]. В свою очередь, социальная активность молодежи может регулироваться разными механизмами, как институционально закрепленными образцами (нормами, правилами, характерными для общества), так и саморегуляционными процессами. Следовательно, если институциональное регулирование основано на целенаправленной выработке формализованных норм, то саморегуляционные механизмы являются результатом собственного мировоззренческого выбора молодежи [3]. Основу саморегуляции составляют социокультурные представления молодежи — ее мировоззренческие ориентационные комплексы (тезаурусы по В. А. Лукову), определяющие смысловое содержание и направленность социальной

активности [4–6]. В процессе саморегуляции смыслы, которые были сформированы у молодого человека, преобразуются в поведенческие установки, закрепляются в социальных практиках и определяют поведение индивида. «Опривыченные» смыслы становятся частью установки — тем основанием, отталкиваясь от которого, молодые люди регулируют направленность своей активности. В. И. Чупров предлагает рассматривать действие механизма саморегуляции как позитивное влияние на изменение социального положения и поведения молодежи [7].

Российские социологи Ю. А. Зубок и В. И. Чупров предложили интерпретировать дефиницию социальной саморегуляции через «упорядочение социальных связей, взаимодействий, отношений» [8], которое достигается в результате функционирования социальных институтов и социокультурной активности сообщества.

Но если в психологии в качестве субъекта саморегуляции в первую очередь рассматривается индивид [9–11], то в социологических концепциях таковыми являются общество и социальная группа. В качестве субъекта саморегуляции общество определяет стратегию развития, национальные интересы и потребности, а социальная группа/социальное сообщество создает пространство для выбора направления саморегуляции и проявления социальной активности. На молодежное сообщество в процессе социализации оказывают влияние социальные институты и сообщество. При этом, следуя логике Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, социальные институты теряют монополию по формированию базовых культурных ценностей и контроль за их освоением, но приобретают функцию активизации творческого потенциала, самоорганизации молодых людей [8]. Таким образом, можно сделать логический вывод о том, что базовые институты определяют стратегию социализации молодого поколения и обеспечивают переход молодежи из статуса объекта регулирования в статус субъекта саморегуляции. В понятие «субъект» саморегуляции включается прежде всего способность молодых людей к активной деятельности, выстраиванию реальных отношений с окружающей действительностью, отстаиванию своих интересов, реализации своих возможностей.

Создание условий для такого перехода отвечает не только интересам молодых людей, но и соответствует целям устойчивого эволюционирования общества, с прицелом на перспективное развитие городов, где молодежь наделяется полномочиями для внесения предложений локального масштаба, которые бы содействовали гармоничному функционированию города. Человек регулярно сталкивается с ситуациями выбора видов активности, необходимой для совершения действий, но не каждый вид активности непосредственно направлен на удовлетворение потребностей и мотивов человека. Саморегуляция делает возможным воплощение задуманных целей, используя потенциал человека, направленный на достижение личных и социально значимых целей [12].

Приоритетная задача органов управления — вовлечение молодежных сообществ в социальные и культурные проекты по комплексному развитию городов, сохранению их наследия и культурной идентичности, а также конструктивные социальные практики, которые являются значимыми как для самой молодежи, так и для социокультурного развития современного города.

Цель статьи — изучить социокультурную активность молодых людей как внутреннего ресурса эволюционирования городских территорий; соотнести основные направления социокультурной активности с имеющимися особенностями саморегуляции.

Методы исследования

Комплексный междисциплинарный характер работы обусловил использование следующих *методологических подходов*:

- *социокультурный подход*, позволяющий выделить особенности активности/пассивности молодых людей города Тюмени в возрасте 17–29 лет;
- *феноменологический подход*, выявляющий локальные особенности досуговых видов молодежи; ценностные основания, на которых базируется деятельность молодежи города Тюмени;
- *аксиологический подход*, базирующийся на индивидуальных иерархических ценностях респондентов Тюменского индустриального университета.

В качестве частнонаучного метода были использованы следующие:

- *анализ* анкетных данных обучающихся молодых людей Тюменского индустриального университета в возрасте 17–29 лет с использованием квотной выборки; анкетирование проводилось на платформе Survio; данные обрабатывались с помощью программы SPSS Statistics 23.0;
- *синтез*, позволяющий объединить анализ и интерпретировать ответы респондентов для получения нового результата, показывающего особенности саморегуляции молодежи города Тюмени.

Результаты и обсуждение

Культура является многогранным регулятором социальных взаимодействий и объектом выбора и конструирования деятельности молодежи. Основанием для выбора является аксиологическая составляющая культуры, которая имеет для молодого человека самоценное значение в тех случаях, когда культура рассматривается им не только как средство, но и как способ достижения целей. Для исследования саморегуляции культурной жизни молодежи целесообразен анализ когерентных связей ценностных оснований культуры с досуговой деятельностью молодых людей. По мнению авторов, «социокультурная активность населения способствует динамическому обновлению и совершенствованию культуры, обеспечивая ее преемственность и целостность» [13].

В статье использованы результаты анкетного опроса, составленного для проекта «Практики проведения досуга и участие в культурных мероприятиях», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». В опросе, проведенном в апреле–мае 2022, принимали участие обучающиеся Тюменского индустриального университета очной и заочной форм обучения в возрасте 17–29 лет. Был использован простой случайный отбор по схеме бесповторного отбора ($N = 136$). Распределение респондентов по возрасту и полу, а также по полу и образованию приведено в таблице 1.

Таблица 1

Половозрастной состав респондентов

Пол	Возраст по группам			Всего
	17–19	20–25	26–29	
Мужской	19	19	16	54
Женский	31	27	24	82
Всего	50	46	40	136

Количество респондентов женского пола превалировало, что объясняется демографической статистикой Евразийского региона: по данным Росстата на 2021 год, количество представителей женского пола больше чем мужского.

Большая часть опрашиваемых имеет среднее школьное образование (56 человек) или получила среднее специальное образование (43 человека). Кроме этого, в опросе участвовали обучающиеся очного и заочного отделения университета (37 человек), причем последние в большей своей части имеют постоянное место работы.

На разных исторических этапах становления общества люди по-разному относились к одним и тем же ценностям, выстраивая их в иерархию. Согласно исследованиям Н. И. Лапина, проведенным в 1990 и 1994 годах, базовыми ценностями общества стали самооценность жизни, свобода, забота о близких и слабых, взаимопомощь, спокойная совесть и др. [14].

Изучением ценностей занимались многие ученые: А. Г. Здравомыслов [15], С. Н. Иконникова [16], Д. А. Кикнадзе [17], В. Т. Лисовский, [18], А. В. Маргулис [19], О. В. Сорокин [20], В. А. Ядов [21]. Ученые изучали и классифицировали ценности с учетом их изменения во времени; выстраивали их иерархию; разграничивали ценности различных социальных и возрастных групп. Одни ценности становятся значимыми, а другие, наоборот, теряют свою важность для сообщества, что диктуется социальными и не только трансформациями в обществе. При этом культура в процессе саморегуляции отвечает за формирование стандартов поведения в обществе. В качестве базовых смысло-жизненных ценностей О. В. Сорокин называет свободу и справедливость, имеющих большое значение для молодежи [20].

М. Рокич предложил использовать понятие терминальных и инструментальных ценностей, где первые выражают важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей (ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и аналогичные им). Инструментальные ценности содержат одобряемые в конкретном обществе или иной общности средства достижения целей (нравственные нормы поведения, качества, способности людей (такие как независимость, инициативность, авторитетность и др.) [22].

Результаты научной деятельности М. Рокича послужили отправной точкой для исследователей мирового сообщества проблемы ценностей, поскольку каждый последующий ученый предлагает собственные критерии для определения ценностей. Так, отечественные социологи Ю. А. Зубок, В. И. Чупров анализировали особенности само-

регуляции молодежи в малых городах; влияние саморегуляции на жизнедеятельность молодежи; аксиологические основания, которыми руководствуется молодое поколение для определения того или иного вида активности [1; 23].

В нашем исследовании респондентам предлагалось обозначить наиболее значимые для себя ценности (табл. 2.).

Таблица 2

Ценности молодежи

Какие ценности, на Ваш взгляд, являются наиболее важными в жизни человека? (Выберите, пожалуйста, не более 3 вариантов ответов)	Распределение ответов, в %
Семейное счастье	90,2
Власть, возможность руководить другими людьми	90,2
Слава, всеобщее признание	87,8
Возможность реализовывать свои таланты	68,4
Личная свобода и независимость	66,2
Настоящая любовь	61,8
Материальная обеспеченность	60,2
Верные друзья	59,6
Здоровье	58,8
Возможность приносить пользу другим	48,8
Интересная работа	45,4
Карьера	40,8

Выбранные ценности можно разделить на 2 группы: терминальные (счастье, здоровье, любовь, социальное признание, ощущение достижения) и инструментальные (амбициозность, склонность к поощрению, стремление прийти на помощь, независимость). Наибольшее количество голосов набрали варианты ответов «семейное счастье», «власть, возможность руководить другими людьми» и «слава, всеобщее признание». Согласно анкетированию, молодым людям важно социальное признание, возможность заявить о себе, реализовать свои таланты, при этом карьера и интересная работа не являются основным средством для самореализации и признания. Вариант «личная свобода, независимость» набрал 66,2 %, что говорит о том, что большинство молодых людей стремится к самостоятельности в принятии решений. Несмотря на существующее мнение о том, что для современной молодежи очень важно материальное благополучие, такой ответ занял лишь седьмую строку и набрал 60,2 % голосов. Самыми непопулярными оказались ответы «возможность приносить пользу другим», «интересная работа» и «карьера», что свидетельствует об изменении социальных векторов в сравнении с советским временем [14; 21] и консументным обществом, с которым мы имеем дело на данный момент. Такое качество, как альтруизм, также не характерно для молодых людей, реализовывать свои собственные интересы для них важнее, чем «приносить пользу другим».

Далее были проанализирована социокультурная досуговая деятельность молодежи, охватывающая свободное время, активный или пассивный досуг (табл. 3).

Таблица 3

Формы досуга молодежи (в % к числу опрошенных)

Форма досуга	Возраст		
	17–19	20–25	26–29
Провожу время за компьютером в свободное время	32	41,3	37,5
Читаю в свободное время	24	26,1	22,5
Занимаюсь спортом в свободное время	28	39,1	32,5
Хожу в кино, театр, на выставки и пр. в свободное время	26,5	39,1	35
Общаюсь с друзьями в компании в свободное время	50	63	60
Занимаюсь повышением образования, осваиваю новые полезные навыки, хожу на курсы в свободное время	8	15,2	7,5
Лежу на диване, сплю	20	23,9	17,5
Смотрю телевизор	44	37	37,5

Ответы респондентов позволяют наглядно выделить наиболее распространенные формы социокультурной жизни молодежи, а также сделать вывод об иерархии культурных потребностей и интересов. Самым популярным времяпрепровождением были названы общение с друзьями, просмотр телевизора и проведение времени у компьютера. Ответы «хожу в кино...» и «занимаюсь спортом» занимают второе место по популярности. Наименьшее количество голосов набрали варианты «занимаюсь повышением образования...», «лежу на диване, сплю» и «читаю в свободное время». Таким образом, можно сделать вывод о том, что пассивный отдых у молодежи более популярен, чем активный. Активность, направленная на социокультурное развитие, повышение образования, улучшение физической формы, ниже, чем активность, направленная на общение с друзьями, просмотр телевизора или время, проведенное перед компьютером.

Анкетирование показало, что молодежь в возрасте 20–25 лет проявляет самую высокую социокультурную активность. Эта тенденция связана с периодом обучения в университете, поиском работы, созданием семьи, когда молодым людям нужно проявить себя, заявить о себе, участвуя в социокультурной жизни.

Также анкетирование выявило тенденцию снижения общего уровня активности после 26 лет, что связано с изменением социальных ролей молодежи — профессиональной деятельностью, карьерным ростом, созданием семьи, рождением детей.

Можно говорить о низкой социокультурной активности молодежи в возрасте 17–19 лет. Только 8 % опрашиваемых молодых людей занимаются самообразованием, и только 24 % респондентов предпочитают читать художественную литературу в свободное время. Лишь треть молодых людей занимается спортом, посещает театр и кино.

О том, насколько значима та или иная социокультурная активность для молодежи, можно судить по времени, затраченному молодежью на реализацию той или иной

досуговой активности. Прежде всего, выделяется доля респондентов, досуг которых не включает вовсе или включает в незначительной степени некоторые из перечисленных видов культурной жизни. Затраты времени на досуговую активность представлены в таблице 4.

Таблица 4

Затраты времени на досуговую деятельность

Форма досуга	Варианты ответов, в %				
	Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Никогда
Как часто Вы смотрите телевизор?	11,2	20,9	15,7	6	40
Как часто вы используете социальные сети/Интернет?	91	3,6	1,5	0,7	2,9
Как часто Вы посещаете музеи, театр, бываете на выставках, театральных представлениях?	0	2,1	2,9	29,7	64,5
Как часто Вы занимаетесь спортом?	2	23,6	17,4	18,9	38,1
Как часто Вы общаетесь с друзьями?	85	10	2	3	0
Как часто Вы читаете художественную литературу?	8,1	13,2	25	21	40,4
Как часто Вы посещаете кинотеатр?	0	0	28,1	50	21,9
Как часто Вы слушаете музыку?	8,8	44,8	10,4	4,5	1,5

Согласно анкетированию, 64,5 % молодых людей не посещают музеи и выставки, 40,4 % — не читают художественную литературу, 38,1 % — не занимаются спортом. Таким образом, эти формы культурной жизни слабо реализуются молодежью.

Самое популярное времяпрепровождение у молодежи — общение с друзьями, прослушивание музыки и интернет-серфинг.

Было проанализировано время за сутки, проведенное за просмотром телевизора или в Интернете. Анкетирование выявило, что 78 % респондентов проводят в Интернете от 2 до 5 часов, 28,9 % опрошиваемых проводит это время за просмотром телевизора. Процент тех, кто не использует Интернет, составил 2,3 %, не смотрит телевизор — 21,5 %.

Социокультурная жизнь молодежи связана не только с тем, как молодые люди проводят свое свободное время, но и с их навыками и умениями. Культурные навыки и умения позволяют включать молодежь в социокультурные практики, формировать их культурные компетенции.

Анкетирование показало, что социокультурная деятельность молодых людей крайне низкая, только единицы умеют играть на музыкальных инструментах, петь, тан-

цевать, рисовать, занимаются садоводством. Вариант «занимаюсь рукоделием, мастерию» не выбрал ни один из опрошенных.

Также были проанализированы причины пассивности в молодежных группах в процентном соотношении (табл. 5).

Таблица 5

Причина, которая мешает проводить свободное время так, как бы хотелось

Причина пассивности	Возраст		
	17–19	20–25	26–29
Не хватает времени, все время отнимают работа и другие дела	60	43,5	50
Не хватает денег	38	45,7	40
Нет рядом с домом ничего подходящего, слишком далеко ездить	24	17,4	25
Общая усталость, отсутствие настроения	8	8,7	7,5
Собственная пассивность, лень	8	10,9	5
Не знаю, что и где происходит, куда и на что интересно пойти	2	6,5	5

Основная причина пассивности — нехватка времени, такой вариант ответа выбрали от 43,5 до 60 % молодых людей в зависимости от возраста. Вторым по популярности был ответ «не хватает денег». При этом количество молодых людей в возрасте 17–19 лет реже выбирали такой ответ, чем более взрослые респонденты. Это можно объяснить тем, что в этом возрасте молодым людям помогают родители, пока у них нет своей семьи. Вариант «собственная пассивность, лень» набрал от 5 до 10,9 %, что может свидетельствовать о том, что это не основная причина пассивности молодых людей. Последним по популярности был ответ про отсутствие информации, что доказывает осведомленность молодых людей о жизни города.

Также авторы проанализировали самоощущение и самовосприятие самих молодых людей, чувствуют ли они свою пассивность, изолированность (табл. 6).

Таблица 6

Самоощущение молодых людей

Возраст по группам	Какое из следующих высказываний точнее всего описывает Ваше самоощущение сегодня?				
	Исключен/а из жизни общества, невостребованный, одинокий человек	Дом и семья придают главный смысл моей жизни	Чувствую себя на своем месте только на работе, среди коллег	Активно включен/а в жизнь общества, востребован/а своим сообществом	Затрудняюсь ответить
17–19	2	49	21	22	6
20–25	2,2	32,9	8,4	46,7	8,9
26–29	2,4	41,5	17,8	33,8	6,6

Согласно анкетированию, вариант «исключен из жизни общества, невостребованный одинокий человек» выбрали 2–2,4 % опрошенных. А вариант «активно включен в жизнь общества, востребован своим сообществом» выбрали 22–46,7 % респондентов. Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что молодые люди удовлетворительно оценивают свою социокультурную активность.

Выводы

В условиях глобализации множатся культурные стандарты, особенно те, которые касаются потребления, представлений об успешной жизни, самореализации, происходит разрыв возможностей, который наиболее ощущается в молодежной среде. Проанализировав результаты данных опроса, можно говорить о несоответствии современных стандартов образа жизни и невозможности им следовать. Интерпретируя ответы респондентов, можно сделать вывод о том, что современная городская молодежь готова участвовать и проявлять активность, но в силу нехватки средств, времени, недостаточной культурной инфраструктуры остается пассивной. Как следствие, молодежь утрачивает внутреннюю связь с культурой, поскольку культура в таком случае уже не является ни потребностью, ни традицией (она демонтирована), национальные особенности культуры шлифуются, что приводит к их утрате.

Таким образом, анализ проведенного анкетирования позволяет определить суть, сущность и роль потребностей, интересов и ценностей в культурной жизни обучающейся молодежи города Тюмени. Социокультурная активность молодежи имеет локальные особенности саморегуляции, влияющие и определяющие направление активности молодого человека в культурном пространстве, но исключающие указание способа преобразования активности в практической плоскости.

Интересы молодых людей, касающиеся культурной стороны жизни, могут быть реализованы при условии создания факторов, способствующих их реализации. Культурная жизнь приобретает особые смыслы, если она опирается на ценностные основания, благодаря чему наполняется множеством сопутствующих составляющих, которые выполняют роль социокультурных посредников и позволяют молодым людям выступать в качестве саморегулирующего элемента, определяющего характер связи с жизнедеятельностью молодежи в целом.

Культура в жизни молодежи играет важную роль и имеет сложную анатомическую структуру, состоящую из вереницы разнообразных потребностей и интересов, которые с аксиологической точки зрения способны регулировать культурную жизнь молодежи, что указывает на саморегулирующиеся особенности молодых людей, которые формируют не только бережное отношение к культуре, но и способствуют созданию ценностного отношения к культуре, невзирая на трансформирующуюся социальную реальность.

Список источников

- [1] Зубок, Ю. А. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов : особенности саморегуляции / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.11. – Текст : непосредственный // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 140–156.
- [2] Саморегуляция общественной активности студентов в условиях цифровизации социального пространства / Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Л. В. Мишин, Е. П. Мельникова. – DOI 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36. – Текст : непосредственный // Siberian Socium. – 2021. – Т. 5, № 1 (15). – С. 20–36.
- [3] Зубок, Ю. А. Социальная активность молодежи : мировоззренческие основания саморегуляции / Ю. А. Зубок, Ю. В. Березутский. – DOI 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105. – Текст : непосредственный // Власть и управление на Востоке России. – 2020. – № 2 (91). – С. 89–105.
- [4] Луков, В. А. Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира : научная монография / В. А. Луков, Вл. А. Луков. – Москва : Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2013. – 640 с. – Текст : непосредственный.
- [5] Социология молодежи : электронная энциклопедия / Под редакцией В. А. Лукова. – Текст : электронный. – URL: <http://soc-mol.ru/> (дата обращения: 19.06.2022).
- [6] Ковалева, А. И. Тезаурусная концепция молодежи Вал. А. Лукова / А. И. Ковалева, В. А. Гневашева, Н. А. Селиверстова. – Текст : электронный // Социология молодежи : электронная энциклопедия. – URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-konceptsiya.html> (дата обращения: 19.06.2022).
- [7] Чупров, В. И. Молодежь : саморегуляция как антикризисная стратегия / В. И. Чупров. – Текст : непосредственный // Социальная политика и социология. – 2009. – № 2 (44). – С. 194–206.
- [8] Ученые записки ФНИСЦ РАН / Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН ; ответственный редактор М. К. Горшков. – Выпуск 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи : исследование социокультурного механизма. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2020. – 48 с. – Текст : непосредственный.
- [9] Карпов, А. В. Психология сознания : метасистемный подход / А. В. Карпов ; Государственная академия наук, Российская академия образования. – Москва : Издательский дом Российской академии образования, 2011. – 1086 с. – Текст : непосредственный.
- [10] Конопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / О. А. Конопкин. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5–12.
- [11] Моросанова, В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции : феномен, структура и функции в произвольной активности человека / В. И. Моросанова ; Российская академия образования. – Москва : Наука, 2001. – 192 с. – Текст : непосредственный.
- [12] Ким, А. Э. Взаимосвязь между видами самоотношения и саморегуляцией лениости у молодых людей с разной выраженностью саморегуляции поведения / А. Э. Ким. – Текст : электронный // Психолог : электронный журнал. – 2021. – № 6. – С. 28–39. – URL: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37141>. – Дата публикации: 21.12.2021.

- [13] Социокультурная активность во время пандемийных ограничений : опыт Германии / О. Е. Яцевич, В. В. Юдашкина, Л. Н. Шабатура, Н. А. Ткачева. – Текст : непосредственный // Российский экономический вестник. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 56–62.
- [14] Лапин, Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3–23.
- [15] Здравомыслов, А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – Москва : Политиздат, 1986. – 222 с. – Текст : непосредственный.
- [16] Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России : учебное пособие / В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, М. А. Ермошкина, А. А. Скородумов ; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2000. – 519 с. – (Библиотека гуманитарного университета). – Текст : непосредственный.
- [17] Кикнадзе, Д. А. Система факторов действия и развития личности / Д. А. Кикнадзе. – Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1982. – 227 с. – Текст : непосредственный.
- [18] Лисовский, В. Т. «Отцы» и «дети» : за диалог в отношениях (размышление социолога о преемственности поколений) / В. Т. Лисовский. – Текст : непосредственный // СОЦИС. – 2002. – № 7. – С. 111–116.
- [19] Маргулис, А. В. Диалектика деятельности и потребностей общества / А. В. Маргулис ; Министерство просвещения РСФСР, Белгородский государственный педагогический институт им. М. С. Ольминского. – Белгород, 1972. – 94 с. – Текст : непосредственный.
- [20] Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; перевод с английского, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Москва : Академический проект, 2017. – 964 с. – (Теории общества). – Перевод изд.: Social & Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships / Pitirim Sorokin. New York, 1985. – Текст : непосредственный.
- [21] Здравомыслов, А. Г. Личность и ее ценностные ориентации / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. – Текст : непосредственный // Информационный бюллетень. Серия : Материалы и сообщения. – Москва : Институт конкретных соц. исследований АН СССР, 1969. – 122 с.
- [22] Рокич, М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – Текст : непосредственный // Свободная пресса. – 1973. – № 5. – С. 20–28.
- [23] Zubok, Yu. A. Молодежь в культурном пространстве : саморегуляция жизнедеятельности : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Москва : Норма, 2020. – 304 с. – Текст : непосредственный.

References

- [1] Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2020). Cultural life and cultural practices of young people in small towns: features of self-regulation. Knowledge. Understanding. Skill, (3), pp. 140-156. (In Russian). DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11

- [2] Narkhov, D. Yu., Narkhova, E. N., Mishin, L. V., & Melnikova, E. P. (2021). Self-regulation of students' public activity during the digitalization of the social space. *Siberian Socium*, 5(1(15)), pp. 20-36. (In Russian). DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36
- [3] Zubok, Yu. A., & Berezutskiy, Yu. V. (2020). Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Power and administration in the East of Russia*, 2(91), pp. 89-105. (In Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105
- [4] Lukov, V. A., & Lukov, Vl. A. (2013). *Tezaurusy II: Tezaurusnyy podkhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira*. Moscow, Natsional'nyy institut biznesa Publ., 640 p. (In Russian).
- [5] Lukov, V. A. (Ed.) (2022). *Sotsiologiya molodezhi: elektronnyaya entsiklopediya*. (In Russian). Available at: <http://soc-mol.ru/>
- [6] Kovaleva, A. I., Gnevasheva, V. A., & Seliverstova, N. A. *Tezaurusnaya kontseptsiya molodezhi* Val. A. Lukova. (In Russian). Available at: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/173-tezaurusnaya-koncepciya.html>
- [7] Chuprov, V. I. (2009). *Molodezh': samoregulyatsiya kak antikrizisnaya strategiya*. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, (2(44)), pp. 194-206. (In Russian).
- [8] Gorshkov, M. K. (Ed.) (2020). *Uchenye zapiski FNISTS RAN. Vypusk 7. Samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti molodezhi: issledovanie sotsiokul'turnogo mekhanizma*. Moscow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ., 48 p. (In Russian).
- [9] Karpov, A. V. (2011). *Psikhologiya soznaniya: metasistemnyy podkhod*. Moscow, Russian Academy of Education Publ., 1086 p. (In Russian).
- [10] Konopkin, O. A. (1995). *Psikhicheskaya samoregulyatsiya proizvod'noy aktivnosti cheloveka (strukturno-funktsional'nyy aspekt)*. *Voprosy psikhologii*, (1), pp. 5-12. (In Russian).
- [11] Morosanova, V. I. (2001). *Individual'nyy stil' samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvod'noy aktivnosti cheloveka*. Moscow, Nauka Publ., 192 p. (In Russian).
- [12] Kim, A. E. (2021). Interrelation between the types of self-attitude and self-regulation of laziness in young individuals with different degree of self-regulation of behavior. *Psikholog*, (6), pp. 28-39. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37141>
- [13] Yatsevich, O. E., Yudashkina, V. V., Shabatura, L. N., & Tkacheva, N. A. (2022). Socio-cultural activity during pandemic restrictions: the Germany experience. *Russian Economic Bulletin*, 5(2), pp. 56-62. (In Russian).
- [14] Lapin, N. I. (1996). Modernization of the basic values of Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (5), pp. 3-23. (In Russian).
- [15] Zdravomyslov, A. G. (1986). *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti*. Moscow, Politizdat Publ., 222 p. (In Russian).
- [16] Lisovskiy, V. T., Ikonnikova, S. N., Ermoshkina, M. A., & Skorodumov, A. A. (2000). *Dukhovnyy mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii*. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 519 p. (In Russian).
- [17] Kiknadze, D. A. (1982). *Sistema faktorov deystviya i razvitiya lichnosti*. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ., 227 p.

- [18] Lisovskiy, V. T. (2002). "Ottsy" i "deti": za dialog v otnosheniyakh (razmyshlenie sotsiologa o preemstvennosti pokoleniy). SOTSIS, (7), pp. 111-116. (In Russian).
- [19] Margulis, A. V. (1972). Dialektika deyatel'nosti i potrebnostey obshchestva. Belgorod, 94 p. (In Russian).
- [20] Sorokin, P. (1985). Social & Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law, and Social Relationships. 1st edition. New York, 720 p. (In English).
- [21] Zdravomyslov, A. G., & Yadov, V. A. (1969). Lichnost' i ee tsennostnye orientatsii. Informatsionnyy byulleten'. Seriya: Materialy i soobshcheniya. Moscow, Institut konkretnykh sots. issledovaniy AN SSSR, 122 p. (In Russian).
- [22] Rokeach, M. (1973). The nature of human values. Free Press, (5), pp. 20-28. (In English).
- [23] Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2020). Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulyatsiya zhiznedeyatel'nosti. Moscow, Norma Publ., 304 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.07.2022; одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 24.08.2022.

The article was submitted 12.07.2022; approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 24.08.2022.

На научный журнал
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»
(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного
каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,
а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:
https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 05.10.2022. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 8,00. Усл. печ. л. 15,00. Тираж 500. Заказ № 2491.
Распространяется по подписке. Цена свободная.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.